

Наталья Осояну

НАГРАДА ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
ЗА ПЕРЕВОДЫ

ПЕРЕВОДЧИК
БРЕНДОНА
САНДЕРСОНА,
РОБИН ХОББ,
КЭТРИН ВАЛЕНТЕ
И ЙЕНА
МАКДОНАЛЬДА

БЕЛЫЙ
ФРЕГАТ

Дети Великого шторма

Наталья Осяну

Белый фрегат

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Осояну Н. Г.

Белый фрегат / Н. Г. Осояну — «Издательство АСТ»,
2020 — (Дети Великого шторма)

ISBN 978-5-17-114544-6

Чтобы отыскать последнюю часть древнего артефакта, «Невесте ветра» придется совершить путешествие на север, в край таинственных и могущественных воронов, заглянув по пути в плавучий город очарованных морем. Корабль с зелеными парусами и его верную команду ожидают испытания, встречи с морскими чудовищами и битвы, а также знакомства с новыми друзьями, сведение давних счетов, признания и потери. Одна за другой открываются тайны былого, единение разумов и судеб обретает новую силу, и с пути, предначертанного богами, уже не свернуть. Эта история – о нарушенных запретах и цене, которую придется заплатить. Эта история – о тех, кто способен посмотреть в глаза Великому Шторму.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-114544-6

© Осояну Н. Г., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Книга третья	5
Шум моря	5
Часть первая	10
Бегущие-по-волнам	10
Шум моря	71
Часть вторая	75
Дорога печали	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Наталия Осояну

Белый фрегат

Книга третья

Белый фрегат

Поначалу была она невелика – во много раз меньше самой маленькой звезды – и светилась черным зловещим светом. Она притягивала к себе пыль и пепел мертвых звезд, постепенно становясь все больше, и в конце концов к ней устремились и те живые звезды, что оказались рядом. Рисунок созвездий нарушался, тени-призраки срывались с привычных мест и летели во тьму – к поджидавшей там громадной Черной звезде. Это происходило медленно, однако Черная звезда не торопилась, желая оставаться невидимой для существ за пределами Пустоты до тех пор, пока не сделается слишком поздно. Из ожидания Черной звезды родилось Время, поскольку каждый сон, оказавшийся слишком далеко от своего создателя, приближал то, что должно было стать концом Пустоты и началом чего-то другого.

Книга Основателей

По частям, по осколкам, по крупицам собирали они его сердце, и, когда оно вновь стало целым, Эльга сказала: «Вот оно, забирай! Но знай, что, если ты нарушишь слово, я снова его разобью, сотру в пыль, и уже никто не сможет его собрать заново!» Шторм покорился ей, потому что сам теперь был скован цепями из дождя и ветра.

Легенда об Эльге и Великом Шторме

Шум моря

День выдался пасмурный: солнце будто кто-то прикрыл завесой из плотной кисеи, а свинцово-серое море волновалось с самого утра, словно размышляя, быть настоящему шторму или нет. Жизнь в Кааме затихла в ожидании; рыбаки не вышли в море, а прочие горожане то и дело поглядывали на небо.

Но дождь так и не начался.

Вместо шторма к столице Окраины приближалось совсем другое бедствие: сначала оно было едва заметной черточкой на горизонте, однако черточка эта росла очень быстро и вскоре превратилась во фрегат с черными парусами. Со сторожевых башен раздалось гудение колоколов, от которого каамцы, побросав все дела, принялись суетливо готовиться к новой атаке на город. Лишь те, кого угораздило оказаться в этот момент на смотровой площадке одной из многочисленных башен, ощутили некую странность в происходящем: черный фрегат был всего один, и даже самая слабая подзорная труба позволяла разглядеть, что он в плачевном состоянии. Паруса потрепанные, местами так и вовсе рваные, на правом борту поджигают следы глубоких ран, а на палубе виднеется всего лишь с десяток людей... Впрочем, последнее как раз было излюбленным обманым приемом цепных акул.

Следом за донесением, что пушки крепости готовы к бою, Лайра Отчаянный получил второе: незнакомый фрегат замер у входа в гавань, возле скалы, которую каамцы называли Зуб мерра, и вывесил белый флаг. Переговоры?.. Сердитый и чуть сбитый с толку король Окраины

помянул кракена и отправился на пристань вместе с двумя советниками и Камэ, которая после беды, случившейся больше двух месяцев назад, следовала за братом неотступно, словно тень. Прибыв на место, он первым делом потребовал подзорную трубу на треноге и, придерживая ее левой рукой, принялся изучать странного гостя, который теперь подавал уже другие сигналы.

– Ничего не понимаю, – проговорил Лайра через некоторое время, оглядываясь на своих спутников. – Этот сигнал известен только мне и Кристобалу Крейну, однако фрегат, который мы видим, уж точно не «Невеста ветра». Те, кто на борту, просят разрешения войти. У них пробоина после столкновения с кракеном и полные трюмы воды... Кто они такие, забери меня Великий Шторм?

– По правде говоря, мне эта рыба знакома, – сказал один из советников, Гристейн Мор, задумчиво обхватив рукой небритый подбородок. От прочих помощников Лайры Отчаянного он отличался необыкновенно острым зрением и не нуждался в подзорной трубе, чтобы как следует разглядеть фрегат, застывший у входа в гавань. – Но я не в силах поверить, что такое возможно...

– А поточнее нельзя?

– Взгляни еще раз, повнимательней. Она, конечно, здорово потемнела, однако такое с молодыми фрегатами иногда случается. У нее светлое пятно над правым глазом... и передняя мачта слегка короче, чем требует канон Сёгэна... ну же, Лайра, ты видел ее ровно столько же раз, сколько я.

Король Окраины взгляделся – и присвистнул.

– Вот это поворот! Я тоже не верю своим глазам... Каким образом это может быть «Утренняя звезда» и почему она здесь?

Мор хмыкнул и пожал плечами, но ничего не сказал. Лайра продолжил:

– Если это и впрямь «Утренняя звезда»... откуда им известен наш с Кристобалем условный сигнал? Почему они явились сюда? Всем известно, что мы с Крейном друзья – пусть это и несколько устаревшие сведения, – а вот Звездочет никогда моим другом не был, равно как и любой головорез из его команды.

– Если сигналу их научил Крейн, если он и сам на борту, ты должен их впустить, – негромко проговорила Камэ, не глядя на брата. – Даже если за ними по пятам следует Великий Шторм. Особенно если за ними следует Великий Шторм.

– С какой стати Крейну быть на борту «Утренней звезды»? – парировал Лайра. – И где «Невеста ветра»? Где остальные – где Джа-Джинни, в конце концов? Он мог бы прилететь и объяснить всю эту меррову ерунду.

– Раз уж никто из вас не в силах озвучить очевидное, это сделаю я, – ровным голосом сказал другой королевский советник, Кеттри. – Возможно, произошло нечто ужасное, и Крейну нужна помощь?

Лайра выругался сквозь зубы и неловким движением опрокинул треногу. Камэ вздрогнула от грохота и посмотрела на брата с мольбой. Он отвел взгляд.

– Ты знаешь... несмотря ни на что, он бы не выдал условный сигнал человеку, способному причинить нам вред, – тихо сказала она. – Тебя просит о помощи друг.

– Очень осторожный друг, – прибавил Мор. – И осведомленный – он явно знает и о ссоре с Крейном, и о том, что у нас нет оснований доверять кораблям черного цвета.

– То есть вы все считаете, что я должен забыть о случившемся? – подытожил Лайра, окидывая взглядом троих спутников.

Мор в ответ ухмыльнулся, Камэ кивнула, а Кеттри – самый молодой из всех – сначала просто пожал плечами, но потом тоже кивнул.

«Не ври самому себе – ты уже готов запихнуть случившееся в дальний угол памяти, – прошептал на ухо Лайре голос, не слышный никому другому. – И мы оба знаем, что любопыт-

ство – твой порок. Прогнав этот фрегат, ты не сможешь ни есть, ни спать, измучаешь всех и вся. Не сопротивляйся, мой король. Принимай гостей, кем бы они ни были».

Камэ неверно истолковала его молчание и расправила плечи, готовясь ринуться в бой; выражение ее лица сделалось не по-женски суровым. Лайра наконец-то посмотрел в глаза своей сестре, и несколько минут они оба молчали, словно обмениваясь мыслями. Кеттри оглянулся на «Утреннюю звезду» и покачал головой, с трудом скрывая нетерпение. Мор, которому чаще доводилось видеть Лайру сомневающимся, наградил молодого моряка сердитым взглядом и вынудил взять себя в руки.

Лайра вздохнул.

– Похоже, ни для кого уже не секрет, что я излишне любопытен, – сказал он, поворачиваясь к морю. – Пусть их капитан прибудет сюда на шлюпке, и мы с ним побеседуем. Несколько часов ничего не изменят, зато мы выясним, кого сюда мерры принесли.

Кеттри подозвал мальчишку-посыльного, что болтался без дела неподалеку, а Мор посмотрел сначала на Лайру, потом – на Камэ. У Окраинного короля было совершенно непроницаемое, каменное лицо, и лишь едва заметное подрагивание пальцев единственной руки выдавало истинные чувства. Камэ владела собой хуже брата, да и вряд ли она сумела бы как-то скрыть сияющие глаза, полные безответной любви. Любви, которая уже ни для кого не была тайной.

«Неисповедимы пути Шторма, – подумал Мор, вспомнив битву в гавани Каамы, в которой он едва не потерял своего друга и короля. – Но что-то мне подсказывает, что перед нами только что открылся путь, ведущий в самое сердце бури».

Ждать неизвестного хозяина «Утренней звезды» на пристани было слишком большой честью, но и возвращаться в свой особняк Лайра не захотел. Встречу помог обустроить Кеттри: всего за четверть часа он сделал так, что общий зал одного из портовых трактиров с незамысловатым названием «Логово кракена» совершенно обезлюдел. Лайра и Грестейн Мор уселись за самый чистый стол, а Камэ подошла к окну, из которого лучше всего была видна пристань, и застыла возле него изваянием.

– Идут, – проговорила она и, чуть помедлив, прибавила упавшим голосом: – Его нет.

Лайра со свистом втянул воздух сквозь зубы; Мор отодвинулся подальше – возле Отчаянного, как бывало раньше только во время битвы, от напряжения гудел воздух. Через пару минут входная дверь отворилась, и в «Логово» вошли трое.

Худощавый юноша с сосредоточенным мрачным лицом; на шее у него был небрежно намотан грязный шарф, не скрывающий грубого шрама – такого, словно кто-то пытался перегрызть ему горло.

Высокий моряк, у которого из-под платка выбивались волосы странного цвета – наполовину черные, наполовину совершенно белые. На его узких губах застыла странная кривая ухмылка.

И... девушка. Ее удивительно длинные волосы сверкали точно чистейший снег, а узкое лицо с изящными чертами мгновенно очаровывало неземной красотой, лишая дара речи. Она двигалась медленно, с неподражаемой грацией, свойственной лишь небесным детям.

Лайра встал; спустя долю секунды его примеру последовал Мор.

– Вот так история, – сказал Окраинный король с оттенком горькой иронии, разглядывая своих гостей. – Я ожидал увидеть кого угодно, только не ее высочество принцессу Ризель, не узнать которую мог бы лишь слепой... Не юнгу с «Невесты ветра» – Кристоаль называл тебя Кузнечиком, если не ошибаюсь? Теперь ты вовсе не юнга, да, я это чувствую... И... ты ли это, Хаген?

Странная тройца переглянулась.

– У нас и впрямь есть история, которую мы хотим рассказать, ваше величество, – проговорила принцесса Ризель негромким, но уверенным голосом женщины, привыкшей повелевать и встретившей равного себе. – Вопрос лишь в том, кому мы ее расскажем – другу или врагу?

– Вопрос и в самом деле очень интересный, – задумчиво протянул Лайра, усаживаясь на прежнее место. Откинувшись на спинку скамьи, он продолжил: – По правде, я пока не знаю, как на него следует ответить. Уточним-ка для начала кое-какие мелочи.

Вновь прибывшие опять посмотрели друг на друга.

– Спрашивайте, ваше величество, – сказала принцесса.

Лайра успел только набрать воздуха в легкие, как вдруг Камэ выпалила:

– Где Кристобаль?

Ризель посмотрела на нее, словно впервые заметив, и на красивом лице принцессы мелькнуло... сочувствие? Камэ истолковала это выражение именно так, и рука ее сама собой потянулась к побледневшим, плотно сжатым губам. Ни она, ни кто-либо другой уже не мог притвориться, что этого вопроса не прозвучало, и ответ – Камэ сама это понимала – должен был оказаться страшным.

– Есть все основания предполагать, – хрипло проговорил юнга вместо принцессы, – что Кристобаль, Эсме и еще с десятков тех, кто выжил после Облачного города, равно как и сама «Невеста ветра»... погибли.

Камэ издала странный звук, похожий на крик чайки, и медленно опустилась на пол. Лицо Лайры окаменело: он в очередной раз обвел взглядом юнга, матроса и принцессу, подмечая зловещие детали их облика.

У Кузнечика под глазами лежали свинцово-серые тени, его щеки запали, а три глубокие морщины между бровями явно появились не этим утром. Маленький юнга, которого Лайра хорошо знал, хотя и не считал нужным уделять ему особое внимание, стал навигатором, и это было еще не все...

Хаген бесстрашно посмотрел в глаза Окраинному королю. Он оказался свидетелем их ссоры с Кристобалем, он знал о случившемся больше, чем многие другие, и не должен был приходить сюда, но все-таки пришел. Ради чего? Ради кого? И откуда у него взялась эта странная гримаса – застывшая на губах полуулыбка без малейшего намека на веселье?

А что касается Ризель, то Лайра лишь теперь увидел на рукавах ее некогда роскошного платья застиранные пятна, которые могли оставить только копоть и кровь.

Все трое выглядели потрепанными, усталыми, отчаявшимися.

Все трое держались из последних сил.

– Рассказывайте.

– Это долгая история, – проговорил Кузнечик, устремив на Лайру Отчаянного до странности спокойный взгляд. – А моему фрегату нужны док и мастер-корабел, иначе не избежать беды. И еще кое-что – вскоре здесь появится еще один... немного необычный корабль. Нас рано утром разлучил шторм. Фрегат этот зовется «Полуночным призраком», и его навигатор – друг.

– Я пока не решил, могу ли считать друзьями присутствующих, – сказал Лайра, сопровождая каждое слово легким ударом указательного пальца по деревянной столешнице. Потом, словно невзначай, он вытащил из-под стола правую руку, которая была короче левой на целую кисть и половину предплечья. – Навигаторство еще не дает тебе права командовать людьми, мальчик, особенно теми, кому это нелегкое ремесло известно лучше, чем тебе. Ты...

– Я бы не хотела, ваше величество, – вдруг перебила Лайру принцесса Ризель, чуть приподняв изящную руку с длинными тонкими пальцами, – чтобы вы, поссорившись с капитаном Фейрой, повторили ту же самую ошибку с его другом и моим родным братом, принцем Амари. – Она грустно улыбнулась, когда от этих слов все онемели, и прибавила: – Впрочем,

откровенно говоря, мы сейчас гораздо дальше от престола Империи, чем это положено принцу и принцессе.

Ненадолго в зале «Логова» стало очень тихо.

Лайра молча посмотрел на Грестейна Мора, и тот, поняв намек, быстро вышел из трактира. Кеттри, поджидающий снаружи, изрядно удивился, получив приказ отменить тревогу и беспрепятственно пропустить поврежденную «Утреннюю звезду» в док. Он сгорал от любопытства, но Мор хранил упрямое молчание и заговорил лишь для того, чтобы мрачно заметить, глядя на посветлевшее небо и выглянувшее из-за туч солнце:

– Надвигается буря.

– Чего-чего? – искренне удивился Кеттри. – Какая еще буря?

– Вот увидишь, – пообещал Грестейн Мор, мучительно сморщив лоб. – Помяни мое слово: скоро начнется такая буря, от которой не скроется никто – ни люди, ни магусы, ни даже, кракен бы их побрал, мерры.

Часть первая

Бегущие-по-волнам

Сандер проснулся глубокой ночью.

~Песня~ «Невесты ветра», которую он слышал с той секунды, как впервые ступил на борт, сделалась громче обычного – она почти что вгрызалась в самую его суть как сверло, причиняя ощутимую, физическую боль. Но к боли он привык и совсем ей не удивился, а вот дразнящий запах жареного мяса испугал его не на шутку.

Желудок скрутило от голода. Сандер крепко зажмурился и сглотнул горькую слюну, наполнившую рот. Что за наваждение – ведь накануне вечером он плотно поужинал рыбой, и еще ни разу за десять дней, минувших после бегства из Облачного города, не случилось такого, чтобы кто-то из людей или магусов на борту «Невесты» лег спать голодным. Воды и еды у них было достаточно, в отличие от всего остального... хотя, конечно, неизменная рыба всем надоела еще до конца первой недели. Так или иначе, смерть от голода или жажды не значилась в списке того, что им угрожало.

Помереть от тоски было куда вероятнее.

– Ты чего? – спросил Кузнечик.

«Амари», – мысленно поправил себя Сандер и нахмурился. Он никак не мог до конца осознать, что юнгой «Невесты ветра» все это время был младший сын и наследник капитана-императора, не просто магус, а магус из клана Цапли, наделенный, как все они успели убедиться, даром сильного слова. Принц лежал в нескольких шагах от него, укрывшись курткой и по-детски сунув сложенные ладони под щеку. В темноте не было видно, какое у него изможденное, усталое лицо.

– Что с тобой? – снова спросил он. – Не спится?

Сам Амари не сомкнул глаз после Облачного города, после того как «Утренняя звезда» стала его фрегатом. Сандер мало что в этом смыслил и мучился от бессилия, от невозможности помочь. «Он слишком старый для первого навигаторства», – говорили другие матросы. Им возражали: дескать, всякое бывает, но тревога не утихала. «То, как они связаны... что-то в этом есть неправильное, так не должно было случиться!...» – «Вот помяните мое слово: еще денек-другой – и она сведет мальчишку с ума...»

Магусы, конечно, во многом сильнее обычных людей, но даже магус не может обходиться без сна слишком долго.

«Кристобаль, придумай что-нибудь, умоляю».

– Запах... – Сандер шумно втянул воздух носом. О ~песне~ он не стал ничего говорить, потому что бывший юнга, как и все остальные члены команды – включая капитана, – ее не слышал. – Ты разве не чувствуешь?

Амари принюхался – и покачал головой. Между тем невидимое мясо на невидимой сковороде начало подгорать, и Сандера замутило – на сей раз голод, пусть и воображаемый, не имел к этому отношения. Запах был... нехороший. Он встал и огляделся. Матросы крепко спали, кое-кто храпел, и им снились, судя по царившему вокруг умиротворению, хорошие сны.

– Уверен, что тебе не мерещится? – спросил Амари.

Вместо ответа Сандер быстрым шагом направился к выходу из кубрика.

Из Облачного города они бежали с трюмами, вычищенными до последней пылинки. Цепные акулы не просто разграбили фрегат знаменитого морского разбойника Кристобала Крейна – они открыли и оторвали даже то, что всегда считалось неотъемлемой частью рыботора.

Когда восторг от чудесного спасения схлынул, моряков охватил ужас при виде того, что сотворили с их домом: фрегат был внутри и снаружи покрыт ранами, издающими гнилостный запах; каюты лишились дверей, а капитанская и вовсе выглядела так, словно ее стены облили кислотой, – оставалось лишь гадать, что именно там устроили приспешники капитана-императора. Пропали все до единого стрелометы. Исчезли целительские снадобья из сундука Эсме, хотя сам сундук остался на прежнем месте. Когда целительница его закрыла, чуть не плача, – ей на шею откуда-то сиганул грязный и голодный, но очень довольный собой ларим Сокровище, которого, по всей видимости, просто не сумели поймать. Она поцеловала зверька в нос.

На ошейнике Сокровища болтался маленький диск, который они получили на острове Зеленого великана. Первая часть небесного компаса, которую Эсме спрятала там, где враги даже не подумали искать.

Вторую часть загадочного устройства, добытую еще более странным способом, носил теперь Амари. Он то и дело вынимал из-под рубашки металлический диск на шнурке и подолгу смотрел на вещь, из-за которой тот, кого они называли Змеенышем и привыкли ненавидеть, пожертвовал собой. В каком-то смысле все случившееся в Облачном городе было связано именно с этим *сокровищем*, и Сандер, как и многие другие, задавался вопросом: сколько еще жертв им предстоит принести ради корабля из легенды, который якобы не погиб?..

Несмотря на тяжелые и болезненные раны, «Невеста ветра» была готова к долгому путешествию и, раскрыв все паруса, устремилась туда, куда ее повел капитан, – на север. То, что во время пути люди терпели значительные неудобства, фрегат не волновало – корабль не мог постичь, что вещи вроде столов и стульев, ложек и тарелок, одеял и подушек необходимы, хотя от них и не зависит чья-то жизнь. С точки зрения «Невесты ветра», важнее всего были вода и еда: первое, как и раньше, они получали из трех резервуаров в трюме – Мани Рыбий Хвост все бубнил, что они слишком медленно заполняются, но никто другой не разделял его беспокойства, – а второе «Невеста» предоставила тем же способом, при помощи которого питалась сама. Теперь каждое утро несколько человек спускались в брюхо и там, стоя по пояс в мерцающей зеленоватой воде, руками ловили рыбу – плоскатиков, иглоухов, морских кроликов, – и улова вполне хватало, чтобы насытить поредевшую команду вместе с пассажирами.

Сперва это радовало – однообразная еда казалась пустяком по сравнению с ценой, которую они заплатили за свое спасение, – но теперь Сандер был готов всю рыбу на свете променять на одно-единственное яблоко, пусть маленькое, зеленое, червивое и с ушибленным бочком. Он то и дело чувствовал во рту знакомый вкус, слышал запах и понимал, что навязчивая идея может превратиться в проблему, если только они не остановятся где-нибудь, чтобы пополнить запасы. Ведь он был такой не один – просто каждый спасенный мечтал о чем-то своем.

Странно, что сейчас ему чудился не аромат, который источает полная корзина спелых яблок, только что собранных в саду, а запах жареного мяса, переходящий в зловоние паленой плоти.

Сандер приостановился возле лестницы, ведущей на палубу. Сверху лился красноватый свет, не похожий ни на свет фонаря, ни на зеленое сияние, которое тело фрегата источало в минуты сильного испуга. Он оглянулся – юный магус озадаченно глядел на своего друга из темноты, – а потом начал быстро подниматься.

До пояса высунувшись из люка, Сандер застыл, не веря своим глазам.

Палуба «Невесты ветра» выглядела так, словно где-то под нею разгорелся нешуточный пожар. Местами лжеплоть расплавилась, превратившись в похожее на жидкий воск вещество, которое продолжало кипеть и булькать; кое-где шкура прогорела до дыр с обугленными краями. Как ни странно, происходящее совсем не затронуло мачты и паруса, поэтому «Невеста ветра» продолжала свой путь, а ее команда и пассажиры спокойно спали, даже не догадываясь, что их фрегат вот-вот развалится на части.

Сандер зажмурился и затаил дыхание.

– Сейчас все пройдет, – сказал знакомый голос. – Вылезай, не бойся. Это не настоящий огонь... пока что.

Рука Амари легонько ткнула Сандера в спину, и он робко приоткрыл один глаз. Палуба «Невесты ветра» стремительно менялась, вновь обретая целостность, и через считанные секунды на ней остались только не зажившие до конца черные борозды, рассекающие лжеплоть в десятке разных мест. Свет, озарявший ее теперь, был светом звезд и двух фонарей, что выросли и раскрылись уже на третий день после бегства из Облачного города. Возле носа фрегата, на своем излюбленном месте, обнаружился крылан. Он кутался в черные крылья, будто в плащ, и смотрел не на Сандера и Амари, а куда-то в сторону моря, погруженного во тьму.

Сандеру хотелось забыть увиденное – морок исчез, и запах горелого мяса растворился в свежем ночном воздухе, – но он знал, как знали Амари, Джа-Джинни и все остальные моряки: случившееся – только начало.

К тому же ~песня~ «Невесты ветра» по-прежнему звучала слишком громко.

– Плохи наши дела, – негромко сказал крылан, когда они приблизились. – Я надеялся, что они сумеют во всем разобраться, но, похоже, зря... Амари, ты как?

– Без изменений, – сказал молодой магус и нахмурился. – Она не дает мне спать. В ушах звенит, в глазах темно. Я бы не рассчитывал, что в случае чего «Утренняя звезда» нас спасет. Уж скорее она будет наблюдать со стороны за тем, как мы погибаем, и радоваться.

– Тебя-то она точно спасет, – возразил Джа-Джинни. – Ты, как бы там ни было, ее навигатор. Иногда между рыбкораблем и магусом или человеком возникают размолвки, нередко дело принимает серьезный оборот, однако гибелью навигатора оно может закончиться лишь в одном случае, и тебе такое не грозит.

Он не договорил, но они услышали: «В отличие от Кристобаля».

Все десять дней, что прошли после бегства из Облачного города, Фейра почти не выходил из своей разгромленной каюты. Сандер несколько раз приносил ему еду и всегда заставлял одну и ту же картину: феникс сидел, скрестив ноги и положив на колени руки с изуродованными пальцами, которые венчали длинные черные когти; лицо у него было спокойное, но под опущенными веками полыхало красным. Он исправлял то, что сделал раньше, перед Эверрой, перед безумной авантюрой в столице, – распутывал связующие нити, проверял каждую и восстанавливал в прежнем виде, – и одновременно управлял парусами «Невесты ветра», не позволяя ей отклоняться от курса. Сандер постоянно ощущал его незримое присутствие и понимал, что сейчас их капитан полностью объединил свой разум с разумом фрегата... и, похоже, увиденное фрегату не нравилось. О тех вещах, что происходили на борту из-за женщин, рассказывали много небылиц в тавернах, желая напугать слушателей или продемонстрировать свою осведомленность, но Сандер не верил сплетням – он просто знал наверняка, чем заканчиваются подобные истории.

– Жаль, что с нами нет Эрдана, – тихо и устало проговорил крылан. – Он бы помог приручить «Звезду».

– А «Невеста»? – спросил Амари. – Он бы справился с... этим?

Джа-Джинни покачал головой.

– С этим, – он постучал по виску полусогнутым пальцем, – не справится никто, кроме самого капитана. Да и он... – Тут человек-птица замолчал и издал такой красноречивый вздох, что Сандер невольно разозлился.

– Хватит болтать чепуху, – сердито сказал он, сжимая кулаки. – Хватит! Разнылся тут как меррский буревестник... Ты ведь знаешь – мы все знаем! – на что способен Кристобаль Крейн.

– Крейна больше нет, а нашего капитана зовут Кристобаль Фейра, – возразил Джа-Джинни. В бирюзовых глазах крылана мелькнуло удивление – он еще ни разу не видел тихоню Сандера в таком настроении. Но все-таки человек-птица продолжил прежним тоном: – Осме-

люсь напомнить, что нам до сих пор не приходилось бывать в столь серьезных переделках. У любой истории есть конец, и никто не обещал нам долгой и счастливой жизни.

Перед внутренним взором Сандера прошла вереница знакомых лиц...

– Я знаю «Невесту» лучше вас, – сказал он и тут же пожалел о своей болтливости, но останавливаться было поздно. – Она не просто разумна, она умна и обязательно поймет, что капитан вовсе не собирается менять ее на... кого-то другого. Она не станет мстить нам всем за то, что все вышло именно так, а не иначе.

– Не собирается менять? – переспросил крылан, и на этот раз в его голосе проскользнули язвительные нотки. – Я знаю Кристобая лучше, чем ты, и понимаю, что он отправился в Облачный город не за мной, а за Эсме – за той, чье имя ты, мой друг, решил не произносить, чтобы лишний раз не тревожить «Невесту ветра», в чьей разумности никто из нас не сомневается. Ему удалось нас спасти ценой многих жизней, ценой невыносимой боли... И ты хоть понимаешь, чем он рисковал? Так играть с капитаном-императором – все равно что сесть за стол с прославленным шулером.

– Справедливости ради, шулеров в этой партии было все-таки два, – заметил Амари, до сих пор с интересом наблюдавший за маленькой перепалкой. – А то и больше. Что касается «Невесты ветра» и Эсме, то... теперь мой черед говорить «я знаю лучше». – Он ухмыльнулся, увидев изумление на их лицах, и продолжил: – Вы зря считаете, будто «Невеста» все поняла только сейчас. Она почувствовала, что происходит между нашим капитаном и новой целительницей чуть ли не раньше, чем они сами все поняли. Они оба ей нужны. Она просто еще... в смятении.

Сандер вдруг воочию увидел перед собой полыхающий на столичной набережной столб огня, в центре которого едва угадывались две человеческие фигуры, сжимающие друг друга в объятиях. В Облачном городе произошло слишком много разных событий, и все они до сих пор не оправились после случившегося. Ему захотелось поверить, что все будет хорошо – надо лишь чуть-чуть подождать, – но...

Но он все время слышал эту оглушительную ~песню~.

Джа-Джинни покачал головой и сказал, не скрывая горькой улыбки:

– В голове у влюбленного, будь он человеком, магусом или кем-то еще, царит совершеннейший бардак. Сандер, ты ведь музыкант, ты знаешь, как об этом в песнях поется. Все падает из рук, и белый свет не мил, пока любимой рядом нет, и так далее, и тому подобное. А потом любимая приходит, занимает свое место в сердце, в душе, в памяти... и больше там уже ничего не помещается.

Он расправил черные крылья, взмахнул рукой.

– В голове у нашего капитана внезапно стало очень тесно. Да, Амари, «Невеста» почувствовала это первой, и уже давно. Но самое страшное в том, что от нее теперь ничего не зависит. Вскоре... я не хочу никого пугать, но это правда... места не останется и для всех нас.

~~~~~

Сандер отвернулся, пряча болезненную гримасу, и спросил:

– Что же ты предлагаешь делать?

Джа-Джинни пожал плечами:

– Я бы сказал, что кому-то надо сойти.

– На берег? – уточнил Амари.

Крылан, ухмыльнувшись, ответил:

– Можно и на берег – только где его найдешь в Море Обездоленных?

То, что он хотел сказать на самом деле, понять было нетрудно, и все-таки Сандер и Амари застыли, не веря своим ушам. Джа-Джинни изобразил подобие улыбки, больше похожее на оскал, и сорвался в ночь, широко раскинув крылья; из темноты раздался его горький смех, а потом все стихло.

Остаток ночи они провели наверху, в угрюмом молчании наблюдая за бесстрастным мерцанием холодных звезд. Сандер догадывался, о чем думает молодой магус: Амари то и дело косился на едва заметные далекие огни фонарей, свидетельствовавшие, что «Утренняя звезда» по-прежнему следует за «Невестой ветра», держась на почтительном расстоянии.

Все было так.

На следующее утро после бегства из Облачного города Сандер вместе с еще одним матросом, Гратти из Ламара, набрали в брюхе плоскатилов – за неимением сетей или чего-то похожего пришлось использовать рубашку Гратти – и как раз несли их на камбуз, как вдруг Сандер словно раздвоился. Одна его половина без особых усилий продолжала тащить свой груз, а другая...

...Другую ~понесло~ в капитанскую каюту.

– Шевелись, – сказал Гратти. – А то нам влетит от Рыбьего Хвоста.

Сандер, чье внимание уже разделилось надвое, пробормотал что-то невнятное.

– Я вас пригласил, чтобы обсудить несколько важных вопросов, – медленно проговорил Крестобаль Фейра.

Он сидел на полу в куртке, наброшенной на плечи, и горящими глазами рассматривал своих спутников через полуприкрытые веки.

В капитанской каюте с оплывшими стенами – лишенная мебели, она казалась непривычно большой – собралась странная компания. В углу сидел Джа-Джинни, чьи крылья все еще покрывали капли росы после недолгого полета в утреннем тумане. Лицо у человека-птицы было сосредоточенное: он как-то слишком уж внимательно разглядывал собственные босые ноги, словно не желая никого видеть. Накануне, помимо всех прочих испытаний, им пришлось еще и удерживать на борту крылана, который, едва избежав смерти, собирался лететь обратно в Облачный город, потому что там осталась та девушка-музыкантша, которую Сандер никак не ожидал увидеть в самом сердце Империи. «Лейла! Лейла!» – кричал Джа-Джинни, не желая слушать капитана, который все время повторял, что эта самая Лейла почему-то отказалась уйти вместе с ними. О да, Сандер лучше многих знал, какие странные вещи музыканты вытворяют, слушая не те ~песни~...

Хаген стоял у Фейры за спиной, упираясь одной рукой в раму иллюминатора, а другой машинально поглаживая щеку. Пересмешник после бегства из Облачного города не вымолвил ни слова, а глубокой ночью Сандер слышал, как он стонал и царапал лицо.

У противоположной от Хагена стены сидела, гордо выпрямив спину, принцесса Ризель; рукава ее роскошного платья были подвернуты, чтобы не мешать, белые волосы она заплела в длинную косу. Принц Амари устроился поблизости от сестры, но на нее не смотрел даже краем глаза. Бывший юнга, а ныне навигатор, то и дело вздрагивал, словно от боли: «Утренняя звезда» пробовала на прочность узы, которые теперь сковывали их друг с другом.

«Откуда я знаю то, что мне не положено знать? – растерянно подумал Сандер. – Почему я вижу то, что мне не положено видеть?»

Гратти сунул ему в руки нож и ворчливо посоветовал быть внимательнее. Сандер начал чистить и разделять плоскатилов – вслепую, потому что перед глазами у него по-прежнему стояла совсем другая картина.

Среди собравшихся в каюте не было только Эсме – он мельком увидел ее у постели бесчувственной девушки по имени Фаби, спутницы принцессы Ризель, а потом опять рывком ~вернулся~ туда, где сидели Фейра и остальные.

Конечно, еще не хватало Умберто...

– Первый важный вопрос, – хрипловатым голосом произнес Джа-Джинни, не поднимая головы. – Где мы и куда направляемся?

– К западу от нас орлиный остров Кирин-Те, к юго-востоку – Пантийские морские поля, владение клана Жаворонка, – без промедления ответил Фейра. – Мы оторвались от цепных акул еще ночью, но я хотел убедиться, что...

– Куда мы направляемся? – перебил Джа-Джинни, устремив на капитана немигающий взгляд. – Впереди пустота, Кристобаль.

– Впереди Море Обездоленных, – сказал Фейра и... что-то такое сделал с глазами. Их сияние слегка угасло, и кто-то в каюте чуть слышно вздохнул с облегчением.

– Вот оно как... – Джа-Джинни поднялся, подошел к Фейре и уселся напротив, очень близко, подперев рукой подбородок. Феникс не шелкнулся. – И что же нам делать в Море Обездоленных, а? Уж не собрался ли ты просить помощи в Талассе?

– В это время года бегущие-по-волнам должны быть намного южнее, где больше рыбы, – сказал Фейра. – Встреча с ними крайне маловероятна. А что касается твоего первого вопроса, то в Море Обездоленных мы, прежде всего, прячемся. Надеюсь, не надо уточнять, от кого?

Крылан фыркнул:

– Да хоть от Великого Шторма и Меррской матери, вместе взятых! Если мы и дальше будем идти тем же самым курсом, то в конце концов окажемся во владениях воронов, возле Росмера. Ты собираешься явиться к их старейшине и сказать: «День добрый, я пришел, чтобы перевернуть принадлежащую вам Землю тысячи огней вверх тормашками в поисках древнего артефакта, связанного с мифической „Утренней звездой“, сообразованно не мешать?»

– Я не собирался быть столь прямолинейным, – спокойно ответил феникс. – Но суть ты уловил верно.

Джа-Джинни зашипел, хлопнул ладонями по полу и вскочил, раскинув крылья. Фейра по-прежнему сидел без движения, с прямой спиной и закрытыми глазами, словно не ощущая, что над ним навис разъяренный человек-птица.

– Мы потеряли почти двадцать человек, – проскрежетал крылан, – мы потеряли Умберто, которого ты сам отправил на верную смерть. Ты едва не лишился корабля, разума и жизни, ты с трудом сдерживаешь пламя – не притворяйся, что это не так, я не слепой, – и все же, слава Заступнице, мы спаслись. Мы вырвались на свободу: перед нами открыт весь огромный мир, где хватит места и для Аматейна Эгретты, и для Кристобаля Фейры, но Кристобаль Фейра, словно тупой краб, ползет – нет-нет, летит на всех парусах! – прямо на север... зачем? Чтобы позволить капитану-императору довершить начатое?!

– Чтобы все, перечисленное тобой, не было напрасным, – сказал Фейра. Его веки на несколько секунд распахнулись, словно печные заслонки, и Джа-Джинни отшатнулся, не в силах выдержать огненный взгляд. – Это я, я должен довершить начатое, а не капитан-император. И никто меня не отговорит, хоть ты, хоть сам Великий Шторм. Я буду идти вперед и буду помнить всех, кто остался позади: Умберто, Змееныша... и тебя, трусливый шебаршила.

Загорелое лицо крылана сделалось серым.

– Да, ты прав – мне страшно, – сказал он, выпрямляясь. – Страшно потому, что я... – Человек-птица не договорил, но все его поняли: «Потому, что я умер, а потом воскрес». – Лучше бы ты тоже испугался того, что с нами произошло.

Фейра ничего не сказал в ответ, и Джа-Джинни вернулся в свой угол, устало волоча крылья по полу. Хаген, Амари, Ризель и невидимый Сандер наблюдали за происходящим, не в силах даже пошевелиться – и так продолжалось до тех пор, пока капитан «Невесты ветра» не повернулся к своему помощнику, теперь единственному.

– Ты забываешь, – негромко проговорил он и открыл глаза – разноцветные глаза, на самом дне которых плясали искры, – кто я такой и что чувствую. Каждый час, каждый миг я ощущаю тебя и всех остальных как часть своего корабля – часть самого себя. Я знаю, о чем ты думаешь. Я знаю, чего ты хочешь.

Крылан покачал головой:

– Ты не можешь этого знать.

Фейра улыбнулся и промолчал.

– Кстати, о Росмере... – проговорила Ризель, когда тишина стала невыносимой. – Вы позволите, капитан? – Фейра кивнул, и принцесса продолжила очень спокойным голосом, как будто странное собрание происходило в каком-нибудь из многочисленных совещательных залов Облачной твердыни, а не в совершенно пустой каюте беглого пиратского корабля: – Быть может, прямолинейность – именно та стратегия, которая нам нужна. Вороны считаются союзниками капитана-императора, но на самом деле именно они могут оказаться тем единственным кланом, который не только захочет, но и сможет помочь всем нам.

– Это почему же? – спросил Фейра.

Вместо ответа Ризель повернулась к Амари.

Принц несколько раз моргнул, сильно покраснел и сказал:

– *Говори.*

– Спасибо... – Она мягко улыбнулась брату и, вновь обратив взгляд на Кристобая Фейру, начала объяснять: – Все дело в том, что капитан-император нарушил Договор. Это ведь не просто соглашение о союзе между кланами: на момент его заключения – как, собственно, и сейчас – Корвисс и Эгретта были нужны друг другу, поэтому они уделили много внимания тому, чтобы четко и недвусмысленно предусмотреть свои права и обязанности. Клан Цапли пообещал, что никто из нашей семьи никогда не потребует от алхимиков прибегнуть к запрещенной магии полужизни. На тот случай, если это все же произойдет, клан Корвисс сохранил за собой возможность выйти из Договора.

– Черные корабли, – негромко проговорил Хаген и дернул плечом, словно у него вдруг заболела спина. – Их создал кто-то из воронов по приказу Аматейна с помощью этой самой магии.

– Их создал, в общем и целом, Кармор Корвисс. Он же нарушил запрет на эксперименты с небесной кровью, и... – Ризель посмотрела на Амари; он кивнул. – И теперь у нас есть свидетель, готовый это подтвердить.

– Но готовы ли вороны выслушать свидетеля? – спросил Джа-Джинни, вскинув бровь. – Никто не может так просто взять и расторгнуть соглашение с самим капитаном-императором, даже Бдительные. Это ведь означает... войну.

На губах принцессы появилась едва заметная улыбка.

– Да, именно так. Будет война. И на тот случай, если вороны замешкаются на ее пороге, у меня имеется еще один... аргумент, о котором пока что рано говорить.

– Первым говорил Капитан Ворон, и сказал он так: «Братья и сестры мои! Вижу я, что люди этого мира уже не ходят на четырех конечностях, словно животные, и не пожирают плоть подобных себе. И это хорошо!» – нараспев проговорил Фейра. Брови Ризель чуть-чуть приподнялись, рот на секунду приоткрылся. – Я правильно цитирую?

Сандер застыл, держа в одной руке нож, а в другой – трепыхающуюся рыбу.

– Да, – сказала принцесса. – Но... откуда вы это знаете?

Вместо Фейры ответил Джа-Джинни:

– Мы с Амари украли у одного старого пирата тетрадь, в которой были записаны странные легенды, включая и эту. Интересное чтение. Жаль, ее забрали цепные акулы вместе с остальными вещами. Ну как нам было тогда догадаться... хм... ну, уж точно не мне.

Ризель снова посмотрела на брата.

– Я сразу узнал твой почерк, – сказал принц с робкой улыбкой. – Сразу захотел ее забрать, хоть это и было опасно... Мне и в голову не пришло, что Звездочет не мог ее заполучить иным способом, кроме как от тебя. Я решил, он ограбил какого-то лорда или даже самого капитана-императора.

– Он ограбил *меня*. – Ризель немного помолчала, собираясь с мыслями. – Что ж, давайте назовем вещи своими именами. С того момента, как я покинула Облачную цитадель, мои интересы больше не совпадают с интересами капитана-императора. В настоящее время мы на одной стороне, хотя я и не знаю, что произойдет потом. Нам выгодно быть вместе, по крайней мере пока клан Корвисс не решится начать войну. А что касается тетради... она не нужна. Я помню всю Книгу Основателей наизусть. И в оригинале, и в переводе.

Джа-Джинни хмыкнул; Фейра взмахнул рукой, похожей на птичью лапу.

– В самом деле, это может упростить нашу задачу, – сказал он. – Если вороны решат воспользоваться шансом, который выпадает раз в три тысячи лет, то, вероятно, они не станут возражать против того, чтобы мы немного похозяйничали на Земле тысячи огней. Тебя это успокаивает, друг?

Крылан упрямо покачал головой:

– *Если* Вороны пойдут против капитана-императора. *Если* их клан не расколется наполам и половины не начнут междоусобную грызню. *Если* они не решат просто взять на абордаж фрегат мятежников и скормить рыбам всех, кого обнаружат на борту. *Если*, кракен меня раздери, мы вообще доберемся до Росмера, не погибнув во время шторма, не повстречав на пути какую-нибудь безымянную тварь, не напоровшись на Талассу, в конце концов! Как-то слишком уж много «если», Кристобаль.

– Раньше ты был смелее, – заметил Фейра после недолгой паузы.

– Раньше ты был благоразумнее, – с горечью парировал Джа-Джинни.

– Есть еще кое-что, – сказала Ризель, поглядывая то на Фейру, то на Джа-Джинни. – Это связано с Фаби... – Голос принцессы не дрогнул, но глаза подозрительно заблестели. – Я опущу подробности. Насколько можно судить, от случившегося в тронном зале у нее пробудился дар Воробья. Тем самым был найден ключ к древней саморегулирующейся охранной системе Облачной цитадели, который считался утраченным. Мехи заполняют весь дворец от крыши до самых глубоких подвалов, они живут в стенах и под кроватями. Они все слышат – и передают той, кого теперь считают своей... скажем так, матерью. Вероятно, именно из-за столь обильного потока информации она до сих пор без сознания. Не знаю, сумеет ли она справиться с ним без должной подготовки. Так вот, мехи разговаривают с ней, а она повторяет вслух то, что слышит. Под утро она вторила капитану-императору.

– И что же он сказал? – вежливо поинтересовался Фейра, когда принцесса сделала паузу.

– Он сказал, что беглецов не следует искать так уж рьяно, потому что есть более важные дела. «Они несут с собой собственную гибель» – вот такими были его слова. Такое, как вы сами понимаете, трудно забыть. Сейчас наверняка кто-то из вас думает, что Фаби просто бредила и принимать сказанное во внимание не стоит. Ограничься она лишь этим – я и сама считала бы так же... – Ризель замолкла на несколько секунд. На лице ее не дрогнул ни один мускул, но руки, до сих пор спокойно лежавшие на коленях, сжались в кулаки. – Но это было лишь начало. Дальше она заговорила о вещах, которых знать не могла, и это убеждает меня в серьезности угрозы. Скажите, заметил ли кто-то из вас изменения в облике «Утренней звезды» по сравнению с тем, какой она была раньше?

Остальные переглянулись. Изменения они и в самом деле заметили, но облик фрегата, особенно молодого, часто менялся – цвет парусов становился темнее или светлее, вырастали новые плавники или даже новые мачты... «Утренняя звезда», насколько можно было судить в те моменты, когда она подходила достаточно близко к «Невесте ветра», теперь выглядела намного темнее, чем год назад. Цвет ее корпуса, раньше коричневато-красный, стал почти черным. Паруса тоже местами почернели, словно кто-то испачкал их сажей. Но хотя бывший фрегат Звездочета и вызывал у команды «Невесты ветра» не самые приятные ощущения, никому и в голову не пришло, что происходящее имеет какой-то особый смысл.

– Что с ней происходит? – Амари кинулся к Ризель и схватил ее за руку. – Она превращается в черный фрегат?

– Сильное слово, – еле слышно прошептала принцесса. – Мне снова нужно сильное слово. Принц стиснул зубы, сжал кулаки – на его лбу выступили крупные капли пота.

– *Расскажи*, – с усилием проговорил он. – Я хочу все знать.

Ризель тяжело вздохнула, закрыла глаза и, откинув голову так, что затылок уперся в оплавленную стену, сказала:

– Вот уже несколько лет по просьбе капитана-императора представители отдельных семейств – вороны, чайки и некоторые ласточки – занимаются тем, что воплощают на практике вычитанный в одной из запретных книг способ... скажем так, *изменения* фрегатов. Изначально перед ними поставили хоть и непростую, но довольно-таки определенную задачу, не требовавшую обязательного обращения к магии полужизни: нужно было избавиться от непереносимости звездного огня. Согласитесь, это открывает широкие возможности...

Сандера передернуло, он чуть не порезался.

Джа-Джинни чуть слышно пробормотал:

– Шире некуда.

– Но итог исследований оказался настолько странным, – продолжила принцесса, – что советники Аматейна даже не сразу поняли, что же такое им открылось. Они разрезали и заново сшили немало фрегатов вместе с их навигаторами, изучая давно забытые секреты связи между теми и другими. И внезапно... я опущу подробности... они обнаружили новый способ связи, доселе не ведомый никому, даже нашим предкам-основателям. Они поняли, как связывать фрегаты еще и с другими фрегатами. – Ризель перевела дух. – Ну и проблему звездного огня тоже решили, хотя в этом смысле стабильных результатов добиться не удалось по сей день.

– То есть, – сказал Фейра после достаточно длинной паузы, глядя на Ризель немигающими разноцветными глазами, – черные фрегаты подчиняются... одному навигатору?

На губах Ризель мелькнуло подобие улыбки.

– Приятно, что вы меня так быстро поняли, капитан. Да, все верно. Каждым черным фрегатом руководит... я не знаю, как его теперь называть... словом, у него есть непосредственный навигатор, основная задача которого заключается лишь в том, чтобы удержать корабль на плаву. И в нужный момент он отступает, а на передний план выходит *главный* навигатор. И все черные рыбокорабли, к которым должна была в скором времени присоединиться и «Утренняя звезда» – ее успели подвергнуть некоторым изменениям, – действуют как единая сила. Вообразите на каждом из них пушку, начиненную звездным огнем, – представьте себе, как сильно меняется стратегия боя в таких условиях. Достаточно одного похода на Краину – настоящего военного похода, а не той разведывательной экспедиции, что имела место не так давно, – чтобы та навсегда ушла в историю. А еще через какое-то время Империя станет единой и неделимой. Навечно.

В голове Сандера словно пронесся ураган. Он подумал сразу о многом: о Кааме, о морях к югу от края Империи, о поселениях, которые не примкнули к Лайре Отчаянному, но и имперскими себя не считали. Он подумал о трех тысячах лет, на протяжении которых почти все семейства магусов успели или погибнуть в междоусобных войнах, или выродиться. Словно отвечая на незаданный вопрос, Ризель встала, развела руками и с внезапной яростью произнесла:

– Капитан-император Аматейн отказался от своих детей, забыв, что даже Заступница уже не пошлет ему новых. Он мнит себя владыкой более великим, чем сам Великий Штурм, и скорее сожжет весь мир в пламени звездного огня, чем позволит кому-нибудь отнять у себя власть. Надо признать, у него есть возможность добиться своего. И тем не менее мы должны его остановить.

В каюте стало очень тихо.

– Как? – нарушил молчание Фейра. – Мы безоружны и лишены всего, что требуется для... военных действий. Мы не умрем от голода или жажды, но для любого имперского фрегата сейчас нет более лакомой добычи, чем банда сбежавших из столицы преступников. Мы почти ничего не можем сделать для спасения самих себя, чего уж там говорить о мире.

Ризель улыбнулась:

– И это слова того, кто хочет рискнуть собственной жизнью ради третьей части артефакта, который, быть может, не работает?

– Да, – сухо ответил Фейра, на этот раз без паузы. – Прозвучит парадоксально, принцесса, однако мои планы не столь грандиозны, как ваши!

– Разумеется. Вы всего лишь хотите вернуться на три тысячи лет назад и добыть улики, свидетельствующие о том, что вашего предка оболгали.

Огни в глазах феникса вспыхнули ярче.

– На сегодня разговор окончен, – сказал он и поправил сползающую с плеча куртку изувеченной рукой, а потом обвел собравшихся пристальным взглядом, не упустив стоявшего за спиной Хагена. Феникс совершенно по-птичьи повернул голову, и выглядело это очень неприятно. – Амари, останься – я попробую кое-чему тебя научить. А вы все можете заняться своими делами.

– Это и тебя касается, Сандер.~

– Ну вот, – сказал Гратти. – Я же предупреждал, дубина, что ты порежешься.

Под утро над водой сгустился туман, а ветер стих. «Невеста ветра» замедлила ход, неотступно следующая за ней «Утренняя звезда» сделала то же самое. Вскоре наступил полный штиль, и оба рыботора легли в дрейф на небольшом расстоянии друг от друга. Наблюдая за расплывчатой темной громадиной справа по борту от «Невесты», Сандер ловил себя на том, что вновь и вновь вспоминает, каким был Кузнечик когда-то. Молоденький воришка. Юнга с чудным голосом. Полутруп с растерзанным горлом. И вот он повзрослел – ох, как быстро, – стал навигатором, да еще и получил в свое распоряжение фрегат, чье имя вызывало трепет на море и на суше. Ничего уже не будет как прежде, никогда он не споет о звездном свете и отражении моря в небе...

– Хотел бы я вновь услышать, как ты играешь.

Сандер медленно повернулся:

– Доброе утро, капитан.

– Тебе не трудно без сирринга? – спросил Фейра, глядя на матроса разноцветными глазами. Сегодня первопламя едва теплилось, хотя в зрачках капитана танцевали красноватые огоньки, слишком яркие для того, чтобы быть плодом воображения. – Я чувствую, что ты немного растерян. Столько дней без музыки – наверное, это трудно.

Сандер побледнел, потом покраснел. Капитан должен был знать, отчего он на самом деле растерялся: собственно, магус наверняка слышал их ночной разговор от первого до последнего слова. ~Песня~ «Невесты ветра», сделавшаяся чуть спокойнее под утро, вновь понеслась, будто ускоряющийся перестук дождевых капель в начале сильного ливня. Может, надо поговорить по душам, задать все вопросы, понять, наконец, стоит ли надеяться на что-то хорошее? Он уже почти осмелился, набрал воздуха в легкие и открыл рот.

Но заговорить не успел, потому что на палубу вышла Эсме.

Они казались странной парой еще прошлой осенью, когда все только-только начиналось. Фейра был старше больше чем в два раза, хотя, как и все магусы, не состарился. На его красивом лице отпечатались годы, проведенные в море, и эти же годы отточили его движения, сделали похожим на острейший кинжал, который слишком часто приходится вынимать из ножен. Эсме походила на бабочку, трепещущую на лезвии этого кинжала...

А теперь на Фейру нельзя было взглянуть без содрогания. Он не позволил Эсме исцелить раны, полученные в темнице капитана-императора, и если часть из них скрывала одежда, то руки он спрятать не мог. На правой у него сгибались только три пальца, на левой – два. Вместо ногтей их венчали изогнутые черные когти – тут уж палач Амаейна был ни при чем – все сотворил пробудившийся Феникс. Феникс, из-за которого рядом с Фейрой пахло то гарью, то грозой. И глаза, глаза – словно два окна с разноцветными стеклами, за которыми бушует чудовищный пожар.

~~~~~

Сандер понял, что его захлестнула музыка «Невесты ветра» и что он стоит с открытым ртом словно истукан. Эсме ободряюще улыбнулась ему и отошла в сторонку, а Фейра крикнул: – Амари, она близко! Выходи, позанимаемся!
На целительницу он даже не посмотрел.

Спустя четверть часа феникс сидел у правого борта, скрестив ноги и положив руки на колени. Его глаза были закрыты. Напротив него в той же позе расположился Амари. И если капитан «Невесты ветра» казался сейчас более спокойным, чем во все прошедшие дни, то сказать того же о новом навигаторе «Утренней звезды» не смог бы ни Сандер, ни кто-либо другой из невольных свидетелей «обучения». Молодой магус все время дергался, вздрагивал и оглядывался, как будто боялся кого-то стоящего за спиной.

Они так сидели далеко не впервые, но раньше «Утренняя звезда» не приближалась к «Невесте ветра» на расстояние настолько близкое, чтобы можно было невооруженным глазом рассмотреть многочисленные черные пятна на ее обвисших парусах – пятна, появившиеся недавно. Сандер, хотя и не был навигатором, понимал: Фейра почему-то рассчитывает, что сегодня у них все получится. Сегодня Амари наконец-то поймет, что ему следует делать.

– Не суетись, – приказал Фейра, шевельнув пальцами. Черные когти царапнули по палубе. – Закрой глаза и успокойся.

– Я не могу...

– Можешь. Раз она выбрала тебя, значит – можешь.

– Я...

– Молчи. Еще одно слово – и я тебя выдеру, высочество.

Голос Фейры был таким властным, что Сандер тоже закрыл глаза.

И услышал.

~~~~~

«Утренняя звезда» тихонько ~пела~. Сквозь отзвуки чьих-то голосов внизу, плеск волн и шелест парусов ее ~пение~ слышалось отчетливо и довольно-таки громко. Голос у темного фрегата оказался чистый и звонкий, совсем не подходящий ее устрашающей внешности, и от незатейливого мотива у Сандера вдруг стало так легко на душе, что он широко улыбнулся.

«Ну же, Кузнечик, услышь ее. Она ведь для тебя старается».

И Амари вдруг выпрямился: на его лице появилось новое выражение – удивление, смешанное с восторгом.

– Вот мы и сделали первый шаг, – проговорил Фейра, заметно смягчившись. – А теперь попробуй ей ответить.

– Песня~ «Утренней звезды» сделалась такой громкой, что на мгновение заглушила мотив «Невесты ветра», к которому Сандер так привык, что не мыслил жизни без него. Он удивился и испугался: чужая мелодия всколыхнула его душу, и в глубинах памяти зашевелились те воспоминания, которые он прятал в себе вот уже много лет и хотел бы вырвать насоем, выкинуть прочь.

Чей-то затихающий крик в темноте.

Шелест тростника на ветру.

Звон железных цепей.

Матрос-музыкант закрыл глаза, но ничего не изменилось – перед ним по-прежнему были два магуса, цапля и феникс, и сразу два фрегата ~пели~ в его голове. «Утренняя звезда» окуталась тьмой и стала похожей на кракена: одно ее щупальце – длинное, тонкое и полупрозрачное, словно дым от костра, – протянулось сквозь пространство, разделявшее рыботорабли, и тронуло голень Сандера.

«Нет-нет, тебе нужен не я. Будь повнимательней!»

Щупальце, поколебавшись несколько секунд, поползло к Амари и мягко обняло его за шею. Он вздрогнул и поднял руку к шраму на горле – через мгновение Сандер услышал сдавленный стон.

– Впусти ее в себя, – проговорил Фейра чуть слышно. – Открой свой разум. Позволь ей...

Внезапно щупальце натянулось и задрожало словно струна. ~Музыка~ сменилась басовитым гудением, как будто из трюма «Утренней звезды» вырвался разъяренный пчелиный рой. Амари схватился обеими руками за горло и захрипел, а потом упал, громко стукнувшись затылком о палубу, и забился в конвульсиях. Фейра вскочил, бросился к нему; через секунду то же самое сделала Эсме, а через две на палубу выбежала Ризель. Принцесса кинулась к брату, но Фейра схватил ее за руки и оттащил в сторону.

– Не мешайте целительнице, – сказал он. – Это ее работа.

Ризель на миг застыла, ее кажущаяся покорность обманула феникса – он отпустил тонкие белые запястья и мгновенно получил пощечину.

– Это за то, что ты сделал с моим братом, – прошипела она сквозь зубы.

От благовоспитанной дамы, к которой вся команда «Невесты ветра» успела привыкнуть за время невольного соседства, не осталось и следа. Фейра потрогал покрасневшую щеку – рука у принцессы, как и у всех небожителей, была тяжелой – и беззлобно сказал:

– Я спас ему жизнь.

– И заставил вернуться в Облачный город! – парировала Ризель. Ее глаза пылали почти так же ярко, как огненные очи феникса. – Заставил снова встретиться с отцом, с Рейго и остальными!

– С матерью, – добавил Фейра. – И с сестрой.

– Он не должен был возвращаться!

С трудом оторвав взгляд от сцены, разыгравшейся на палубе «Невесты ветра», Сандер посмотрел на Эсме, которая стояла на коленях возле Амари и держала его за голову, положив ладони на виски. Припадок уже прекратился, хотя юноша по-прежнему был без сознания и казался очень бледным.

Но щупальце, которое Сандер по-прежнему видел, никуда не подевалось, и теперь оно было намного... реальнее. Связь между навигатором и фрегатом. Связь между Амари и его «Утренней звездой».

Связь, которую Сандеру, чужому матросу, не полагалось видеть.

«Что со мной происходит?..»

– Прямо по курсу! – крикнул впередсмотрящий. – Земля в тумане!

На самом деле, конечно, это была не земля.

В Море Обездоленных не имелось других островов, кроме плавучих скоплений водорослей – временами таких плотных и долговечных, что на них вырастали деревья и поселялись стаи птиц. Однако перед «Невестой ветра» оказался остров совсем иной природы.

Не только народ Окраины отказывался подчиняться капитану-императору. Но остальным хватало ума держаться тихо, откупаясь деньгами или другими жертвами от чрезмерного внимания цепных акул. Ну и еще были такие, кто оказался никому не нужен.

И те, кого боялись.

– Да сколько же их? – спросил кто-то благоговейно. – Сколько тут фрегатов?

Сандер машинально принялся считать. Нос, борт, корма, нос... Он трижды сбивался и начинал заново: по самым скромным подсчетам выходило, что обращенная к ним сторона плавающего острова состояла не меньше чем из ста пятидесяти кораблей средней величины. Они стояли, сцепившись друг с другом крючьями, сложив паруса: в еще не рассеявшемся до конца тумане темная громада, ошестинившаяся мачтами, выглядела внушительно и даже грозно. Кое-где на палубах горели огни фонарей и жаровен. Из-за восточной оконечности плавающего острова показались два фрегата – эти были свободны, но видом соответствовали всему остальному острову, и Сандер слегка испугался.

– Не повезло, – пробормотал Джа-Джинни. – Ты ведь говорил, что Талассы не должно быть здесь в это время года?

Феникс вздохнул и ничего не сказал. Крылан нахмурился.

– Погоди-ка, – он понизил голос, но Сандер стоял достаточно близко, чтобы все слышать. – Ты... нет, я не верю... ты что же, знал, что мы их встретим? Ты соврал, чтобы мы не боялись? Зачем?!

– Нам нужны припасы, – сказал Фейра очень тихо. – Нам нужно оружие. Ты сам говорил, что переход через Море Обездоленных таит в себе слишком много угроз. Пока что нам везло: ни один кракен не заинтересовался ~Невестой~, но так продолжаться не может. Нам нужна помощь.

– Но это же *Таласса*, чтоб меня мерры съели!

– Что с того? Очарованные морем – тоже люди. С ними можно договориться... и поторгаться.

«Но ведь нам нечего предложить», – подумал Сандер.

Джа-Джинни явно подумал о том же, но промолчал, расстроенно покачал головой и отошел чуть в сторону. Оставшись в одиночестве, Фейра гордо выпрямил спину и устремил взгляд навстречу приближавшимся сторожевым кораблям.

Ветер благоприятствовал фрегатам бегущих-по-волнам, и они приблизились к «Невесте» быстро. Вблизи два рыбкорабля выглядели не так внушительно, как издали: у обоих были потрепанные паруса и борта, покрытые множеством шрамов, в том числе довольно свежих; у одного фрегата отсутствовал правый глаз.

«Они старые, – вдруг понял Сандер. – Они очень, очень старые...»

С борта одноглазого фрегата просигналили остановиться, и «Невеста ветра» послушно сложила паруса. Только после этого одноглазый подошел вплотную и, выпустив несколько крючьев, достаточно аккуратно прицепился к ее борту. Сандер прислушался: ~песня~ незнакомого корабля была тихой и спокойной, ни малейшего намека на враждебность. Ничего удивительного – за Талассой наверняка пряталось еще несколько сторожевых кораблей, и в случае необходимости им не понадобилось бы много времени, чтобы прийти на помощь товарищам. Но, по крайней мере, никто не собирался убивать их прямо сейчас.

Сандер перевел дух.

На «Невесту ветра» перешли трое... людей? В строгом смысле слова на человека из них был похож только один – высокий седой старик с черной повязкой на правом глазу, крючковатым носом и следами ожогов на правой щеке и шее. Уцелевший глаз – ярко-зеленого, неестественного цвета – глядел с подозрением. На поясе незнакомца висела жутковатая кривая сабля с рукоятью в виде оскаленной морды пардуса.

Справа от старика – он, очевидно, был в отряде и на фрегате главным – стоял почти такой же высокий мужчина с косматой черной гривой и суровым выражением лица; в сумерках могло бы показаться, что он одет в некое подобие доспехов. Но было утро, и туман уже почти рассеялся, так что каждый на палубе «Невесты ветра» отлично видел, что плотные темно-красные пластины на груди и правой руке бегущего-по-волнам – не панцирь из раковин, а часть

тела. Его пальцы уже начинали срастаться в клешню, однако он держался с таким уверенным видом, что ни у кого не возникло сомнений – при необходимости крабнид удержит в этой самой клешне саблю и сможет ею орудовать со знанием дела.

Третий незнакомец выглядел еще более странно, причем его странность проявлялась не с первого взгляда. Он казался хрупким, тонким, словно юная девушка, – длинные светлые волосы и узкое безбородое лицо с большими глазами янтарного цвета усиливали впечатление беззащитности, – однако под бледной кожей то и дело пробегали волны тусклого розовато-зеленого света, а кое-где ее покрывали мелкие темные пятна. Еще у этого незнакомца был на редкость неприятный рот – очень большой, словно у лягушки, – и Сандер не мог избавиться от мысли, что в этом рту совсем не человеческие зубы.

Старик окинул взглядом встречавших, подарив лишний миг внимания Джа-Джинни, Ризель и, конечно, Фейре с его когтистыми лапами-руками, а потом проговорил неожиданно приятным мягким голосом:

– Мы охранники Талассы. Меня зовут Норф Никерли, я капитан ~Драчуни~, а это мои помощники – Тиннер и Молчун. – Очарованный в живом доспехе что-то буркнул, а светловолосый кивнул, даже не раскрыв рта. – Кто вы такие и что вас привело в Блуждающий город?

– Капитан Кристоаль Крейн, – спокойно ответил феникс. – Мой фрегат называется ~Невеста ветра~, а это мои помощники – Джа-Джинни и Хаген.

Единственный глаз Норфа Никерли чуть заметно расширился, когда он услышал имя *Кристоаль Крейн*, однако в остальном ни он, ни его спутники не проявили удивления.

– Мы пришли с миром, – продолжил феникс. – Нам нужно немного отдохнуть и пополнить запасы. Таласса примет нас?

Никерли внимательно посмотрел на капитана «Невесты ветра»: по лицу было видно, что он обдумывает разные ответы на достаточно простой вопрос... и что какая-то причина вынуждает его ответить совсем не так, как хочется. ~Песня~ «Драчуни» сделалась чуть громче и тревожнее. Неужели им тут все-таки не рады?..

– Блуждающий город открыт для всех, особенно для тех, кому некуда больше идти, – наконец проговорил очарованный. – Однако за наше гостеприимство надо будет заплатить, и если вы рассчитываете отделаться деньгами...

Сандер едва сдержал удивленный возглас, но кое-кому не удалось справиться со своими чувствами – Джа-Джинни, коротко рассмеявшись, спросил:

– Вы так богаты? Или просто не хотите пачкать руки имперским золотом?

– Нам нечего делать с этим вашим золотом, – очень спокойно ответил Никерли. – У нас своя, необычная жизнь, и, когда приходится торговать с людьми, мы сами определяем цену. Так вот, расплачиваться нужно будет не деньгами.

– А чем же? – без промедления поинтересовался крылан. – Песнями?

Очарованный хмыкнул:

– В каком-то смысле да. И еще можно танцами.

Джа-Джинни хотел что-то добавить, но вдруг хрипло закашлялся и не смог выдать из себя ни звука. Фейра покосился на помощника, нахмурился, а потом снова повернулся к Никерли:

– Договорились.

Одноглазый ухмыльнулся и без страха пожал протянутую руку с кривыми пальцами, увенчанными черными когтями.

Таласса походила на остров лишь издали. Вблизи постепенно стало видно, что фрегаты вовсе не сцеплены намертво и не сбились в кучу, как перепуганные овцы – они расположились скорее на манер водяных лилий – местами очень близко друг к другу, а местами – совсем наоборот. Внутри «города» были собственные реки и проливы, укромные гавани и

бухты. «Невеста ветра», следуя за «Драчуньей», проплывала мимо все новых и новых рыбоко-
раблей; Кристоаль Фейра стоял у борта и сквозь полуприкрытые веки смотрел на Блуждаю-
щий город. Один раз он махнул рукой, подзывая Хагена и Джа-Джинни, и они принялись что-
то обсуждать вполголоса. Сандер из любопытства пригляделся, пытаясь понять, на что обратил
внимание их капитан, но не увидел ничего особенного, кроме скопища потрепанных фрегатов,
многие из которых были покрыты старыми и новыми шрамами.

В самом центре Талассы находился огромный фрегат с пятью мачтами, рядом с которым
«Невеста ветра» казалась маленькой лодкой, здорово потрепанной сильным штормом. Эта гро-
мадина, как им объяснили, звалась «Лентяйкой», а ее навигатором был очарованный по имени
Немо – своего рода повелитель Блуждающего города.

Фейра тяжелым взглядом обвел собравшихся на палубе – пришли все, кроме Фаби, кото-
рая так и не очнулась после того, что случилось в Облачном городе, и Амари, которому все
еще было слишком плохо после утреннего происшествия.

– Слушайте меня внимательно, – сказал феникс негромко, но четко – так, что его услы-
шал каждый. – Мы находимся в городе, где все до единого жители – очарованные морем. Оча-
рованность, как я однажды уже говорил, – тяжелая болезнь. Я твердо убежден, что все члены
команды... – Тут он выдержал короткую паузу и многозначительно посмотрел на Ризель. –
...защищены от нее. Но чем дальше вы окажетесь от ~Невесты ветра~ и от своих товарищей,
тем слабее будет эта защита. Я запрещаю вам покидать палубу поодиночке. Это понятно? Они
могут вести себя очень любезно, но на любое приглашение выпить и поболтать в одной из
местных таверн вы должны ответить отказом. Если будут настаивать, приглашайте к нам. Уго-
щения принимайте с соблюдением обычных предосторожностей. – Он бросил взгляд на кока,
тот кивнул. – Магусы менее восприимчивы к морской болезни – поэтому, когда местный...
король захочет познакомиться, мы пойдем к нему вдвоем – я и Хаген.

– А он захочет? – тихо спросил пересмешник.

– Да, – чуть помедлив, ответил Фейра. – И уже совсем скоро.

Он махнул рукой, давая понять, что разговор окончен, а потом вдруг повернулся к Сан-
деру и кивком приказал ему подойти.

Матрос-музыкант так и сделал, борясь с неприятным предчувствием и со звуками, кото-
рые вновь, как и два часа назад, зазвучали в его голове, заглушая привычную ~песню~ «Неве-
сты ветра» и далекий голос «Утренней звезды».

Шелест тростника на ветру...

– Есть одно особое задание, которое я не могу поручить никому, кроме тебя, – негромко
проговорил Фейра, и Сандер невольно расправил плечи, устремив на капитана пристальный
взгляд. – Мне нужно, чтобы ты отыскал в Талассе мастера-корабела.

– Для Амари?

Фейра поморщился. Он не любил признаваться в собственном бессилии.

– Ты не будешь задавать вопросов, не станешь привлекать лишнее внимание. Если бегу-
щие-по-волнам поймут, что мне нужны не только припасы, они заломят за свои услуги слиш-
ком высокую цену. Ты просто погуляешь по здешним... улицам – вот и все.

Звон цепей...

Сандер опустил голову и опять ссутулился.

– Я знаю, что тебе не хочется туда идти, – вдруг прибавил Фейра слегка изменившимся
голосом, без прежней жесткости. – Я понимаю, чем это может закончиться. Но ты ведь хочешь
помочь Амари?

Сандер кивнул, ощущая себя бутылкой, в которой заперли шторм. Капитан похлопал его
по плечу и хотел сказать что-то еще, как вдруг с борта «Лентяйки», который был в два раза
выше борта «Невесты ветра», сбросили веревочную лестницу.

– Подходи, не бойся! – раздалось сверху. – Король хочет встретиться с тобой, Крейн!

«Невеста» осторожно приблизилась вплотную к «Лентяйке» и встала рядом, выдвинув несколько малых крючьев. Феникс взялся за перекладину лестницы, сжал руки и зашипел от боли в скрюченных пальцах, но потом начал уверенно подниматься. Хаген последовал за ним, как и было решено, а Сандер остался на палубе «Невесты ветра» вместе с остальными, теряясь в догадках, что же могло понадобиться королю Талассы от их капитана.

~ Я утолю твое любопытство. Можешь считать это наградой за то, что ты сделаешь для Амари. ~

«Лентяйка» была очень старой. Некоторые фрегаты – моряки иной раз называли их обжорами – продолжали расти всю жизнь, даже если в этом не было особой необходимости, и к исходу первого столетия превращались в настоящие громадины, почти неуязвимые в бою и способные попросту раздавить любого противника, вставшего у них на пути. Однако управлять этими великанами было непросто, и для них требовалась слишком большая команда, поэтому навигатору, которому попался обжора, скорее сочувствовали, чем завидовали.

А вот плавающий дом из «Лентяйки» вышел что надо – места хватало для всех и всего. На обширной палубе разбили шатры, тут и там у жаровен грелись очарованные, посверкивая рыбьей чешуей, почесывая твердые панцирные наросты и шелкая крабьими клешнями. Здесь они могли не прятаться и не бояться, что их разорвет на части толпа, испугавшись заразы, от которой нет лекарства, – здесь они были хозяевами, а не гостями. В роли последних выступали Фейра и Хаген, которых сопровождал крабнид Тиннер. Любопытные глаза следили за каждым их шагом.

На самом деле магусы не так уж сильно отличались от разношерстной компании, собравшейся на борту «Лентяйки». Одежда Хагена представляла собой настоящие лохмотья, а черный наряд Фейры покрывали подпалины и пятна крови; у обоих были небритые изможденные лица. Однако Фейра все равно держался с достоинством, и Хаген старался следовать его примеру.

Освещение в коридорах «Лентяйки» оказалось непривычным – вместо фонарей, похожих на цветы, здесь были бледно-зеленые мерцающие полосы на полу и на стенах. Фейра, остановившись, протянул руку к одной из них, но не коснулся ее.

– Вот, полюбуйся, – негромко сказал он Хагену. – Такое делали ласточки до Исхода. Понимаешь теперь, чего они лишились?

Пересмешник кивнул и спросил:

– Выходит, ей больше трехсот лет?

– Ей шесть сотен, – раздалось позади. Магусы обернулись и увидели, что вместе с крабнидом за ними следует Норф Никерли, держа руку на рукояти сабли. – Хороша, да?

– Я никогда не видел ничего подобного, – согласился Фейра. – Хотя, если честно, кое-что слышал про фрегат «Лентяйка». Если уж на то пошло, имя вашего короля мне тоже знакомо, хоть я и не могу точно припомнить, кто он такой... Может, пират?

Тотчас же все вокруг зашаталось – «Лентяйка» несколько раз качнулась из стороны в сторону, словно что-то потревожило ее сладкий сон. Одноглазая физиономия Никерли помрачнела и вытянулась. Он открыл рот, явно желая сказать Фейре что-то неприятное, но потом передумал и взмахнул рукой, предлагая им идти вперед.

Однако их путь, как выяснилось, лежал не туда, где на фрегатах обычно располагалась капитанская каюта, а вниз. Они миновали несколько палуб, освещенных все теми же мерцающими полосами, и в конце концов очутились в коридоре с множеством дверей по обеим сторонам. Некоторые совсем заросли, словно их не открывали много лет, если не десятилетий. Зрелище было достаточно однообразным, и еще здесь оказалось заметно темнее, чем на дру-

гих палубах. Светильники-полосы постепенно тускнели, и коридор погружался в зеленоватые сумерки.

– Сюда, – сказал Никерли, останавливаясь у широких двустворчатых дверей. – Он вас ждет. Будьте почтительны и не забывайте: вы в гостях.

Феникс молча кивнул, и двери открылись.

За ними была непроглядная тьма.

~Ты точно хочешь это видеть, друг мой Сандер?~

– Подойдите ближе, – сказал кто-то.

Голос был странный – лишенный пола и возраста, лишенный интонаций. Но, возможно, он лишь казался таким из-за удушливой тьмы, поглотившей магусов, когда двери захлопнулись у них за спиной. Фейра шагнул вперед и оказался по колено в холодной воде; Хаген последовал за капитаном – и провалился по пояс.

Он выругался, и где-то далеко откликнулось издевательское эхо.

Они были в брюхе «Лентяйки», в ее полном распоряжении. Здесь фрегат мог расправиться с ними без посторонней помощи, словно с двумя крупными рыбинами, – и сожрать, не оставив даже костей.

Фейра схватил помощника за плечо, помог ему выбраться из невидимой ямы, а потом проговорил очень спокойно и вежливо:

– Я встречался со многими королями и прочими влиятельными людьми. Они пытались произвести на меня впечатление, и кое-кому это даже удалось. Но, должен признаться, я еще ни разу не был поражен до такой степени.

Что-то белое проплыло в нескольких шагах от места, где они стояли, и Хаген судорожно втянул воздух. Любой сторонний наблюдатель без труда догадался бы, что ему страшно – и действительно, пересмешник не испытывал столь сильного страха ни в подземельях Облачной цитадели, ни во время битвы за Кааму. Он стиснул зубы, чтобы не заорать от ужаса и не броситься куда глаза глядят, а потом почувствовал, как сжимается рука Кристобаля, по-прежнему лежащая на его плече.

– Надеюсь, прием не слишком холоден? – спросила темнота все тем же невыразительным голосом, сбивающим с толку. – Мне бы хотелось согреть дорогих гостей своим радушием и сделать так, Кристобаль Крейн, чтобы мысли зашевелились в твоей голове и ты наконец-то вспомнил, кто я такой.

– О-о, я уже все вспомнил, – тотчас же ответил феникс. – При мысли о том, с кем мне довелось повстречаться здесь, в Блуждающем городе, я трепещу.

– Что-то непохоже.

Раздался громкий всплеск, и большая волна, опрокинув обоих магусов, поволокла их куда-то вглубь необъятного брюха. Вода оказалась застоявшейся, с привкусом гнили, и желудок Хагена едва не вывернулся наизнанку. На этот раз ему пришлось помочь Фейре, чья нога запуталась в водорослях или в чем-то более мерзком. Отплевываясь и протирая глаза, они с трудом отыскивали место, где можно было стоять, не опасаясь при любом неосторожном движении поскользнуться и упасть. Внимательный взгляд короля Немо ощущался кожей, словно щупальце, которое то и дело прикасалось к ним, а потом вновь пряталось в темноте.

– Итак, – сказал король по-прежнему равнодушным тоном, – что же могло понадобиться в Море Обездоленных пирату, о котором вот уже не первый год слагают песни и рассказывают невероятные истории? Что же ищет здесь, среди пустоты, тот, кто обладает несметными сокровищами и не боится ни Великого Шторма, ни Меррской матери? – Он немного помолчал и, не услышав ничего от Фейры, продолжил: – Я полагаю, этот богатый и удачливый пират

навлек на свою голову весьма серьезные неприятности, которые разом лишили его и богатства, и удачи.

– Весьма близко к истине, – согласился Кристобаль.

– Как же так? – На этот раз в голосе невидимого навигатора «Лентяйки» прозвучало неподдельное удивление, и впечатление было такое, словно в его грозной броне вдруг обнаружилась маленькая трещина. – Ты не будешь отпираться? Не попытаешься убедить меня, что все совсем по-другому, что ты вовсе не хочешь умолять о помощи, потому что больше бежать некуда и впереди вас ожидает верная смерть?

Фейра покачал головой:

– Нет, ничего такого я не сделаю. Более того, я честно признаюсь, что мой фрегат сейчас пуст как скорлупа от выеденного яйца. Мне нужна помощь – мне нужно *все*. У моих людей почти нет оружия, но это полбеды. У нас нет снастей, и мне приходится постоянно наблюдать за каждым парусом «Невесты ветра». У нас нет...

– Еды? – вкрадчиво предположила темнота.

– Вот ее-то как раз хватает, – парировал Фейра. – Но все остальное я намеревался... купить.

– Купить или украсть, как поступают пираты?

– Я больше не пират.

Этот ответ заставил Немо на некоторое время замолчать. Вновь где-то поодаль раздался плеск воды, как будто там ворочалось на мелководье что-то большое и неуклюжее. Хаген наконец-то понял, что правитель Талассы встречается с ними в таком странном месте не только из прихоти, и невольно порадовался темноте.

– И чем же ты собираешься рассчитывать? – наконец спросил очарованный морем.

Феникс вскинул голову – и пересмешник почувствовал внезапный прилив сил. Сработала связь между капитаном и помощником, – видимо, именно этого вопроса Кристобаль Фейра и ждал.

– Когда «Драчунья» вела нас сюда, – проговорил он, – я внимательно смотрел по сторонам, разглядывал фрегаты, особенно те, что прячутся у северной оконечности этого... хм... внутреннего озера. Видишь ли, почтеннейший хозяин, у них на шкурах очень красноречивые отметины. Следы огромных челюстей с зубами в три ряда, и некоторые еще совсем свежие...

В темноте раздался странный звук, вынудивший Хагена вздрогнуть всем телом. Это было похоже одновременно на скрежет и скрип, на грохот падающих камней и череду болезненных всхлипов.

Это был смех.

– Не продолжай! – воскликнул правитель Талассы совершенно не тем голосом, как в самом начале их разговора. Если бы у звуков были краски, то в темноте перед ними вспыхнула бы радуга. – Я все понял – ты собираешься нам *помочь*. Ты, искалеченный оборванец, неудачник, лишь чудом сбежавший от страшного врага! И я должен поверить, что ты сумеешь сделать то, что оказалось не по силам лучшим воинам Блуждающего города? Ты справишься с шаркатом, который преследует нас вот уже полгода, каждую неделю забирая кого-нибудь из моих людей, а то и фрегатов?

– Ты сам все сказал, Немо Гансель, – ответил Фейра.

– Но как?! Как ты собираешься это сделать, ведь у тебя нет оружия?

– Я не говорил, что оружия нет у меня. – Фейра шагнул вперед, расправил плечи и раскинул руки в стороны. Хаген понял, что сейчас произойдет и что ему надо делать, но застыл, не в силах пошевелиться. – Я лишь сказал, что его нет у моих людей.

За миг до того, как Хаген бросился в воду, – огромное брюхо «Лентяйки» осветила яркая вспышка, и он успел разглядеть обросшие неприятными наростами стены, из которых кое-где высывались мощные кости и странного вида металлические штуковины, а также громаднейший клубок белесых щупалец в дальнем углу – там, откуда раздавался голос правителя Талассы.

Когда пересмешник вынырнул, феникс снова был самим собой, и лишь существовавшая между ними связь позволяла чувствовать, что демонстрация силы далась капитану нелегко.

– Да будет так! – пророкотал Немо Гансель. – Сыграем по твоим правилам. Но ты не получишь от жителей моего города даже иголки, пока не принесешь мне голову шарката. Можешь начинать прямо сейчас, Кристобаль... Фейра.

Шелест тростника.

– Иногда мы делаем то, что должны, Сандер. Прости меня.~

Чей-то крик в темноте.

~~~~~

Сандер открыл глаза и не сумел сдержать испуганного возгласа: вокруг было темно. Он спрятал лицо в ладонях и попытался сосредоточиться, попытался вспомнить, что же такое с ним произошло. Он помнил разговор, в котором сам не принимал участия, и помнил отвратительные щупальца той твари, что управляла Талассой, но не понимал, где находится.

Шелест тростника.

– Тише, тише, – проговорил он вслух. – Все хорошо.

– Песня~ «Невесты ветра» прокралась в его разум и заняла привычное место, ненавязчиво продолжая звучать где-то на самой границе сознания. Он на своем фрегате, а это значит, что все действительно хорошо. Просто капитан на время сделал его чем-то большим – или меньшим? – чем обычно, и поэтому он забыл, как спустился сюда, в трюм, и спрятался в каком-то темном углу.

Он шагнул вперед – под ногами хлюпнуло.

О, так это брюхо...

Попасть сюда теперь не составляло труда, потому что на «Невесте ветра» все еще не имелось дверей. Фрегату проще было обзавестись новой мачтой, чем дверью, не говоря уже о многих дверях, – ведь люди все время ходили туда-сюда и мешали; а еще Сандер знал, что для такого «ремонта» нужны деревянные каркасы, которые постепенно обрастут лжеплотью. У них не было дерева, не было инструментов. У них ничего не было и не будет, потому что Кристобаль Фейра заключил с королем Блуждающего города какую-то совершенно несусветную сделку.

Сандер понял, что сойдет с ума, если еще хоть ненадолго останется в одиночестве, и поспешно выбрался из брюха. Никто не встретился ему на пути, никто не спросил, что случилось, и как-то само собой вышло, что он забрел в каюту Эсме.

На койке целительницы лежал Амары, бледный и несчастный; рядом с ним сидела задумчивая Ризель, а сама Эсме стояла лицом к окну и почесывала Сокровище за ушами.

– Тебе что-то нужно, Сандер? – спросила она, не оборачиваясь. – Извини, не предлагаю войти – здесь и так мало места.

– Ничего, я тут постою, – пробормотал он, стараясь не смотреть на Ризель.

Присутствие принцессы на борту «Невесты ветра» ощущалось, даже когда ее не было ни видно ни слышно; здесь, в двух шагах от этой девушки с белыми волосами и равнодушным лицом, он чувствовал себя так, словно медленно погружался в холодную воду и не мог даже пальцем пошевелить, чтобы спастись.

Эсме повернулась и посмотрела на него.

Их с целительницей разделяло больше трех шагов, но Сандер вдруг понял, что старое правило к ней уже неприменимо. Взгляд Эсме был красноречивее любых слов: она знала, что с ним произошло; она знала, что устроил Кристобаль. От нее не укрылся и ночной разговор, а слова, которые произнес Джа-Джинни, и вовсе повисли в воздухе, словно невидимая, но достаточно плотная завеса.

«Я бы сказал, что кому-то надо сойти... Можно и на берег – только где его найдешь в Море Обездоленных?»

– Как он? – тихо спросил Сандер, кивком указывая на Амари.

– Пока без сознания. С ним все будет в порядке еще какое-то время, но ты и сам понимаешь, наверное, что долго так продолжаться не может. «Утренняя звезда» рвет его сердце... его разум... рвет саму его душу на части. Я не понимаю, чего она хочет.

– Капитан тоже не понимает, – сказал Сандер.

Эсме поморщилась.

– Хотела бы я отыскать нужное слово, сильное слово, – проговорила Ризель, отрешенно глядя в пустоту и ласково перебирая волосы брата.

В ее голосе звучала тоска, она казалась хрупкой и беззащитной, но Сандер помнил разъяренную фурию, которая не побоялась дать пощечину фениксу. Почему-то это впечатляло намного больше, чем всевозможные сильные слова.

– Это не поможет. – Эсме позволила лариму прыгнуть на пол и скрестила руки на груди. – «Утренняя звезда» уже испытала на себе действие дара Цапли, и ничего хорошего из этого не вышло.

Ризель подняла голову – взгляды принцессы и целительницы встретились, – и в этот же самый миг Сандер услышал новую ~песню~. Это была песня без слов, просто заунывный мотив, похожий на плач, от которого болезненно сжималось сердце. У него кольнуло в правом виске, словно туда вонзилась тупая игла.

– Песня, – сказал он и очутился под перекрестным огнем взглядов. – Вы ее слышите?

Обе девушки уставились на матроса с недоумением. Разумеется, они ничего не слышали; это был его собственный дар, его собственное проклятие, и Кристоаль Фейра не ошибался: без сирринга жизнь временами казалась Сандеру невыносимо запутанной и сложной. Он вспомнил, как Умберто однажды сказал смеясь: «Не можешь распутать узел – руби его к кракену!» – и ринулся к Амари, забыв обо всем.

Он сложил ладони ковшиком и представил себе, что песня – это нескончаемый поток, из которого можно зачерпнуть прохладной воды, чтобы утолить жажду или остудить разгоряченное лицо. Лоб Амари действительно был сухим и горячим, словно и в его жилах текло первопламя, а не кровь.

«Вот, возьми ее, – мысленно произнес Сандер, раскрывая над ним сомкнутые ладони. – Это твоя ~песня~, а не моя. Я вообще не должен ее слышать, но слышу. Пойми же, наконец, что это твоя судьба...»

Юный принц, конечно, его не услышал. Связующая нить между ним и «Невестой ветра» лопнула в тот же момент, когда появилась «Утренняя звезда», – фрегаты знают лишь безусловную верность, пусть даже кое-кому при этом явно не помешало бы научиться снисходительности. Сандер вдруг подумал – может быть, ему стоит уйти от Фейры и стать матросом Амари? – и тут же подпрыгнул от внезапной боли. Тонкая игла выскочила из пола и вонзилась ему в пятку.

«Невеста ветра» не хотела потерять еще кого-то.

Да он и не собирался уходить...

– Что ты делаешь? – спросил тихий хриплый голос. Сандер вздрогнул и растерянно заморгал – он понял, что на несколько секунд или, может быть, минут потерялся в раздумьях и не заметил, что Амари открыл глаза. У него за спиной тихонько охнула Ризель. – Что со мной случилось?

– Ты проспал прибытие в Блуждающий город, Талассу, – сказал Сандер, и молодой магус удивленно присвистнул – так простецки, как подобало бы скорее юнге Кузнечнику, чем принцу Амари, и матрос-музыкант невольно улыбнулся. – А прямо перед тем, как мы чуть в нее не врезались в тумане, капитан в очередной раз попытался обучить тебя управлять «Утренней звездой» и не преуспел. Мало того – она тебя едва не убила. Схватила за шею...

Амари нахмурился:

– Погоди-ка, я что-то начинаю вспоминать...

– Может, ~песню~? – с надеждой спросил Сандер, но его друг помотал головой:

– Там была какая-то башня посреди ночного моря... звезда над башней... Ох, как больно!

Меня точно молотком по затылку стукнули...

– Ты сам стукнулся, когда упал, – сказала Эсме. – Ну-ка, Сандер,пусти меня к пациенту.

Матрос послушно отодвинулся. Целительница склонилась над Амари и взяла его лицо в ладони; ее глаза закрылись, правая рука окуталась золотистым сиянием, а левая – тьмой. Сандер вздрогнул, хотя видел это не в первый раз.

– Спасибо... – выдохнул Амари, когда Эсме убрала руки и шагнула назад. Он приподнялся на локтях. – Мне лучше... мне правда намного лучше...

Сандер уловил в его голосе заискивающие нотки и невольно посмотрел на целительницу – она хмурилась, словно была чем-то недовольна. Новый взгляд в сторону юного магуса показал, что тот испуган. Даже Ризель почувствовала неладное и придвинулась к брату, желая его защитить от надвигающейся опасности.

– Кузнечик, – проговорила Эсме странным голосом, – ты что-то хочешь мне сказать?

Магус покачал головой, но глаза выдали его без остатка – в них плескался страх. Сандеру показалось, что в каюте стало темно, а за спиной Эсме появилась причудливая тень, слишком длинная, похожая на высокого сутулого человека в просторном плаще. Он моргнул – и тень исчезла, задержавшись на мгновение дольше, чем положено наваждению.

– Ты для меня – открытая книга, – сказала целительница. – «Утренняя звезда» подобна полной чернильнице, которую опрокинули на эту книгу, но я все равно могу прочитать почти все... «И еще скажи, что, если он ее не уберезет, – я вернусь и отомщу. Меня не остановит Великий Шторм, а его не спасет первопламя». Чьи это слова? Кто тебя об этом просил?

Эсме не владела даром сильного слова и все же была сильнее – Сандер это чувствовал, – чем оба сидевших на ее койке магуса из клана Цапли. Ризель растерянно посмотрела на брата, а тот стиснул зубы и очень долго не мог собраться с силами, чтобы произнести всего одно слово:

– Змееньш.

– Он говорил про меня и про капитана, да?

Амари кивнул.

– Но почему?!

Он пожал плечами и снова на некоторое время замолчал.

– Я не знаю, Эсме, он ничего не стал объяснять. Я побоялся рассказать тебе об этом, потому что... ну... все и так слишком сложно. Капитану я тоже ничего не говорил. – При этих словах Эсме горестно усмехнулась, но не стала перебивать бывшего юнгу. – Мне кажется, «Утренняя звезда» знает, в чем дело. Я бы спросил... но не знаю как...

– Капитан попросил меня отыскать в Талассе мастера-корабела, – сказал Сандер, не в силах больше смотреть на то, как его друзья причиняют друг другу боль. – Я и раньше слышал, что у очарованных и корабелы, и навигаторы знают немало интересных вещей, которые люди не в состоянии не то что повторить, но даже понять... Мы сможем это проверить. Вдруг получится?

Все трое уставились на него, словно впервые увидели.

– Кристобаль говорил, что нам не стоит покидать «Невесту ветра» без лишней необходимости, – сказала Эсме, и у него вдруг сделалось тепло на душе от того, что в ее голосе слышалась неподдельная тревога. – Мне кажется, он имел в виду, что чем больше времени кто-то из нас проведет в Талассе в одиночку, тем больше у него шансов подхватить морскую болезнь. Ты...

– Я не боюсь, – перебил Сандер. «Знала бы ты...» – И я обязательно кого-нибудь найду, вот увидишь... вы все увидите. Ты навигатор, Кузнечик, этого уже не изменишь. Сейчас мы

должны бросить все силы на то, чтобы помочь тебе свыкнуться с новой ~песней~. Я почему-то уверен, что все будет хорошо.

Сказав это, он почувствовал, как путеводная свеча внутри разгорается с новой силой, и действительно ощутил растущую уверенность в том, что они справятся со всеми испытаниями, которые Великому Шторму будет угодно расположить на их пути. Это наполнило его тело приятным теплом и даже заставило позабыть, насколько непростое задание поручил ему Кристоаль Фейра. Не привлекать лишнего внимания... не расспрашивать...

Сандер улыбнулся.

Ну, разумеется. Никто другой не справится с этим делом лучше него.

– Как знаешь... – проговорила Эсме с сомнением и вдруг, встрепенувшись, посмотрела наверх. – Капитан вернулся. Я... простите, мне надо идти...

Она убежала так быстро, что Сандер даже не успел опомниться. Он посмотрел на Амари и Ризель и подумал, что брату с сестрой лучше сейчас остаться наедине.

Ну а ему нужно найти где-нибудь укромное местечко и вздремнуть хотя бы пару часов, потому что за одной бессонной ночью скоро последует другая.

Только ее ему предстоит провести в Талассе.

Блуждающий город оказался еще безумнее по своему устройству, чем Каама, по которой Сандер успел немного соскучиться. Здесь не было и намека на твердую землю: кругом, куда ни кинь взгляд, громоздились фрегаты самых разных размеров и форм; над головой колыхались мачты, словно деревья. Обойдя с десяток кораблей, он понял, что Блуждающий город еще и велик: не будь у него в голове ~компаса~, заблудиться не составило бы особого труда.

Местами фрегаты стояли вплотную, борт к борту, но далеко не везде. Иногда они словно выстраивались цепью, в которой одно звено соприкасалось с другим носом или кормой; иногда между ними оказывалась пустота, которую местные жители бесстрашно преодолевали по хлипким мосткам, вплавь или при помощи веревок с палками на конце, привязанных к какой-нибудь мачте. Оказавшись возле такой «переправы» – в темноте, озаряемая лишь жаровнями на палубе, она выглядела особенно впечатляюще, – Сандер задумчиво посмотрел на свои руки. Сила и умение хорошо лазать не входили в число его достоинств, но ведь среди жителей Талассы попадались крабниды и прочие очарованные, которым было еще сложнее уцепиться за веревку хотя бы по той причине, что они не имели пальцев. Или рук.

Где-то находилась еще одна дорога – только он ее пока что не нашел.

– Эй, – раздалось позади. Сандер обернулся и увидел очарованного с рыбьими глазами навывкате и блестящей чешуей, покрывающей руки и широкую грудь под рубашкой. – Сдается мне, ты новенький.

– В каком-то смысле, – согласился Сандер.

– Заблудился?

– Ага. Мне надо... – Он махнул рукой на юго-запад. – Туда.

– Я понял, понял: ты с «Игривой Кошечки», – сказал очарованный, добродушно улыбаясь. – Ты и впрямь заблудился, там дальше тупик, и тебе пришлось бы вернуться назад. Давай-ка я покажу тебе дорогу, брат.

Как-то само собой получилось, что очарованный – его звали Тинно Уриски – завел Сандера в таверну, расположенную на борту одного из фрегатов. Сандер не возражал: прежде всего Уриски нуждался не в собеседнике, а в слушателе, и можно было не бояться, что какой-нибудь важный секрет ненароком выльется наружу. Кроме того, лишь там, где местных жителей собиралось по-настоящему много, он мог встретить того, в ком так нуждались Кристоаль и Амари.

Поэтому Сандер грел в ладонях кружку с батарой – пойлом, которое бегущие-по-волнам гнали из водорослей, – в нужные моменты кивал и поддакивал Уриски, одновременно сосредоточив все внимание на посетителях безымянной таверны.

Он слушал и смотрел.

Не все здесь были моряками, хотя, конечно, именно моряки больше всех рисковали заболеть морской болезнью. Даже обычных рыбаков она обычно обходила стороной, но тот, кто все время путешествовал от одного острова к другому, пересекал моря и океаны, рано или поздно мог обнаружить, что на сушу его уже и не тянет.

Так или иначе, каждый моряк нес в себе отголоски ~песни~, которую пел его фрегат. В этот вечер Сандеру довелось услышать великое множество ~песен~ – веселых и грустных, тревожных и спокойных. Он ненадолго впускал каждую из них в свой разум, а потом не без сожаления возвращался к поискам, потому что ни один из посетителей таверны не был корабелом. Корабелы звучали иначе...

– Шаркат, – вдруг произнес Уриски. – Ну какой же гадостный шаркат нам попался, клянись плавниками Заступницы! Такое чувство, что где-то в Талассе прячется сбежавшая от него добыча, и теперь он бесится от того, что никак не может ее разыскать.

Он говорил о той самой твари, чью голову Немо Гансель, правитель Блуждающего города, потребовал в качестве платы за помощь «Невесте ветра». Сандер наострил уши. Он не знал, что еще успел узнать о шаркате сам Кристобаль Фейра, но любая крупница сведений могла принести пользу, и, раз уж ему не удалось пока что выполнить свое главное задание, не стоило тратить время впустую.

– Ты это серьезно? – спросил он и, сделав над собой усилие, глотнул батареи. – Я не знал, что у шаркатов такая... хорошая память.

Уриски фыркнул:

– Да они самые злопамятные твари во всем бескрайнем Океане! Но этот, этот – просто король всех тварей. Когда я увидел, как он бросается из воды прямо на палубу и давит всех своей тушей, у меня чешуя дыбом встала. Понимаешь, брат, что-то в нем есть... неправильное. Шаркаты, они ведь звери – как кракены и мурены, к примеру. Кое-какие мысли в их тупоносых башках, может, и водятся, но эти мысли совершенно точно должны быть о жратве.

– А этот? О чем он думает, по-твоему?

– О боли, – уверенно ответил Уриски. – Он хочет причинить как можно больше страданий, а утолить голод для него – дело десятое, хоть и весьма приятное.

Сандер задумчиво почесал в затылке. Он лишь один раз видел шарката воочию – эти существа считались почти такими же опасными, как кракены, но встречались гораздо реже. Большой шаркат мог прокусить дно даже боевому фрегату – «морскому ежу», а маленькие нападали парами и без особого труда рвали на части суда послабее. Они отличались значительной хитростью, но, как верно заметил Уриски, при этом оставались животными.

– Выпьем за то, чтобы этот зубастый гад не сцапал ни нас, ни тех, кто рядом с нами! – провозгласил Уриски.

За соседним столом его услышали и поддержали. Вскоре на Сандера полился такой поток рассказов о шаркате, что он с трудом успевал запоминать то, что могло оказаться полезным.

Шаркат приходил на рассвете, иногда – лишь раз в две-три недели, иногда на протяжении нескольких дней, не пропуская ни одной зари.

Он не трогал корабли, у которых один борт был обращен к открытому морю, хотя, казалось бы, именно они рисковали в большей степени. Он словно презирал легкую добычу, и именно из-за него, как теперь понял Сандер, Таласса стала куда менее плотной, чем раньше. Каждый фрегат всячески старался сделаться *крайним*.

Шаркат и впрямь выпрыгивал из воды, хватал людей с палубы, порою даже сдергивал с мачт. Несмотря на свои колоссальные размеры, он был проворным и очень-очень ловким.

Но самое странное заключалось в том, что все случайные собутыльники Сандера как один клялись, будто временами добыча сама по себе летит в зубастую пасть...

– Клянусь плавниками Заступницы! – зарычал высоченный широкоплечий крабнид, заметив недоверие на лице «новенького». – Я сам это видел, сам! Он разинул челюсти, что-то прорычал, и моего друга Лирта словно кто-то за ноги поволок прямо туда! Если скажешь, что так не бывает, я тебе руки вырву и клешни вставлю задом наперед!

– Бывает-бывает! – торопливо сказал Сандер. – Сохрани, Заступница... о таком даже слышать страшно, а уж видеть...

– О-ой ы-ыам соэ-эт, паы-ыни. – Пожилой моряк, которому нижнюю челюсть изувечила жемчужница, старательно проговаривал каждое слово, и все притихли, слушая его, – уиите ео – иачьтесь.

– И всё тут, – прибавил Уриски.

За это, конечно, надо было выпить.

В конце концов их большая компания так расшумелась, что хозяин таверны – пучок щупальцев, заменявший ему правую руку, показался Сандеру не таким уж плохим жребием для трактирщика – вышвырнул всех в ночь: трезветь на холодном ветру. Уриски запоздало вспомнил, что обещал новому знакомому показать какую-то дорогу, но они оба забыли, какую именно, и еще некоторое время бесцельно брели куда глаза глядят. Потом Уриски увидел в одном из шатров знакомого и ринулся туда, а Сандер понял, что скоро рассвет и ему пора обратно на «Невесту ветра».

Он брел, пошатываясь, сквозь навеянный батарой пьяный туман и чувствовал, что удаляется от своего фрегата. Надо было возвращаться назад и искать другую дорогу, но в нем выиграло упрямство.

И вдруг он замер у очередной веревочной переправы.

Впереди виднелся двухмачтовый фрегат – в ночной темноте он отличался от своих соседей разве что меньшими размерами и большим порядком на палубе. Кормовой фонарь горел вполсилы, носовой едва теплился. Какая-то тряпка колыхалась на ветру, отбрасывая зловещие танцующие тени, но еще одна тень стояла у противоположного от Сандера борта и внимательно смотрела на него. Он не видел ни лица, ни глаз, но кожей чувствовал этот взгляд и трезвел с каждой секундой.

– Давай прыгай, – предложила тень. Голос незнакомца чем-то напоминал голос Немо, каким тот был в самом начале – ровный, очень спокойный, слишком высокий для мужчины и слишком низкий для женщины. Сандер уже успел заметить такую особенность у некоторых очарованных морем. – Или боишься, что я вышвырну тебя за борт?

– Н-нет, – соврал он, не понимая, чего тут, в самом деле, стоит бояться, но в то же самое время дрожа от страха. – Я... лучше здесь постою...

Тень рассмеялась, негромко и издевательски.

– Твой корабль находится там. – Ленивый взмах правой рукой. – Если ты собрался домой, то лучше вернись на ~Гордячку~, оттуда перейди на ~Зеленоглазую Принцессу~, а дальше уже сам разберешься.

Сандер откашлялся и расправил плечи:

– Я имею честь говорить с мастером-корабелом?

– Надо же, какой вежливый... – заметила тень с искренним удивлением. – Ну да, в каком-то смысле я мастер-корабел. Или самое близкое его подобие, какое только можно сыскать в Талассе.

А вот это была плохая новость. Из головы Сандера выветрились последние остатки хмеля; он понял, что не имеет права упустить случайного знакомого, позволить ему скрыться в ночи. Он должен сейчас же уговорить этого человека помочь Амари, помочь им всем.

– Моему другу нужна помощь... – начал Сандер, и тень снова рассмеялась, только неприятным злым смехом.

– Сразу видно, что ты не отсюда, – сказал мастер-корабел. – Местные знают, что просить меня о помощи совершенно бесполезно, мало того – опасно для жизни, поэтому ни один из них не показал бы тебе дорогу сюда. Ты нашел меня случайно и теперь, наверное, подыскиваешь нужные слова... Не трать времени понапрасну, я не стану никому помогать, даже если об этом попросит сама Заступница.

Сандер подумал, не пригласить ли Эсме, но тут же отбросил эту мысль.

– Почему? – просто спросил он.

Ответ раздался не сразу.

– Я слишком давно живу на свете, – негромко проговорил загадочный мастер-корабел. – Мои глаза видели такое, что тебе и не снилось. Я знаю мир, я знаю, на что способны люди и что таится в их душах, поэтому мне на них плевать. Чужие неприятности меня совершенно не касаются.

– «Слишком давно» – это сколько?

– Ты испугаешься, если услышишь. – Тень снова махнула рукой и с усталым вздохом села, скрестив ноги. Сандер прищурился, но не смог разглядеть, есть ли у этого очарованного морем панцирь, щупальца или чешуя. – Лучше уходи, пока не разозлил меня.

– Нет, – тотчас же сказал он. – Я так долго тебя искал не ради того, чтобы просто сдать тебя и уйти. Я должен тебя переубедить... уговорить...

Тень хмыкнула:

– Валяй. Только не надо угрозы, потому что я сразу же выкину тебя в море на съедение шarkedу.

Сандер вспомнил, что говорили люди об очарованных морем: «Их удерживают в нашем мире любовь, ненависть и любопытство». Ни первого, ни второго он не мог предложить упряму, но вот третье было вполне ему по силам. Он машинально протянул руку к веревке, желая перебраться на палубу того корабля, где прятался среди теней человек, столь важный и нужный Амари, Фейре и ему самому, но тот, предугадав поступок матроса, пригрозил ему пальцем.

Сандер набрал побольше воздуха в легкие и начал:

– Как-то раз наш фрегат пришел в один маленький южный город, где капитан когда-то расстался со своим лучшим другом...

Он рассказывал, не называя имен и старательно перемешивая события и факты так, чтобы не пришлось выдать, кто на самом деле Кристоаль Фейра. Ему казалось, что повествование получается довольно увлекательным, однако, когда оно подошло к концу, корабел лишь пренебрежительно фыркнул:

– Я знаю множество таких историй, матрос. Ну и что с того, позволь тебя спросить? Любовь... дружба... преданность... предательство... – это просто слова. С годами они покрываются плесенью и пылью, а когда проходят века, от них не остается ни следа. Только воспоминания, от которых хочется уйти даже не в обычное море, а в то, которое простирается сейчас прямо над нашими головами со всеми своими течениями, – в Вечную ночь.

«Ненависть, – понял Сандер с упавшим сердцем. – Им движет ненависть». Это был самый худший вариант из всех возможных, потому что он не мог даже представить себе, что ощущает тот, кого переполняет такое страшное чувство. Он умел любить. Он мог быть преданным другом. Он мог быть даже верным слугой, тенью, способной забыть о самом себе.

Он не умел ненавидеть.

– Так кого же выбрал твой капитан? – вдруг спросил корабел. – Девушку или фрегат?

– Он еще не выбрал, – ответил Сандер. – Хотя я... заранее жалею девушку.

Незнакомец, прятаясь среди теней, опять рассмеялся, и его смех разбудил в душе Сандера странное тревожное чувство. Однако он не успел разобраться в себе – следующие слова безымянного мастера-корабела обрушились словно шквал, сбивающий с ног.

– Я приду к вам завтра, – раздалось из темноты. – Предупреди своего капитана и вообще всех, чтобы держали языки за зубами. Одно неосторожное слово, один неуклюжий жест – и вы останетесь наедине со своей проблемой. Понятно?

Сандер закивал, потом сообразил, что корабел его не видит, и крикнул:

– Да! – Чуть помедлив, он прибавил уже не так громко: – Может, назовешь мне свое имя? Я ведь должен как-то представить тебя своему капитану.

– Скажи ему, что придет Марис с ~Полуночного призрака~. Или, может быть, Марис на ~Полуночном призраке~. Все зависит от того, с каким настроением я проснусь.

Парус на передней мачте фрегата с тихим шелестом развернулся, и «Полуночный призрак» тихонько тронулся с места. Он двигался почти бесшумно и выглядел каким-то невесомым, вполне под стать своему названию.

– Марис? – переспросил Фейра и нахмурился. – Ты уверен, что услышал именно это имя?

Сандер кивнул.

– Я о таком корабеле не знаю, – сказал Джа-Джинни. – И о таком фрегате – тоже. А этот очарованный, судя по всему, вбил себе в голову, что мы должны быть о нем наслышаны. Странный он какой-то.

Сандер виновато развел руками. Вернувшись на «Невесту ветра», он не стал будить капитана и остальных, а лег вздремнуть прямо на палубе, рассчитывая проснуться через час или два, но это у него получилось почти к полудню, не без помощи Хагена и ведра холодной воды. Неудивительно, что капитан выглядел сердитым. Оставалось лишь порадоваться, что загадочный мастер-корабел пока что не появился и никто не успел вызвать его гнев.

– Я вообще удивляюсь, что ты его нашел без посторонней помощи, – вдруг прибавил Джа-Джинни, подозрительно прищурившись. – Если ты все-таки задавал вопросы и местные начнут трепаться, что нам нужны не только припасы и оружие...

– Он не задавал вопросов, – перебил Фейра.

Джа-Джинни удивленно посмотрел на капитана, но тот не счел нужным продолжить, и крылан сердито встопорщил перья, как всегда в те редкие моменты, когда он понимал, что посвящен не во все тайны «Невесты ветра».

Сандер осторожно ощупал опухшее после ночных походов лицо кончиками пальцев и перевел дух. Все хорошо. Всё в порядке. Он отыскал в огромной Талассе мастера-корабела в первую же ночь – и это добрый знак. У Амари обязательно все получится, и он станет хорошим навигатором, одним из лучших.

Солнце весело сияло в безоблачном небе, словно вторя его мыслям.

– Мы подождем, – сказал Фейра и похлопал Сандера по плечу. – Молодец, что не побоялся туда пойти. Спасибо.

– Мне все равно что-то в этом деле не нравится, – сварливо пробурчал крылан. – Кристо-баль, неужели ты сам не сможешь всему обучить Амари? Ты ведь учился у Эрдана – лучшего корабела Империи!

– Но я-то не корабел, – возразил Фейра. – И, если уж на то пошло, обычным навигатором меня тоже не назовешь. У Амари с «Утренней звездой» все совсем не так, как у меня с ~Невестой~. Чтобы его обучить, нужен...

– Необычный мастер-корабел? – спросил кто-то. – Тогда вы обратились к кому надо.

Все четверо обернулись на звук незнакомого голоса и застыли.

Правым бортом «Невеста ветра» была по-прежнему пришвартована к «Лентяйке», а левым – обращена к небольшому внутреннему морю, достаточно обширному пространству, окруженному со всех сторон фрегатами всех мастей. И вот как раз на планшире левого борта сидела, небрежно закинув ногу на ногу, худощавая женщина в безрукавке и штанах, обрезанных чуть ниже колена. Ее жесткие кудрявые волосы цвета меди были заплетены в короткую

косу; на правой щеке бледной полосой светился старый шрам длиной в палец. Только по глазам можно было понять, что она очарованная морем: бледно-голубые, почти белые, с вертикальными зрачками, они глядели так пронзительно, что Сандеру захотелось где-нибудь спрятаться.

– Ты кто такая? – удивленно спросил Джа-Джинни.

На лице женщины мелькнула нечеловечески широкая хищная улыбка – так мог бы улыбаться шаркат или кархадон. Она спрыгнула на палубу и вальяжным шагом направилась к ним, уперев руки в бока.

– Меня зовут Марис. Вчера один из ваших чуть ли не на коленях умолял меня помочь молодому навигатору, который попал в нелегкую переделку. Я предупредила, что со мной сложно работать, что у меня есть правила... неужели он был так пьян, что к утру все позабыл? Неужели я кому-то из вас не нравлюсь?

На последних словах тонкий палец с обкусанным ногтем уперся в грудь Джа-Джинни. Он открыл рот и чуть приподнял крылья, готовясь сказать что-то язвительное, но Кристоаль Фейра перехватил руку удивительного корабеля и галантно поцеловал.

– Для меня большая честь познакомиться с живой легендой, – сказал он, выпрямляясь, но не выпуская руки рыжеволосой очарованной из своих когтистых пальцев. – Я не сразу поверил своим ушам, когда услышал имя...

– Я скажу как легенда легенде, – проговорила Марис, улыбаясь краем рта, – что ты очень запустил свой фрегат, Кристоаль Крейн... точнее, теперь уже Фейра. Я вижу, я чувствую... – Она на секунду закрыла глаза и втянула носом воздух. – Тут кругом страшный бардак. Мужчины не должны ~играть~ со связующими нитями. Вы слишком безрассудны и не понимаете, к чему приводят эти игры. Ну а про то, что у тебя сбит компас, не стоит и говорить.

Феникс и очарованная были одного роста и смотрели друг другу в глаза. Фейра усмехнулся и кивнул, словно давая Марис безмолвное разрешение на... что? Сандер вдруг почувствовал, как тонкие невидимые пальцы прошли по его телу, побывав разом во многих местах.

– Теперь я понимаю, – прошептал знакомый голос, в котором не было и тени вчерашнего равнодушия. – Теперь я знаю о тебе даже то, чего ты сам не знаешь~.

Он зажмурился, но присутствие Марис ощущалось с прежней силой, а потом...

Он оказался посреди пустоты.

Перед ним был огромный черный цветок – водяная лилия с бесчисленным множеством заостренных лепестков, чьи края усеивали разноцветные огоньки. Красные... желтые... бледно-лиловые... Цветок показался Сандеру таким красивым, что он погрузился в созерцание и позабыл обо всем, что и немудрено: в этом странном месте течение времени не ощущалось, и секунды вполне могли оказаться часами, а часы – столетиями. Сандер смотрел и понимал, что ничего прекраснее он не видел за всю свою жизнь и уже вряд ли увидит; а еще он чувствовал, что должен находиться не снаружи, а внутри цветка – в самой его сердцевине, под защитой черных листьев, там, где можно спать целую вечность и видеть удивительные сны.

~

...Его разбудила ~песня~ «Невесты ветра». Она звучала так нежно и красиво, что на мгновение все жуткие события последних недель показались не более чем отголосками затянувшегося ночного кошмара, тающими в ласковых лучах солнца. Он уже успел забыть, как ~поет~ фрегат, которому не больно, который ничего не боится! Он открыл глаза и увидел ошеломленные лица друзей – на палубе теперь было довольно многолюдно, и среди потрепанных матросских нарядов даже мелькнуло белое платье Ризель. Все они что-то почувствовали. Все они поняли, что происходит нечто странное.

Но в разноцветных глазах Фейры светилась тревога.

– Я знаю, – вполголоса проговорила Марис, – ты это сделал, чтобы защитить всех от того, что могло случиться уже много месяцев назад. Но от судьбы не убежишь. Рано или поздно

придется решать, и делать это нужно с ясной головой, все понимая и осознавая последствия... Разве я не права?

Фейра вздохнул и кивнул – медленно, неохотно. Марис вновь широко улыбнулась, развернулась на пятках и, хлопнув в ладоши, громко спросила:

– И кто же из вас Амари?

Когда молодой магус вышел вперед, смущенный и испуганный, она шагнула к нему навстречу, взяла за руку и повела за собой к левому борту «Невесты ветра». Никто не преградил ей путь, никто ее не остановил... И никто даже глазом моргнуть не успел, когда они вдвоем с Амари перевалились через борт и с громким плеском упали в воду.

– Амари! – закричала Ризель. Фейра, как уже случилось один раз, схватил ее за руки, не позволяя броситься следом за очарованной. – Отпусти меня!

– Без сильного слова не отпущу, хватит мне одной пощечины. – Цапля перестала вырываться и устремила на феникса гневный взгляд. – Успокойтесь, ваше высочество, она не причинит ему вреда. Она лишь поможет ему разобраться с «Утренней звездой». Никто другой не умеет того, что умеет Марис Гансель.

Ярость Ризель испарилась, она растерянно приоткрыла рот и через секунду спросила:

– Гансель? Но ведь местный властитель...

– Короля Талассы зовут так же, и это не случайность, – сказал Фейра и улыбнулся, а потом разжал хватку, и Ризель тотчас же отступила на шаг, потирая запястья. – У них одна история на двоих – очень длинная история.

Он хотел сказать еще что-то, но в этот момент с севера донесся тревожный колокольный звон, заставивший всех вздрогнуть. Вслед за звоном послышались звуки, которые невозможно было ни с чем перепутать, – треск сломанной мачты, крик фрегата...

В Талассу снова явился шаркат.

На этот раз внимания шарката удостоился большой трехмачтовый фрегат под названием «Дочь Солнца», расположившийся на самом краю города, в весьма отдаленной его части, куда оказалось непросто добраться. Джа-Джинни опередил товарищей, и благодаря ему – а также при помощи «Невесты ветра», которая вела их вместе с крыланом, – они нашли дорогу, но все равно увидели только последствия разгрома, учиненного зловредным монстром на борту невезучего живого корабля.

Шаркат оборвал почти все снасти, сломал две мачты и в ключья разодрал нижние паруса на третьей. «Дочь Солнца» была пришвартована к соседнему фрегату левым бортом, но уцелела только часть швартовочных тросов. Некоторые она оборвала сама, когда пыталась сбросить шарката в воду, а еще несколько перерубили очарованные, испугавшись, что их корабль – следующий в очереди. На палубе виднелись бурые пятна и кровавые ошметки – все, что осталось от тех моряков, которых шаркат попросту раздавил своей тушей.

Они углядели его лишь мельком – сначала среди волн мелькнула серая спина с встопорщенным плавником, а через несколько секунд показалась тупоносая морда с разинутой челюстью, в которой белели зубы в несколько рядов. Даже с большого расстояния чувствовалось, что в глазах, слишком маленьких для огромного тела, пылает ненависть. Фейра, ухватившись за обрывок троса, вскинул свободную руку – и ее кисть окуталась пламенем, которое спустя мгновение погасло, не причинив никому вреда.

Шаркат исчез...

Испуганную тишину заполнили стоны фрегата и крики раненых. Сандер перевел дух и запоздало спросил себя, что он, совершенно не умеющий сражаться, делает здесь.

С неба упал Джа-Джинни, едва не сбив с ног Хагена.

– Я ни разу в жизни не видел подобного... – проговорил он, не скрывая растерянности. – Эта тварь даже никого не сожрала, она просто крушила все на своем пути, давила людей, уро-

довала фрегат... Твой собутыльник сказал правду, Сандер: шаркат нападает не из-за голода. У него есть какая-то другая причина.

– Ты сам сказал, он тварь, – заметил Хаген. Его лицо казалось неестественно спокойным, но в глазах плескался страх. – Неразумная тварь. Какая еще может быть причина, кроме...

– Злости? – перебил крылан. – Это не просто злость – он явно чего-то добивается. Он пугает талассийцев... или мстит им за что-то?

Фейра посмотрел на своего крылатого помощника:

– Знаешь, а это интересная мысль. Даже неразумные твари иной раз мстят тем, кто причинил им вред – разорил гнездо, убил детеныша... У меня такое чувство, что Немо Гансель нам рассказал не все.

– Значит, надо его спросить! – подытожил Джа-Джинни. – Раз уж мы взялись за дело, займемся им как следует...

Они ушли, продолжая гадать вслух, чем могли талассийцы разозлить шарката, а Сандер почему-то ненадолго задержался. Он стоял и слушал ту беспорядочную последовательность звуков, в которую превратилась ~песня~ «Дочери Солнца»; ему было почти так же больно, как самому фрегату. Конечно, хотя рыбокораблю пришлось несладко, его раны должны были затянуться, и даже мачта через несколько месяцев выросла бы опять; люди в этом смысле находились в незавидном положении, особенно те, от кого остались только пятна на палубе. И все-таки от ее страданий из головы Сандера вышибло все, даже мысли об Амари, который сейчас был в полном распоряжении загадочной Марис Гансель.

– Здравствуй, брат... – раздалось позади. Сандер обернулся и увидел своего ночного знакомого – Тинно Уриски. При свете дня очарованный выглядел страшновато, однако Сандер даже не вздрогнул. – Вот что вышло-то... Только мы с тобой поговорили о шаркате – и он тут как тут.

– Это твой фрегат? – тихо спросил Сандер.

Уриски кивнул.

– Мы сейчас потащим «Дочь» в док... – сказал он после недолгой паузы. – Карат, наш навигатор, немного не в себе после того, что тут приключилось. Но даже если бы он был в порядке, она все равно сама не сможет лавировать, так что ее поведут сторожевики, за ними уже послали. Ты сможешь закрепить буксировочные тросы? Лишние руки нам всяко не мешают.

Сандер с готовностью кивнул, и на протяжении следующего часа он, Уриски и еще полдесятка матросов – команда у «Дочери Солнца» была на удивление маленькая – занимались тем, что цепляли к бортам длинные веревки с крюками. Два сторожевых фрегата, незнакомых Сандеру, ждали поблизости. Третью мачту «Дочери» пришлось обрубить, поскольку ее нижняя часть была раздроблена и держалась на полоске лжеплоти, а среднюю они оставили и закрепили, чтобы не потерять по пути в док. Сандер мало что смыслил в восстановлении фрегатов, но даже он понимал, что «Дочь» не выйдет в открытое море еще по меньшей мере месяца три.

Когда они закончили работу, на палубу выбрался Карат, опираясь на плечо помощника. Он был крабнидом, но с панцирем только на груди и плечах. На его смуглом лице со сломанным носом застыла страдальческая гримаса. Несмотря ни на что, он сразу же заметил чужака и кивком приказал подойти ближе:

– Ты кто такой?

– Я... мы с Тинно вчера случайно познакомились... – Сандер снова почувствовал, что оказался не в том месте и не в то время. Почему-то ему было сложно врать, глядя в затуманенные болью глаза. – Мой капитан пытается найти способ, который помог бы справиться с шаркатом. Мы прибежали сюда, как только услышали колокольный звон, но опоздали. Простите...

Карат фыркнул и тотчас же скривился от боли.

– Никто не может справиться с шаркатом. Эту меррскую тварь на нас наслал сам Великий Шторм. Ему, видать, надоело, что талассийцы никак не уйдут в море, вот он и...

– Великий Шторм наслал бы на вас водокрут, – возразил Сандер. – Это всё проделки Меррской матери.

Карат покачал головой:

– Мы слишком далеко от ее вод. В этом и был весь смысл Талассы, смекаешь? Забраться подальше на север, чтобы она не смогла зацепить нас даже самым длинным своим щупальцем. Только здесь мы можем... жить.

Пауза перед последним словом не ускользнула от внимания Сандера.

– Передай своему капитану, что он дурак, – сказал Карат, отворачиваясь. – Шаркат почует его и придет за ним, за его кораблем. Я, быть может, еще легко отделался по сравнению с тем, что он сотворит с вами.

Сандер сжал кулаки. На его месте Джа-Джинни ответил бы что-нибудь язвительное, Умберто бросился бы в драку, не задумываясь о последствиях... но музыкант по-настоящему драться не умел. К тому же Карат был прав: после того, что они видели, только безумец или дурак мог по-прежнему желать сразиться с шаркатом.

– Я знаю, кто вы такие, – вдруг сказал навигатор «Дочери Солнца», не глядя на Сандера. – Вся Таласса, наверное, уже знает.

– Тогда ты должен понимать, на что способен феникс, – проговорил Сандер. Прозвучало это не очень уверенно, и Карат беззлобно рассмеялся:

– Одного феникса не хватит, чтобы превратить бескрайнее море в кипящий котел и сварить вкусную похлебку из шарката. Тварюга очень ловкая и быстрая, а твоему капитану – не отпирайся, это сегодня многие видели – нужно время, чтобы ответить ударом на удар. Нет, ничего у него не получится. Даже немного жаль...

Он хотел добавить еще что-то, но осекся и зашипел от боли: сторожевые фрегаты сдвинулись с места и буксировочные тросы один за другим натянулись, а крюки вонзились в тело «Дочери Солнца». Сандер понял, что разговор окончен, и тихонько отошел в сторону, чтобы не мешать навигатору, чей взгляд, внезапно сделавшийся пустым и тусклым, свидетельствовал о том, что Карат предпочел слиться со своим кораблем на то время, пока их тащат в безопасный док.

Сандер понадеялся, что тот расположен не очень далеко от «Невесты ветра», потому что Таласса вдруг стала вызывать у него тревогу. Дело было вовсе не в том, что он боялся очарованных, – он боялся многих вещей, но давным-давно научился жить, мирясь со страхами. Совсем наоборот – у этого странного города было свое очарование. Здесь каждая мелочь словно говорила, что талассийцы изо всех сил цепляются за жизнь и не сдадутся, даже если шаркат станет трепать их каждый день. Они выбрали свой путь, хотя, казалось бы, Меррская мать лишила их этой возможности. Они сопротивлялись ее зову – и каждый прожитый ими день был маленькой победой.

Шелест тростника...

Сторожевики продвигались между разномастными талассийскими фрегатами очень аккуратно, и ни они, ни «Дочь Солнца» ни разу никого не задели. Сандер смотрел, как очарованные провожают их взглядами, в которых даже на большом расстоянии читалось сочувствие, и думал о том же, о чем недавно размышлял Джа-Джинни. Чем могли местные жители прогневать страшного зверя? Его логово, если оно вообще существовало, наверняка располагалось где-то на дне... или в какой-нибудь пещере... в общем, даже при очень большом желании охотники Талассы не смогли бы там что-нибудь натворить. Сандер закрыл глаза и словно наяву увидел, как два небольших шарката рвут третьего, опутанного сетью и пронзенного тремя или четырьмя гарпунами: голодным тварям было наплевать, чьим мясом набивать желудок. Очень

странное воспоминание, ведь «Невеста ветра» никогда не охотилась на шаркатов. И все же он был уверен, что сам когда-то стал свидетелем этой сцены.

Наверное, все случилось еще до...

Крик в темноте.

– Доки! – крикнул кто-то. – Мы почти на месте!

«Доки» Талассы были вовсе не доками, а чем-то вроде небольшого залива, куда со всех концов огромного Блуждающего города собирались больные и поврежденные фрегаты, чтобы восстановиться в тишине и относительном спокойствии, без риска подвергнуться нападению какой-нибудь твари из открытого моря – ведь там водились не только шаркаты. Здесь были корабли без мачт и с дырами в корпусе, покрытые плесенью и изъеденные жгучими водорослями, со сломанными носовыми таранами и без глаз. Сандер наконец-то понял, почему даже здоровые талассийские фрегаты выглядят такими потрепанными: в подобных условиях ни одному рыботорапли не удалось бы после серьезного ранения вернуть себе прежний облик. Для того чтобы «Дочь Солнца» стала хоть отчасти похожей на себя, понадобится не три месяца, а шесть или семь. Или больше. Или она не оправится никогда.

Среди кораблей-инвалидов один привлек особенное внимание Сандера. Паруса на передней из трех мачт этого серебристо-серого фрегата превратились в подобие кокона, и даже нельзя было понять, какой они формы и сколько их; его нос и ту часть левого борта, которую Сандер видел, покрывала густая сеть старых шрамов. Корабль словно дремал, прикрыв бронированные веки, но так лишь казалось: к соседям странный фрегат был привязан стальными цепями, а не тросами.

– Что это? – спросил Сандер, от удивления заговорив вслух.

Против всех ожиданий Карат ответил:

– Это «Чокнутая». Находка Марис Гансель. Мы встретили ее в море прошлым летом: она была пуста и являла собой весьма жалкое зрелище. Марис решила привести ее в порядок, но довольно быстро обнаружилось, что эта рыбка не в своем уме. От тех храбрецов, что осмелились ступить на ее палубу, не осталось даже костей. Однако Марис никогда не сдастся, и вот поэтому мы любимся на «Чокнутую» вот уже целый меррский год...

Сандер закрыл глаза и прислушался. ~Песня~ «Чокнутой» чем-то отличалась от обычной песни фрегата, но если бы он ничего о ней не знал, то вряд ли ощутил бы это отличие. Она была по-своему мелодична, в ней чувствовался ритм... Ритм, от которого его сердце вдруг забило быстро и неровно. Он стиснул зубы и заставил себя отвлечься от безумного корабля, сосредоточившись на самой важной части того, что сказал навигатор «Дочери Солнца»: Марис Гансель никогда не сдастся. Значит, если у Амари есть шанс, она его отыщет.

Воспрянув духом, Сандер дождался, пока для «Дочери Солнца» отыщется подходящее место, и отправился к «Невесте ветра», стараясь держаться подальше и от «Чокнутой», и от очарованных, которые, впрочем, и сами шарахались от него, словно они были здоровыми, а он – больным.

Он издали почувствовал, что на «Невесте ветра» произошло что-то нехорошее, и сразу же испугался за Амари. Испуг оказался напрасным – Марис еще не вернула своего нового ученика, и оставалось лишь надеяться, что она не причинила ему вреда, – однако чутье и ~песня~ привели Сандера в каюту Эсме, и там он сразу понял, в чем дело.

Целительница забралась с ногами на койку, забила в угол и прижала к груди Сокровище. Ларим не сопротивлялся, хотя таких бурных проявлений чувств обычно не позволял даже ей. Открытые глаза Эсме глядели куда-то в пустоту, и единственным звуком, раздававшимся в каюте, было тихое позвякивание металлических безделушек на ошейнике Сокровища, когда зверек поворачивал голову, глядя то на хозяйку, то на замершего в дверном проеме матроса.

– Ты опять его об этом попросила, да? – тихо проговорил Сандер.

Эсме шмыгнула носом.

– Почему? Почему он не позволяет даже прикоснуться к своим рукам? Я... я все понимаю, но... не станет же она злиться на нас из-за того, что я исцелю ему пальцы? Это не займет много времени, для этого не нужен эликсир. Я не понимаю, что происходит, Сандер...

Он присел на край койки и тяжело вздохнул. Когда они только-только пришли в себя, вырвавшись из Облачного города, Эсме занялась ранеными, которых было много, и кое-кому понадобилась серьезная помощь. У нее оставался еще один флакон с целительским эликсиром, прихваченный Хагеном в лаборатории, и она старалась расходовать драгоценную жидкость очень бережно. Последним в очереди раненых значился капитан, и вот тут-то случилось то, что впервые заставило их задуматься о приближении больших неприятностей.

Эсме вошла в капитанскую каюту – и тотчас же все находившиеся на борту «Невесты ветра» услышали невероятно противный громкий свист, который словно сверло вгрызался им в головы, нарастая с каждой секундой. Он оборвался, стоило целительнице выскочить обратно за порог, и попробовать второй раз она не стала, решив подождать, пока Кристобаль Фейра очнется от навигаторского сна и сам придет к ней за помощью.

Но он не пришел. Недолгие периоды бодрствования Фейра проводил все там же, в своей каюте, или совершал короткие прогулки по разгромленному фрегату, наблюдая, как матросы в меру сил наводят порядок. Во время одной из таких прогулок Эсме настигла его. Сандер не слышал и не видел их разговора, однако понял с чужих слов, что феникс отказался от целительских услуг, хотя всем было ясно, что он в них нуждается.

Эсме не сдалась, но ее попытки не увенчались успехом.

А теперь, судя по потокам слез, текущим по щекам девушки, Кристобаль Фейра не только в очередной раз отказался от ее помощи, но и сопроводил отказ какими-то не очень приятными комментариями.

– Я слышала, что он пообещал королю Немо. – Эсме отпустила ларима и рукавом вытерла щеки. – Но ты же знаешь... да все уже об этом знают... что для вызова перволамни фениксу нужны глаза и здоровые руки с подвижными пальцами. Поэтому капитан-император и сделал его слепым на время, поэтому ему сломали пальцы. И что теперь? Как он собирается уничтожить шарката, если ему с трудом удастся подчинить себе огонь? Ты ведь помнишь, что произошло на набережной...

Сандер кивнул – тот огненный вихрь трудно было не запомнить.

– Если он устроит здесь то же самое, король вышвырнет нас вон.

«И будет прав».

– Не молчи, скажи – чего я не понимаю?

Сандер вспомнил то, что несколько часов назад сказала капитану Марис Гансель: она что-то изменила, убрала защиту, которую он возвел... для чего? Насколько он мог судить, очарованная изменила ~песню~, сделала чище и громче, и если это означало, что «Невеста ветра» стала более восприимчивой, то...

– Мне кажется, – мягко проговорил он, – что он все это делает ради нас.

– Терпит боль? – с горечью спросила Эсме. – Терпит, хотя я могу быстро и легко все исправить?

Сандер не удержался от упрека:

– Нужно больше доверять капитану. Ведь он...

– Он отправился за мной в Облачный город и спас от самого капитана-императора, знаю, – перебила целительница. Потом, устало вздохнув, она прибавила: – Тебе не кажется, что после такого не стоит удивляться, что я хочу ему хоть как-то отплатить?

– Он это сделал не ради платы.

«Ради любви».

– Опасная тема. – Эсме болезненно скривилась. – Лучше давай помолчим.

В тишине Сандеру проще было размышлять. Он вновь мыслями обратился к словам, которые произнесла Марис Гансель, повертел их так и этак, взвесил и измерил. Конечно, он не был навигатором, но обладал особым талантом и понимал о фрегате многое, о чем другие даже не догадывались; с другой стороны, Фейра не слышал ~песню~, и сравнивать то, как они двое ощущали «Невесту ветра», надо было с весьма большой осторожностью. И все-таки... Фрегат, навигатор, целительница – что их объединяло? Первой на ум приходила любовь, однако эту мысль Сандер тотчас же отбросил. Дело было в чем-то еще, неочевидном, но необыкновенно важном.

Фрегат, навигатор, целительница.

– Память, – сказал Сандер севшим от внезапного волнения голосом. Эсме удивленно уставилась на него. – То есть воспоминания. Есть что-то в его прошлом, о чем он не хочет тебе рассказывать.

Целительница открыла рот, потом закрыла, не издав ни звука. По ее лицу пронеслась туча. Сандер вспомнил, что она рассказывала о правиле трех шагов, о чужих мыслеобразах и сундуке, и окончательно убедился в своей правоте. Если бы Эсме исцелила пальцы Фейры, от этого ничего бы не изменилось в их отношениях друг с другом и с «Невестой ветра», но зато целительница смогла бы заглянуть в самые дальние уголки его памяти – те самые, о существовании которых она даже не подозревала, когда спасала его полуотгрызенную руку, когда помогала восстановиться после встречи с глубинным ужасом, когда...

«И еще скажи, что, если он ее не уберезет, – я вернусь и отомщу. Меня не остановит Великий Шторм, а его не спасет первопламя».

Худая фигура в черном, яростный желтоглазый взгляд. Скорбь на лице Кристобаля Фейры, и имя, имя, смутно знакомое имя, прозвучавшее в тот день на палубе «Невесты ветра» и заменившее презрительную кличку Змееныш. Имя человека, который пожертвовал собой ради мести – но не только ради нее одной.

Сандер вдруг вспомнил маленький южный городок с белым замком на холме, со стаями крикунов над крышами; он ощутил тайну, которая до сих пор пряталась на невероятной глубине. Эта тайна жила в воспоминаниях Кристобаля Фейры, однако он делил память с фрегатом, а фрегат ни на миг не оставлял каждого из своих матросов.

Он пожалел, что поделился своей догадкой с Эсме.

– Ради Эльги... – растерянно проговорила целительница, глядя куда-то мимо Сандера. – Как же я теперь смогу с ним – с вами – остаться?..

«Я бы сказал, что кому-то надо сойти».

«Кто-то скорее сойдет с ума, чем сойдет на берег».

Он придвинулся ближе к ней, обнял и прижал к себе; через секунду она расслабилась, а еще через две или три – разрыдалась по-настоящему. Он держал ее в объятиях до тех пор, пока слезы не высохли, и не подумал о том, что сейчас расстояние между ними куда меньше трех шагов, что его тайну можно взять голыми руками и разглядеть во всех подробностях.

Она, конечно, об этом тоже не подумала.

Оказалось, после неприятного разговора с Эсме Фейра куда-то подевался. Никто не видел, как он ушел, и никто понятия не имел, что понадобилось капитану в Талассе. Сандер предположил, что феникс отправился к Немо. В прошлый раз его сопровождал Хаген, но теперь пересмешник остался на фрегате и, как и все прочие, не знал, чем занят капитан.

Амари и Марис по-прежнему отсутствовали. Ризель стояла у левого борта «Невесты ветра» – в том самом месте, откуда очарованная и принц бросились в воду, – и смотрела вдаль нахмурившись. Никто не отваживался к ней подходить, хотя все понимали, что фигура в рос-

кошном платье, с длинными белыми волосами привлекает слишком много внимания даже здесь, в Блуждающем городе.

Солнце уже клонилось к закату, когда вернулся Фейра.

– Хаген! – крикнул он с борта «Лентяйки». – Поднимайся, нас ждет его величество. Сандер... и ты тоже иди.

– Где Амари? – спросила принцесса ледяным голосом, медленно поворачиваясь к Фейре. – Что с ним?

– С ним все хорошо, и он скоро вернется, – спокойно ответил Фейра.

Ризель недоверчиво покачала головой, но больше ничего не сказала.

Хаген и Сандер поднялись по веревочной лестнице на борт «Лентяйки», и теперь Сандер воочию увидел то, что в прошлый раз «Невеста ветра» показывала ему с помощью глаз Хагена. Все выглядело именно так, как он запомнил – и шатры на палубе, и светящиеся полосы в коридорах, – кроме брюха. В брюхе их теперь ждал не только король Талассы, но и множество его подданных.

Темнота вокруг была живой. Она сопела и глядела пристально, поблескивая глазами, чешуей и слизистыми конечностями. Здесь собрались не просто очарованные морем, а те, кого глубина звала в полный голос и кому на поверхности осталось жить совсем недолго... И все-таки они хотели тут задержаться. Сандер спросил себя, как бы поступил на их месте, и не нашел ответа. Если бы у него были клешни вместо рук... если бы он покрылся чешуей и начал светиться по ночам... если бы на его лбу вдруг открылся третий глаз, при взгляде на который люди и магусы теряли бы волю... Нет, разумеется, он бы не отказался сразу от земных радостей. Но бороться с такой судьбой представлялось ему бессмысленным.

– Приветствую тебя, Кристобаль Фейра! – раздалось из темноты. Голос Немо Ганселя на этот раз звучал по-другому – глубже, мелодичнее. Сандер покосился на Хагена и увидел, что пересмешник тоже удивлен. – Все ли тебе пришлось по нраву в моем городе?

– В той степени, в какой это можно сказать о трех сотнях фрегатов, не пригодных ни для торговли, ни для боевой службы, – проговорил Фейра, – твой город кажется мне любопытным.

Сандер невольно вздрогнул. Вновь, как и вчера, феникс откровенно дразнил очарованного, нарочно выбирая из возможных ответов тот, который по всем правилам должен был вызвать ярость и гнев... но почему-то не вызывал. Немо Гансель рассмеялся, и невидимые свидетели их разговора разразились звуками, заменявшими им смех: они пищали, всхлипывали, ухали и булькали, словно сказанное Фейрой преследовало лишь одну простую цель – развеселить их.

– Прекрасно, прекрасно... У нас так давно не было гостей, что я уже и забыл, как хорошо становится на душе, когда даешь кому-то пристанище под своей крышей, на своем корабле... Впрочем, есть в этом и неприятная сторона: гости бывают разные. Среди них попадаются и лжецы.

– Да неужели?

– Вот ты, к примеру, заявил, будто нуждаешься только в оружии, припасах и прочей дребедени, но ни слова не сказал об одной особенной услуге, которая весьма для тебя важна...

Сандер услышал, как гудит туго натянутая струна, и понял, что она лопнет, если Фейра продолжит дурачиться, чем бы ни объяснялось его странное поведение. Немо Гансель в самом деле на них сердился и мог наказать за то, что считал ложью. Судьба Амари волновала Сандера больше собственной жизни, а ведь сейчас юный навигатор был в полном распоряжении женщины, как-то связанной с королем Талассы...

– Я виноват, – сказал Фейра с обезоруживающей улыбкой и развел руками, словно говоря: «Вот он я, весь в вашей власти». – Да, мне требовался корабель.

– И ты решил обмануть меня, чтобы ничего не заплатить за помощь.

– Помилуйте, ваше величество! – воскликнул Фейра. – Кто сказал, что я не буду платить? Я ведь вчера не один раз повторил, что хочу заключить честную сделку и выполню все условия. Замечу, что госпожа Марис не назвала свою цену... если, конечно, не считать ценой саму возможность поработать со столь необычным молодым навигатором...

Поодаль раздался плеск, и Сандеру показалось, что он видит, как шевелятся в непроглядной темноте отвратительные белесые щупальца. Немо Гансель размышлял:

– Хм... ты лишь один раз с ней встретился, но уже успел о ней узнать самое главное. Это впечатляет. Что ж, я не стану наказывать за ложь ни тебя, ни кого-либо из твоих людей и нелюдей, но мне нужна плата.

– Я ее предоставлю.

– Та самая плата, которую мы обычно взимаем за особые услуги, не поддающиеся точной оценке. Ты знаешь, о чем я говорю...

Фейра улыбнулся:

– О том, что способно удержать вас от падения в глубину. Об историях.

– Верно, – сказал Немо, и теперь ошибки быть не могло – Сандер увидел, как щупальца подбираются все ближе к ним. Хаген, стоявший рядом, подобрался, готовясь выхватить нож; впрочем, и он, и его товарищи понимали, что, если их захотят убить, выбраться из брюха «Лентяйки» сумеет только феникс. – Я хочу от тебя три истории, капитан Фейра. Ты можешь рассказать их сам, можешь попросить друзей; они должны быть правдивы, и никто из нас не должен их знать.

– Это справедливо, – согласился Фейра.

– А, еще кое-что. – Из темноты выскочило увесистое щупальце и ловким движением, не лишенным удивительного изящества, обняло капитана «Невесты ветра» за плечи. Магус даже не шелохнулся. – Хотя бы одна из этих историй... может, та, которую мы услышим сегодня?.. Так вот, хотя бы одна из трех историй должна быть о фениксах.

– Легко, – сказал Фейра. – Можно начинать?

– Мы слушаем, – милостиво изрек король Талассы.

– Давным-давно, – начал Фейра негромким голосом, словно рассказывая сказку ребенку, – очень далеко отсюда жил-был юноша. Он был охотником и мечтал, что когда-нибудь поймает добычу, которая ускользала от всех, даже самых искусных ловцов, – великую Огненную птицу...

– Стоп, стоп! – перебил Немо. – Я не просил рассказывать сказки! Сказок, знаешь ли, у нас вполне достаточно. Ты должен поведать о том, что произошло на самом деле, и если соврешь...

Щупальце на плечах Фейры сжало хватку.

– Все в моем рассказе правда, от первого до последнего слова, – быстро проговорил феникс, чувствуя, что его вот-вот схватят уже не за плечи, а за горло. – Надо лишь дослушать до конца! Ну хорошо, хорошо – я докажу, что не лгу... но не сейчас, а после того, как закончу рассказ.

В темноте зашумели, заворчали.

Немо выдержал паузу, во время которой Фейра с трудом балансировал на носках, а Сандер и Хаген мысленно прощались с жизнью. Наконец щупальце отпустило свою жертву и замерло, покачиваясь перед ними, словно огромный вопросительный знак.

Феникс продолжил.

– Огненная птица жила на вершине самой высокой горы во всем мире – в другом мире, не в нашем. В таком, где можно целый месяц идти в любом направлении и не наткнуться ни разу

на берег океана. В таком, где в море не живут кракены и мерры, но зато на суше обитают твари, чьи названия все мы уже давным-давно забыли. В таком, где... Впрочем, это неважно. Так вот, птица жила на вершине самой высокой горы, которая достигала небесного свода, Крыши мира, и один раз в неделю покидала свое гнездо, улетая на поиски пищи. Ее полет сопровождали грозовые тучи, среди которых она блистала, словно высверк алой молнии. Уронив всего лишь одно перо, она могла уничтожить целый поселок, а уж если кто-то осмеливался навлечь на себя ее гнев... Но до того прекрасна была птица, что люди не могли бороться с собственными желаниями, а желали они лишь одного – обладать этой красотой. Короли хотели посадить ее в клетку, королевы – чтобы она им пела, ученые мужи изнывали от того, что не могли как следует изучить ее и понять, отчего она горит и не сгорает, отчего пьет воду и не гаснет, как вообще такое создание может существовать. Один за другим охотники отправлялись к волшебной горе, но всех их птица обратила в пепел, который разлетелся на четыре стороны света.

Отец нашего юного охотника тоже когда-то ушел за птицей. Был он не очень-то удачлив и потому все свое охотничье снаряжение взял в долг. Когда стало ясно, что долг этот возвращать некому, кредиторы явились в дом к вдове охотника – в том, что она вдова, никто и не сомневался, – и забрали все, что только могли унести. Остались лишь четыре стены да крыша над головой, и старый нож, который охотник не взял с собой, потому что тот был ржавым.

И еще на руках у вдовы остался маленький ребенок.

Немало невзгод они испытали, пока сын охотника не вырос достаточно, чтобы отправиться в лес. Поначалу он всего лишь мастерил силки и ловил мелких птичек, которых продавал потом на рынке; потом настал черед диких кроликов и животных покрупнее. Время шло, мастерство юного охотника росло – он сумел купить себе новое оружие, хотя и об отцовском ноже не забывал. Настал наконец день, когда он прославился, прикончив хозяйничавшего в лесу вепря, который не давал покоя никому, и все заговорили, что появился новый мастер охотничьего дела. Сам король прислал юноше грамоту с оттиском королевской печати в виде вороньей головы – ведь ворон был в те времена весьма важной птицей – и надписью «Лучшему из лучших». Поглядел молодой охотник на эту грамоту, а потом взял в руки старый нож и сказал своей матери: «Я недостойн зваться лучшим из лучших до тех пор, пока жива тварь, убившая моего отца». И с этими словами он пустился в долгий путь к волшебной горе, где жила огненная птица.

Сначала он шел через густой лес, который постепенно становился все реже и реже, а в конце концов сменился чахлыми зарослями, высотой едва ли по колени. Он не боялся голода, потому что в любой момент мог поймать хоть кролика, хоть белку, однако вблизи от горы дичи было очень мало: животные словно боялись приближаться к владениям Птицы, да и воды стало не хватать – ни рек, ни озер, и даже ручьи встречались все реже и реже. Охотник, однако, был преисполнен решимости. Он настрелял дичи про запас и все шел и шел вперед, не боясь ни воцарившейся вокруг тишины, ни черного пепла, покрывавшего дорогу и кустарник, ни огненных сполохов, что каждую ночь виднелись на вершине горы.

Почти у самого ее подножия ему стали попадаться останки тех, кто пришел сюда за Птицей. Голые кости, обожженные и потрескавшиеся, и черепа, глядевшие пустыми глазницами. Они словно заклинали его: «Уходи! Ни шагу дальше! Тебя ждет смерть!» Но молодой охотник по-прежнему шел вперед. Он подумывал задержаться и предать земле своих незадачливых предшественников, однако решил, что может сделать это и на обратном пути.

Склоны горы были черны неспроста: ноги охотника скользили на камнях, покрытых слоем жирной сажи. Он устал за время долгого пути, его начали мучить голод и жажда. Однако его воля была по-прежнему сильна, и лишь она позволила ему идти дальше, не испугавшись ни полосы удушливого дыма, ни череды провалов, на дне которых плескалось жидкое пламя, ни голосов, которые умоляли его повернуть назад.

Усомнился он лишь один раз, когда из дымного облака вдруг вышел высокий человек в одежде охотника, седоволосый и со шрамом в форме полумесяца на правой щеке. Об этом шраме мать как-то обмолвилась, что не было и нет на свете луны прекрасней. Так юноша впервые увидел своего отца, за чью память пришел отомстить, и на мгновение ему стало страшно.

«Ты вырос смелым и дерзким, – сказал призрак. – Я горжусь тобой. Но этой птице не суждено пасть от руки смертного – у нее другая судьба. Не касайся этой судьбы, иначе она станет и твоей!»

«Я принял решение, – ответил юноша, – и не изменю его. А ты лишь дух, который принял облик моего отца, чтобы смутить меня. Исчезни и больше никогда не появляйся!»

«Если бы я был духом, подосланным птицей, – сказал призрак, смеясь, – я не стал бы с тобой разговаривать, а невидимкой влился бы в твои ноздри, чтобы тело твое наполнилось свинцом, чтобы разум твой затуманился, а сам ты остался здесь навсегда, как я и еще много неудачников. Оглянись! Ты видишь вокруг себя целую армию тех, кому не давала покоя огненная тень в небесах! Ты молод, силен и талантлив, тебя ждет долгая жизнь, и, наверное, где-то сейчас тоскует и плачет не только твоя мать, но и та, чье имя ты еще не знаешь. Ты хочешь его узнать? Тогда уходи, пока не поздно!»

«Я хотел отомстить за тебя, – проговорил юноша, качая головой. – Я хотел...»

«Ты лишь хотел доказать всем, какой ты умелый охотник, – перебил его призрак. – Ты хотел поймать то, чему не суждено быть пойманным. Огонь вечен, пока горит; нет такой клетки, что смогла бы удержать пламя, которое полыхало еще до начала всего и будет яриться, когда ничего уже не останется. Если ты сейчас в третий раз откажешься следовать моему совету, я уйду и не потревожу тебя больше, но знай – тогда ты погубишь себя навеки».

Юноша взгляделся в лицо привидения и понял, что оно говорит правду. Хотя черты его расплывались и сквозь них виднелись жутковатые черные склоны волшебной горы, хотя голос его напоминал дыхание ветра, что-то знакомое и близкое виднелось в потустороннем блеске глаз, в горькой полуулыбке, кривившей губы. Это и в самом деле был его отец, и все, что он говорил, было правдой.

«Прости, – сказал юноша, – но я ничего не могу с собой поделать».

«Значит, ты проклят, – прошептал призрак, медленно растворяясь в туманной мгле. – Знай – духи говорят, что Птица тоже проклята и обречена все время возвращаться на эту гору, пока не найдется место, которое больше целого мира, и туда она сразу же уйдет. Говорят, оно существует, но укрыто так надежно, что Птице никогда его не отыскать, если кто-то не укажет ей дорогу и не откроет дверь...»

И с этими словами он исчез навсегда.

Юноша отправился дальше, и я, пожалуй, не буду рассказывать о том, какие еще испытания ждали его на пути к вершине горы, достигавшей Крыши мира. Достаточно лишь знать, что путь этот занял три месяца, и к тому моменту, когда все опасности остались позади, молодой охотник сделался похож на обгорелую щепку – такой он стал черный и худой. Но ярче прежнего горела в нем жажда запретного, и о Птице он теперь мечтал каждую секунду своего бытия.

Между тем у Крыши мира вместо пепла и сажки были цветы и трава. Охотник приободрился и направился вперед, к своей цели... однако измученное тело напомнило ему, что не мешало бы хоть как-то утолить голод, раз уж окрестности стали куда приветливее и нет больше нужды сражаться за жизнь каждую секунду.

И вот он увидел ручей, на берегу которого рос высокий тростник. Чутье подсказало охотнику, что в тростниковых зарослях есть чем поживиться, и он, как следует их изучив, обнаружил гнездо какой-то птицы, в котором лежали три пестрых яйца. Поскольку вокруг не было видно ни следа иной живности, юноша, недолго думая, забрал все три яйца и, отыскав поблизости подходящее место, развел костер. Он испек добычу на углях, после чего съел все вместе с тонкой скорлупой и устроился на ночлег.

Но долго спать ему не пришлось. Едва стемнело, среди звезд появилась красная искра, которая делалась все ярче и ярче, пока не стала огромным огненным шаром. Вновь сделалось светло как днем, и очень-очень жарко. Юноша смотрел, объятый страхом, как с неба спускается Птица – та самая, за которой он пришел, и была она даже прекрасней, чем ему виделось в мечтах. Жар становился все сильнее, и молодой охотник понял: Птица испепелит его до того, как он успеет натянуть тетиву или хотя бы приблизиться к ней на расстояние удара. Ему было все равно. Он стоял и смотрел точно замороженный, сжимая в одной руке лук, а в другой – старый отцовский нож.

«Неразумный! – закричала Птица, и от ее крика у охотника потекла кровь из ушей, но он продолжал слышать голос Птицы внутри своей головы. – Ты пробрался в мой дом, ты принес оружие! И ты, самый гнусный из всех воров и убийц, что приходили сюда, уничтожил моих нерожденных детей!»

Птица взмахнула крыльями – и стали они так огромны, что закрыли все небо.

«Лишь один раз в сто лет дозволено мне продолжить свой род. Ты явился сюда за день до того, как мои дети должны были появиться на свет, и сожрал их, точно глупый ненасытный зверь. Их души плачут и просят меня о возмездии!»

Глаза у Птицы сделались яркими, точно два солнца, и юноша ослеп.

«Я сожгу весь род людской из-за того, что сделал ты!»

Лишь одно мгновение понадобилось молодому охотнику, чтобы вспомнить всех людей, с которыми он встречался за свою недолгую жизнь, и все места, в которых он бывал и о которых только слышал. Он вспомнил свою мать, а также ту, чьего имени так и не спросил, зато знал, что у нее голубые глаза, ямочка на подбородке и нежный голос. Он даже вспомнил короля, отправившего ловкому охотнику грамоту с надписью: «Лучший из лучших». Весь мир теперь сгорит, понял он, весь мир превратится в пепел из-за того, что один человек не смог справиться с голодом.

«Скажи мне, Птица, – крикнул он, стоя посреди ревущего огненного урагана, – правду ли говорят, что, если найдется место, которое больше целого мира, ты уйдешь туда и покинешь эту гору навсегда?»

«Да, – ответила Птица. – Только это не спасет тебя, неразумная тварь, потому что такого места нет ни в этом мире, ни в других, а если бы оно и было, ты сам никогда не сумел бы его отыскать».

Ошибаешься, мог бы сказать ей юноша, но он лишь улыбнулся и, подняв руку с зажатым в ней отцовским ножом, вонзил его себе в грудь, одним ударом взломав реберную клетку и обнажив свое живое бьющееся сердце. Человеческое сердце, в котором есть место для всего – для добра и зла, для любви и ненависти, для сбывшегося и несбыточного.

Птица там тоже поместилась – и с той поры он носит ее с собой.

Фейра замолчал. Он сидел в напряженной позе, положив руки на колени. Очарованные морем тоже молчали. Они ждут, понял Сандер. Ждут доказательства, обещанного Кристобелем.

По лицу магуса пробежала судорога. Кривые пальцы с черными когтями сжались в кулаки, голова и плечи магуса окутались красноватым свечением.

Он закрыл глаза...

И на долю секунды, на краткий миг, за его спиной появилась необыкновенно четкая огненная птица с огромными черно-алыми крыльями, длинным изогнутым клювом и удлиненными глазами, полными нездешнего яростного пламени. Сандер видел Феникса и раньше, но еще ни разу не смог разглядеть его в таких подробностях. Когда удивительное видение погасло, темнота вокруг сделалась еще более густой и зловещей, чем раньше.

– Уходи... – глухо проговорил невидимый Немо Гансель, и впервые Сандер расслышал в его голосе боль. Он испугался, подумав, что король Талассы вряд ли хотел именно такой платы за услуги корабеля, но потом увидел лицо Фейры – усталое, спокойное... удовлетворенное.

Все шло так, как хотел капитан.

Только вот чего же он на самом деле хотел?

Они выбрались из трюма «Лентяйки» и остановились, чтобы перевести дух. Фейра вдруг зашатался, и Хагену пришлось подставить капитану плечо, чтобы тот не упал у всех на глазах.

– Это было тяжелее, чем я думал... – тихо проговорил Фейра и посмотрел на свои руки. Медленно сжал и разжал пальцы, стиснул зубы от боли. – Но, кажется, все получилось.

– Ты выглядел впечатляюще, – сказал Хаген. – Полагаю, теперь никто не будет болтать о том, что в Талассу явился искалеченный и ни на что не способный феникс.

Фейра добродушно рассмеялся.

– Джа-Джинни стоит поучиться у тебя сарказму. Или, наоборот, это он тебя научил? Так или иначе, вы все – и ты, Хаген, и ты, Сандер, и Эсме, и Немо Гансель – вообще все – совершаете одну и ту же ошибку. Вам кажется, что с шаркатом должен справиться я один, и тогда, конечно, вполне закономерным выглядит предположение, что у меня ничего не выйдет. – Он помахал рукой с кривыми пальцами. – Но дело в том, что это не моя история. Точнее, не совсем моя.

– А чья же она? – удивился пересмешник.

– Возвращайся на «Невесту ветра», – сказал феникс, сделав вид, будто не услышал вопроса. – Скажи им, что все в порядке. Наш маленький принц уже вернулся – можешь раз-узнать, что с ним делала Марис Гансель все это время, и, если он будет говорить, что ему не понравилось, не верь... – Он с улыбкой похлопал Хагена по плечу и повернулся к Сандеру: – А мы с тобой немного прогуляемся.

– Зачем? – растерянно спросил тот. Было уже совсем поздно; если бы Фейра решил напиться в трактире, для этого лучше сгодилась бы другая компания, но что еще могло ему понадобиться в Талассе ночью?

– Не «зачем», а «куда». К докам. – Магус помедлил. – Я кое-что для тебя раздобыл, но отдам только при условии, что ты выполнишь еще одну просьбу.

Сандер кивнул, заинтригованный, и они, расставшись с Хагеном, отправились туда, где ему уже довелось побывать утром. Дорога вспомнилась легко, и на этот раз можно было не торопиться, потому что Фейра все еще не пришел в себя после призыва Огненной птицы и двигался очень медленно.

Ночью доки выглядели зловеще. Здесь на большей части палуб царил мертвая тишина и не было видно жаровен, у которых бы кто-нибудь грелся; эти фрегаты, раненые и больные, нарочно оставили в покое, чтобы они могли восстанавливаться, не отвлекаясь на людей. Кое-где, впрочем, виднелись редкие признаки жизни – навигаторы, как водится, были рядом со своими кораблями в самый трудный час. Но тот фрегат, к которому пришли они с Фейрой, покинули все.

Причем покинули давно.

– «Чокнутая»? – Сандер невольно отступил на шаг назад от борта, к которому крепились туго натянутые цепи. Серый фрегат размытым пятном маячил на расстоянии полукорпуса. – Зачем она вам, капитан?

– Не мне, – сказал Фейра. – Нам.

Он сунул руку за пазуху, вытащил что-то и протянул Сандеру. Тот был не в силах оторвать взгляд от безумного корабля и не сразу понял, что именно дает ему капитан, а когда понял, растерялся еще сильнее, потому что даже не надеялся получить эту вещь так скоро.

– Возьми! – Фейра нетерпеливо сунул сирринг ему прямо в руки. – Я знаю, как тебе его не хватало все эти долгие недели. Только не спрашивай, где я его взял; он теперь твой. И мне нужно, чтобы ты сейчас внимательно послушал ее... чтобы ты запомнил ее ~песню~.

Сандер вздрогнул. Он давным-давно понял, что капитан все знает о его особом таланте, однако еще ни разу феникс не говорил об этом вслух. Даже когда они выбрались из пролива Сирен лишь благодаря тому, что Сандер сумел усилить ~песню~ «Невесты ветра», заглушив то, что пели древние твари, – даже тогда Фейра ничего не стал уточнять, а просто поблагодарил его за помощь.

Но теперь все изменилось.

– Зачем? – тихо спросил он, глядя фениксу прямо в глаза.

– «Нужно больше доверять капитану», – с кривой улыбкой процитировал Фейра, и Сандер покраснел. – Все будет хорошо, просто *запомни* ее.

– Запомни и повтори~.

Он кивнул и закрыл глаза. Феникс явно задумал что-то очень опасное, и еще он совершенно точно знал больше, чем говорил; ну и пусть. В конце концов, прошло уже немало лет с того дня, когда едва не погиб один безымянный матрос. Он был благодарен за каждый подаренный день, за каждый миг, и всегда знал, что однажды за это придется заплатить.

Нет, феникс спас его не потому, что рассчитывал на плату. Он просто поступил справедливо.

И Сандер не мог поступить иначе.

От ~песни~ безумного корабля у Сандера вновь участился пульс, а потом все прочие звуки, запахи – все чувства – весь окружающий мир – все растаяло в густом тумане. Диковатая мелодия вилась вокруг музыканта, кусала себя за хвост, выворачивалась наизнанку, ни на миг не умолкая. Он бесстрашно отбросил все страхи и сомнения: чтобы по-настоящему услышать и понять, о чем ~поет~ фрегат, нужно забыть о самом себе, раствориться в ~песне~, а навигаторы на такое не способны – ведь они тоже все время ~поют~, хотя сами об этом и не догадываются.

Но Сандер – он это ощущал, хотя не мог знать наверняка, – был пуст. Его заполняла тишина, и лишь благодаря этой тишине он слышал так много разных ~песен~.

Из тумана прямо на него выплыла... «Чокнутая»? Нет, этот фрегат выглядел совсем иначе. Он был серым, но не тускло-серым, цвета пепла или пыли, а серебристым, блистающим. Он был великолепен от киля до верхушки средней мачты: броневые пластины, шипы и абордажные крючья сверкали, словно отполированный металл, на раскрытых парусах не виделось ни единого пятнышка, ни единой заплатки или шва. Идеально чистая палуба пустовала, но Сандер чувствовал, что фрегат вовсе не покинут людьми или магами. Кто-то был на его борту. Кто-то прятался в трюме.

В ~песне~ серебристого корабля появился ритм, который становился все проще и проще, пока не превратился в гул, похожий на биение громадного сердца. Восхищение совершенством форм схлынуло – взамен пришел даже не страх, а холодный ужас. Фрегат надвигался, и его корпус постепенно делался прозрачным, будто металл превращался в чистейшее бесцветное стекло. Кубрик... камбуз... каюты... трюмы... – везде царил все тот же невероятный порядок и везде было пусто, словно команда исчезла лишь мгновение назад, закончив грандиозную уборку. Только одно место по-прежнему оставалось скрытым от взгляда Сандера – самое неприятное и одновременно самое безопасное на любом рыбкорабле.

Там, в брюхе, пряталось что-то странное. Он чувствовал, что это не человек, не магус, не крылан и не гроган – и все-таки существо, совершенно точно разумное. Оно спало и видело сны о море и рыбах, отчасти подобные тем снам, которые иногда видели фрегаты, с одним лишь отличием.

В его снах было очень-очень много~~~~~

*Крики в темноте.
Шорох. Шорох. Шо-*

Оплеуха, которая привела Сандера в чувство, явно была не первой. Он упал на колени, уронил сирринг и на некоторое время сосредоточился на очень сложной задаче: заново научиться дышать. В груди у него что-то хлюпало и клокотало, в глазах потемнело, а шею свело так, что мышцы и сухожилия едва не полопались. Когда Сандер наконец-то смог вдохнуть и выдохнуть – горло болело, словно перед этим он глотнул кипятка, – оказалось, что «Чокнутая» светится. Верхушки ее мачт и концы рей озарились призрачным сиянием, а кормовой фонарь полыхал так ярко, словно превратился в маленькую белую звезду.

– Заступница, я никогда в жизни не видел ничего подобного... – прохрипел Сандер. – Не видел и не слышал... С ней случилось что-то очень страшное, и ее разум сломался – разбился на тысячи осколков. То место, где она застряла... не думаю, что оттуда можно вернуться.

Фейра кивнул, словно именно это и ожидал услышать.

– Ты сделал то, о чем я тебя просил?

Сандер шмыгнул носом, тыльной стороной ладони вытер лоб, и что-то на руке оцарапало кожу – от пота царапины тотчас же начало щипать. Он покопался в памяти и обнаружил безумную ~песню~ там, где ей и следовало быть, – среди всех прочих ~песен~, которые ему довелось услышать на протяжении своей второй жизни. Теперь ее оттуда не выбросить, не вырвать клещами. Теперь она будет с ним всегда.

– Да, – глухо пробормотал он.

– Очень хорошо, – просто сказал Фейра и протянул своему матросу руку, чтобы помочь подняться. Сандер чуть помедлил перед тем, как принять помощь, и феникс нахмурился.

«Я бы так не смог...» – подумал матрос.

– Надо уходить, пока никто не заметил, что с ней произошло.

«С ней. Ну конечно».

Вслух он ничего не сказал.

Когда они уходили, Сандер успел не меньше пяти раз оглянуться и посмотреть на озаренный бледными огнями фрегат – тот странным образом вызывал в нем не только боязливую жалость, но и восхищение, которого иной раз удостаиваются смельчаки, отправившиеся в далекие и необычайно опасные края, откуда еще никто не возвращался.

Утром он нашел удобное местечко на палубе и начал играть.

Хотя все знали, что его сирринг потерялся в Облачном городе, когда цепные акулы крушили все подряд, уделяя особое внимание вещам, которые явно были дороги матросам «Невесты ветра», поначалу никто не обратил внимания на происходящее. Он этому не удивился. Так было раньше – все привыкли к его музыке, потому что он почти всегда играл ту же самую мелодию, что и без его помощи звучала у каждого в голове. Он играл ~песню~ «Невесты ветра», и его самым благодарным слушателем был фрегат.

Но на этот раз ~песня~ изменилась.

Первой – не считая, конечно, самого Фейры, который все слышал, хотя и продолжал сидеть в своей каюте, – неладное почувствовала Эсме. Целительница устроилась неподалеку от Сандера и, слушая его музыку, сначала задумчиво обхватила рукой подбородок, а потом нахмурилась. Сандер подавил муки совести: Фейра взял с него слово ни о чем никому не говорить и столько раз повторил «все будет хорошо», что мысли об обратном напрашивались сами собой. Замысел, детали которого феникс не счел нужным прояснять, постепенно вырисовывался перед Сандером, заставляя его дрожать от страха. Он и сам не понимал, отчего делает все, о чем попросил капитан, и не пытается идти наперекор его воле. Феникс – не цапля, сильного слова не знает...

На палубу поднялись, рука об руку, Ризель и Амари.

– Искусай меня медуза... – пробормотал принц, морщась и потирая лоб. – Сандер, ты не мог бы сыграть что-то другое? У меня от твоей... музыки раскалывается голова.

А вот это было странно. Он и впрямь невольно опустил сирринг. Амари не мог почувствовать ничего особенного, потому что больше не был матросом «Невесты ветра», и, разумеется, потому, что не обладал тем же даром, что и Сандер, – ~песен~ он не слышал. Впрочем, не стоило забывать, что в жилах принца текла и соловьиная кровь. Может, она как-то сказывалась, пусть он и потерял голос?

Как же мало Сандер знал о том, что составляло столь важную часть его жизни...

– Играй, – сказала Эсме. – Мне тоже не очень-то нравится эта мелодия, но я так давно не слышала, как ты играешь, что могу немного потерпеть.

Он промямлил что-то про короткую передышку, но почти сразу заиграл вновь, выбрав первый попавшийся веселый мотив. Последствия его внезапного бунтарства оказались вполне закономерными, хотя сам он был ими обескуражен: спустя совсем немного времени на палубе начал собираться народ. Матросы слушали его с радостными светлыми лицами, словно для того, чтобы вспомнить былые деньки, им только музыки и не хватало. «Так не должно было быть, – подумал Сандер в смятении. – Их не должно здесь быть, когда все начнется...»

Фейра вышел последним, щурясь от яркого солнца, и посмотрел музыканту прямо в глаза, как бы говоря: «А ты сомневался, что все будет хорошо?» Впрочем, его ухмылка казалась скорее язвительной, чем добродушной.

Словно для того, чтобы усилить тревогу Сандера, кто-то начал петь и ногой отбивать ритм; остальные подхватили, и музыканту пришлось повторить эту мелодию еще дважды. Звуки веселья, донесшиеся сверху, с борта «Лентяйки», стали последней каплей: он замахал руками и заявил, что хочет отдышаться. Ему со смехом это позволили.

– Ты можешь сыграть еще раз тот, первый мотив? – вдруг спросила Ризель, и Сандер похолодел. Она неправильно истолковала выражение его лица и поспешно прибавила: – Я не приказываю, я просто...

– Да-да, ваше высочество! – торопливо сказал он и, бросив короткий взгляд на капитана, приложил к губам сирринг.

Фейра подошел ближе и встал спиной к правому борту, оказавшись рядом с Ризель и почти что лицом к лицу с Эсме. Впрочем, целительница на него не смотрела.

– Как странно... – тихонько проговорила Ризель. Наверное, «Невеста ветра» вместе с Фейрой направляли ее слова прямо в уши Сандеру, потому что он не должен был слышать ничего, кроме своей музыки. Кроме причудливой зловещей ~песни~. – Эта мелодия напоминает мне о тех временах, которые хотелось бы забыть, но я испытываю при этом лишь светлую печаль.

– О чем же вы вспоминаете, ваше высочество? – спросил Фейра.

– О том, кто сделал мне больно, – с кривой улыбкой ответила принцесса. – Он был старше и сильнее, он знал сильное слово, от которого я мгновенно теряла волю. Я делала все, что он приказывал, а все восхищались тем, как сильно я его люблю.

Амари сначала уставился на сестру круглыми от изумления глазами – лицо Ризель приобрело очень странное выражение, она глядела в пустоту и явно не понимала, что именно рассказывает и кому, – а потом посмотрел на капитана, взглядом умоляя, чтобы тот заставил ее замолчать хотя бы из приличия. Фейра, однако, этого не заметил или не пожелал заметить. Он не отрывал взгляда от Ризель.

– Однажды я восстала, – продолжала тем временем принцесса. – Я придумала хитрый способ, позволяющий обойти сильное слово, – для этого всего лишь нужно было заручиться помощью тех, на кого он не обращал внимания, считая их никчемными букашками. Я заставила каждую такую букашку поверить, что она – грозный шершень. О, им всем оторвали кры-

ля из-за меня, а кое-кому – и голову... Больше десяти лет прошло, а я все еще помню, как он смеялся, когда все раскрылось. Я сама была для него... – Ее ладони на секунду взметнулись, будто изображая крылья. – Бабочкой. Мотыльком. Он считал, кажется, что бережет меня от огня.

Сандер прекратил играть и тотчас же понял: поздно.

– И чем же все закончилось? – спросила Эсме, глядя на принцессу.

– Мне оставалось терпеть еще два года, – сказала Ризель, и лишь теперь они поняли, о ком она говорит. Амари спрятал лицо в ладонях, и даже Фейра слегка побледнел. – Два года, на протяжении которых все постепенно осознали, что цапля, у которой почти каждое слово – сильное, это не цапля, а совсем другая птица. Невероятно, но факт – такие кукушки тоже бывают. Принято считать, что где-то неподалеку отсюда он погиб... точнее, пропал без вести. Но в моей памяти есть дыра, которую невозможно восстановить. – Она немного помолчала. – Кажется, я не хочу знать, что на самом деле мой отец сделал с моим старшим братом.

– Я не знал... – прошептал Амари.

Принцесса обняла брата, прижала к себе.

– Тебе было всего пять лет, когда он... ушел. Ты видел немного, а что видел – то забыл, как забывают детские ночные кошмары. Я, признаться, и сама не понимаю, что на меня нашло. Тибурон встал перед глазами как живой... Он и его фрегат – «Серебряная роза».

Сандер вздрогнул. Имя фрегата странным образом было ему знакомо, хотя он мог поклясться, что слышит его впервые. ~Серебряная роза~. На мгновение все вокруг застыло и превратилось в ослепительно сияющий металл, а потом он вспомнил то, что видел прошлым вечером, – выплывающий из тумана фрегат, пустой и зловещий, серебристо-серый...

«В моей памяти есть дыра, которую невозможно восстановить».

Он посмотрел на Фейру, но феникс по-прежнему не отрывал взгляда от Ризель, словно позабыв, что находится не наедине с принцессой. По лицу капитана «Невесты ветра» невозможно было сказать, что он думал о тайне, которую они... нет, не открыли, а потревожили. Сандер столкнулся то ли с немислимим совпадением, то ли с плодом размышлений и аккуратных, почти незаметных действий изощренного ума, но все явственнее ощущал, что именно второе предположение справедливо. Случайности в происходящем было ровно столько же, сколько в движении волн и ветра перед самым началом шторма.

– А что-нибудь повеселее ты можешь сыграть? – раздалось сверху. Сандер поднял голову и увидел, что Марис Гансель с интересом глядит на него – на всех, кто сидел и стоял рядом, – перегнувшись через борт «Лентяйки». Амари утром успел рассказать ему совсем немного о том, что они с мастером-корабелом делали накануне. Юноша краснел и запинаясь, и Сандер понял, что очарованная изучила его полностью, не оставив даже малейшего шанса на тайны, какими бы те ни были. Все это, однако, пока что не принесло никаких результатов, не считая того, что Амари впервые за неполные две недели пришлось *будить*. – Грусть, знаешь ли, действует на мой народ особым образом... – продолжила Марис. – Полагаю, ты не хочешь, чтобы по твоей милости команды двух-трех ближайших фрегатов в полном составе сиганули за борт.

Сандер от ее прямолинейности приоткрыл рот и чуть не выронил сирринг. Кто-то засмеялся. Фейра небрежно проговорил:

– Она шутит.

Однако, когда Марис быстро спустилась на палубу «Невесты ветра», ее лицо было вполне серьезным, а морщины в уголках глаз выдавали напряжение.

– Мы любим музыку, – сказала она, окинув взглядом собравшихся. – Но не любую. То, что я сейчас услышала, мне не понравилось... и особенно мне не понравилось то, что я догадываюсь, где вы подцепили эту гадость. Не боишься, что твой фрегат тоже сойдет с ума, Фейра?

– Вы зря назвали ее «Чокнутой». Она вовсе не безумна, и ты это сама знаешь, раз до сих пор с ней возишься.

– А что еще мне поделывать? – Марис развела руками. – Превратить ее в трупод?

– Отпустить? – тихо предположил Сандер и удостоился сердитой усмешки.

– Я знаю, вам сказали, что мы нашли ее и силой присоединили к Талассе, – один пусто-головой крабнид пустил этот слух... На самом-то деле она нас нашла. Она тащила за нами несколько дней, никого не подпуская к себе, но всякий раз возвращаясь, как только мы переставали ее ловить. Так ведет себя любой зверь, когда чувствует, что не выживет один. Если я ее отпущу, все начнется заново.

– Я к этому и веду, – сказал Фейра примирительным тоном. – Ты заботишься о ней, потому что надеешься вылечить и восстановить. Только вот, боюсь, это невозможно.

– Да? – Марис приподняла брови. – Это почему же?

Фейра ответил, но Сандер не услышал ни единого слова, потому что...

Все вокруг превратилось в сверкающий металл.

Люди и магусы застыли, обернувшись статуями, Джа- Джинни завис в воздухе, а снасти «Лентяйки» загудели точно струны. ~Песня~ «Чокнутой» заполнила разум Сандера, и под звуки этой песни над левым бортом «Невесты ветра» поднялась морда огромной твари.

– Иди ко мне.~

Пасть шарката была водокрутом из зубов. Он словно становился больше с каждой секундой – и мир погрузился в тишину, потому что звуки первыми канули в смертоносную бездну. Сандер лишь мельком успел заметить пылающие ненавистью красные глаза, шрамы на серебристой коже, вздыбленный спинной плавник – все его внимание заняли зубы, зубы, зубы. Он сделал шаг вперед, потом еще один. Ноги сами несли его к смерти, и казалось, что через секунду он полетит.

Он испугался, но не боли и смерти, а того, что умрет в тишине.

Он всегда боялся тишины.

– ...Берегитесь!!!

Мощный удар отшвырнул Сандера в сторону, и он, провалившись в открытый люк, пересчитал спиной и затылком все ступеньки, даже не пытаясь защитить от ударов голову, – его пальцы по-прежнему сжимали сирринг. Несколько драгоценных секунд он потратил, чтобы вспомнить, чем верх отличается от низа, и встать, держась одной рукой за стену, а потом со всей возможной скоростью вскарабкался по трапу обратно.

На палубе бушевал вихрь. Хлопали и рвались незакрепленные паруса, мачты дрожали от напряжения, что-то кувырком понеслось к левому борту и там исчезло между разинутых челюстей громадного чудовища. Шаркат необъяснимым образом поднимался над краем борта – спустя всего лишь мгновение Сандер увидел его брюхо и понял, что сейчас на «Невесте ветра» повторится то, что случилось вчера с «Дочерью Солнца»: они потеряют мачту, а то и две, но, самое главное, они потеряют людей. Он вспомнил кровавые пятна на палубе, вспомнил горькие слова Карата: «Передай своему капитану, что он дурак».

Нет, это он дурак, Сандер.

А Фейра – просто безумец.

Прикусив кулак от бессилия (что он мог сделать? Лишь сыграть еще раз ~песню~ «Серебряной розы», чтобы тот, кто когда-то был ее навигатором и пришел на зов, быстрее сделал свое дело...), Сандер продолжил смотреть, как шаркат разоряет «Невесту ветра». Теперь в его ушах звучала ее собственная ~песня~, заглушая все прочие звуки, и поэтому он не услышал, что именно прокричал Фейра, шагая навстречу зубастой пасти.

Но зато он увидел, что сделала Ризель.

Принцесса, до сих пор цеплявшаяся за правый борт вместе с Амари, Марис Гансель и несколькими матросами, – Сандер вздрогнул, осознав, что Эсме нигде не видно, но тотчас же

забыл обо всем, – принцесса встала и шагнула следом за Фейрой, вскинув правую руку. Ее губы шевельнулись, произнеся какое-то слово – всего одно слово, – и в ту же секунду шаркат начал подниматься так быстро, словно его плавники превратились в крылья. Он рванулся, пытаясь выбраться из невидимых сетей, которые неумолимо отдаляли его от воды, взмахнул огромным хвостом и задел мачту – она затрещала, но выдержала, зато парус превратился в лохмотья. Но странные сети держали крепко, и тварь продолжала подниматься; поравнявшись с верхушками мачт «Невесты ветра», она издала рев, который Сандер услышал не ушами, а всем телом.

А потом шаркат вспыхнул и исчез.

Это было совсем непохоже на предыдущие случаи, когда Фейра призывал свое необычное пламя; даже в тот день, когда они сразились с глубинным ужасом, он действовал иначе. Раньше Сандер видел искры и разгорающийся огонь, а теперь пришло время настоящего жара. Шаркат сначала стал солнцем, а через мгновение – пеплом, и этот пепел запорошил все вокруг, так что «Невеста ветра» ненадолго сделалась серой – такой же, как «Чокнутая».

В наступившей тишине голос Фейры прозвучал очень четко и громко.

– Отпусти ее, – сказал он, обращаясь к Марис Гансель, но глядя не на нее, а туда, где еще несколько секунд назад был шаркат. – Теперь все пойдет своим чередом: она сможет превратиться в кархадона. Больше никаких мучений.

Марис кивнула.

Сандер без сил сполз по трапу вниз и спрятался там же, где всегда.

В ~песне~.

В большой капитанской каюте, по-прежнему пустой, было слишком много места для двоих, и все-таки они держались так далеко друг от друга, как только могли: Фейра стоял у окна, а Джа-Джинни – у двери, почти что на пороге. Разговор, начавшийся некоторое время назад, увяз на той стадии, которая предполагала переход к взаимным обвинениям.

– Позволь еще раз уточнить: ты заранее знал, что произойдет? – с каменным лицом поинтересовался Джа-Джинни. Он даже бровью не повел, когда Фейра кивнул. – К твоему сведению, если бы я не схватил Эсме и не взлетел вместе с ней, она бы погибла.

– Я допускал, что кто-то может погибнуть, – спокойно ответил феникс.

Крылан сжал кулаки, шагнул к капитану, но сразу же опомнился.

– Что же с тобой случилось, Кристоаль? – спросил он с горечью. – В кого ты превратился?

Фейра обернулся к своему помощнику:

– По-твоему, я сейчас веду себя не так, как раньше?

– Да. Ты ведешь себя не так. Кристоаль, которого я знаю, никогда не придумал бы план, из-за которого значительная часть команды могла бы погибнуть. Он бы не стал умышленно калечить свой фрегат. Он бы не рискнул жизнью той, кого любит... – Тут крылан осекся и, скривившись от внезапного жуткого свиста, прижал ладони к ушам. – Хватит уже врать самому себе! Ты загнал всех нас в тупик, так пойми же наконец, что выход позади, а не впереди!

– Позади – это в Облачной цитадели? – с иронией спросил Фейра. – В Эверре? В Кааме? На острове Зеленого великана?

– В Тейравене! – рявкнул крылан, уже не пытаясь скрыть ярость и гнев. – Там, где все началось!

По лицу феникса пробежала тень.

– Ты можешь только догадываться, что и когда началось в Тейравене, – проговорил он тихим голосом, в котором явственно звучала угроза. – И ты слишком плохо меня знаешь, если думаешь, что я способен повернуть назад.

– Я помню, – сказал крылан после короткой паузы. – Позади только пепел. Но, видишь ли, Кристоаль, впереди теперь то же самое. И мне жаль, что ты сам этого не понимаешь.

* * *

Когда упали цепи, а стоявшие поблизости фрегаты начали расступаться, на всякий случай освобождая дорогу до самого открытого моря, «Серебряная роза» стала беспокойно танцевать на волнах, то раскрывая, то складывая паруса. Амари наблюдал за ней с борта «Болтуньи», краем уха слушая, как очарованные, собирая уже ненужные цепи, рассказывают друг другу, что еще утром рядом с этим фрегатом невозможно было находиться, потому что «в голову лезла всякая дрянь». Теперь «Роза» в этом смысле ничем не отличалась от других кораблей.

Он закрыл глаза.

Где-то далеко по палубе «Невесты ветра» сновали матросы, в чьем распоряжении наконец-то появились необходимые инструменты. Они укрепляли треснувшие реи, натягивали снасти, латали дыры в зеленых парусах. Будь он, как раньше, юнгой, то и на расстоянии чувствовал бы все не хуже, чем непосредственный свидетель, но теперь приходилось во всем полагаться на воображение, потому что его собственный фрегат по-прежнему держался в стороне от Талассы, не позволяя себя приручить.

Самое страшное было позади. Они победили. Шаркат стал пеплом, а пепел сдуло ветром, и уже совсем скоро чудовище из глубин Моря Обездоленных, полгода преследовавшее Талассу, должно было превратиться в страшную сказку.

Отчего же Амари чувствовал себя так, будто тонул в холодной мутной воде?..

– «Серебряная роза», – прошептала Марис Гансель и покачала головой, словно до сих пор с трудом веря в то, что произошло. – Подумать только, все случилось из-за меня. Если бы я не привела ее сюда, если бы я ее не разбудила, никто бы не пострадал. Это я во всем виновата.

– Если уж искать виноватого, – сказал Амари, покосившись на очарованную морем, – то им следует признать моего отца, капитана-императора Аматейна, который... – Он умолк, схватившись рукой за горло, а потом с усилием договорил: – Который избавился от любимого сына, когда тот превратился в серьезную угрозу.

Марис тихонько вздохнула и положила руку ему на плечо.

Они познакомились только вчера, но Амари казалось, что он знает Марис уже сто лет. Она видела его насквозь, и если кому-то и суждено было разгадать загадку «Утренней звезды», то только ей.

– Забудь о нем.

– Как же я могу забыть? – с горечью спросил Амари. – Я ношу его имя.

Рука у него на плече сжалась. Он повернулся к Марис и увидел, что глаза очарованной распахнулись, сделались огромными, а на лице застыло выражение глубокого удивления.

– Имя, – повторила Марис. – Ну конечно же, имя...

«Серебряная роза», почти год называвшаяся «Чокнутой», а до этого много лет лишенная имени, расправила паруса и решительно направилась к открытому морю. Никто не знал, что она будет делать – превратится или отправится на поиски нового навигатора, – но всем стало легче на душе, когда огромный фрегат на прощание ~спел~ о том, что видел перед собой.

О бескрайнем просторе и о свободе.

* * *

– Теперь я знаю, что произошло с моим отцом сорок лет назад, – сказала Ризель, глядя на Фаби. Девушка лежала, укрытая единственным одеялом, которое чудом уцелело в кубрике, забытое кем-то из цепных акул, и выглядела так, словно жизнь покинула ее. – Он надорвался, ломая фениксов одного за другим. Дар не пострадал, но случившееся не могло пройти бес-

следно. Может, он сломал кого-то еще – просто мы все об этом даже не догадываемся. Какой глупостью мне кажется теперь вера в то, что Цапля – самый сильный небесный клан...

Эсме, стоявшая у окна, обняла себя за плечи. Ей было зябко и хотелось согреться, но ларим отказывался выходить из каюты, словно опасаясь, что шаркат вернется. Она и сама осталась бы там, но одиночество пугало еще сильнее.

Все случилось слишком быстро... Джа-Джинни схватил ее и унес в небо за секунду до того, как чудовище поднялось над левым бортом «Невесты ветра», и с высоты происходящее казалось еще кошмарнее: она видела серое тело твари рядом с фрегатом и понимала, что с таким громадным противником «Невеста» не сталкивалась; она видела, что люди на палубе слепо движутся к разверстой пасти, как будто та притягивает их.

А потом Фейра крикнул: «Помоги мне!»

И помощь пришла.

– Как же все запуталось, – сказала Ризель.

Эсме была с ней совершенно согласна. После долгих и унылых дней пути через Море Обездоленных, после напряженного ожидания, пока появится чудовище или пока Немо Гансель передумает и позволит талассийцам помочь команде «Невесты ветра», – внезапное оживление и суэта казались чем-то на грани безумия. С борта «Лентяйки» постоянно спускали все новые и новые тюки с припасами и разным скарбом, причем об этом не пришлось даже просить: очарованные сами несли бочки с соленой рыбой и водорослями, веревки и сети, гвозди и молотки, щетки, тарелки, ложки, одеяла и прочие мелочи, включая и то, о чем никто не вспомнил. Толком не придя в себя после встречи с шаркатом, матросы начали спешно приводить фрегат в порядок, и для каждого нашлось дело, кроме целительницы, принцессы и той пассажирки, что спала жутковатым сном, похожим на смерть.

Ризель коснулась щеки кончиками пальцев и с изумлением уставилась на свою руку. Эсме за миг до этого почувствовала, что принцесса плачет – удивительное дело, она почему-то была уверена, что Белая Цапля не умеет плакать, – и, повинувшись порыву, шагнула к ней, села рядом. Ризель спрятала лицо в ладонях, и спустя мгновение они сидели, обнявшись, словно сестры, и ничто вокруг уже не могло их испугать.

* * *

До вечера Сандер успел переделать множество дел. Он с радостью хватался за все, что ему поручали, чтобы не думать о сиринге, спрятанном за пазухой, и о музыке, которая скрывалась в нем. У него все внутри замирало от страха, что в следующий раз вместо ~песни~ «Невесты ветра» на волю вырвется мотив «Чокнутой» – ему даже в мыслях было непросто называть ее настоящим именем, – и хотя этот мотив теперь никому не навредил бы, потому что жуткий навигатор серебристо-серого корабля умер, Сандер все равно боялся.

Еще он боялся думать о собственной роли в произошедшем. Никто не бросил на него косога взгляда, никому даже в голову не пришло, что шаркат пришел к «Невесте ветра» не случайно. Мало времени, слишком мало! Еще день-другой – и они успокоятся, а потом обязательно поймут, что таких совпадений не бывает. Впрочем, даже тогда его ни в чем не заподозрят. Для них он просто музыкант и друг. Пока еще друг.

Надолго ли?..

Сандер был в трюме, когда что-то дрогнуло в недрах фрегата и тотчас же с палубы донесся чей-то возглас:

– Все сюда! Все скорее сюда! Это надо видеть!

Ноги сами понесли его наверх, как и всех остальных. Этот день и так был переполнен событиями, неужели что-то еще могло случиться? Поначалу Сандер не понял, куда указывает рукой Мани Рыбий Хвост, а когда понял, то потерял дар речи от изумления.

По водам внутреннего моря Талассы неспешно продвигались два фрегата, приближаясь к «Невесте ветра». Оба были ему одновременно знакомы и незнакомы: первый, двухмачтовый, явно талассийский, при свете заходящего солнца казался еще меньше, чем ночью, но безобидным не выглядел. В нем ощущалось что-то непривычное, странное – впрочем, теперь странность легко списывалась на то, что навигатором этого фрегата была женщина.

Второй корабль Сандер видел много раз, но узнал с большим трудом.

– Эльга-Заступница, до чего же она почернела! – прошептал рядом с ним пересмешник. – Меня в дрожь бросает...

«Утренняя звезда» и впрямь стала почти черной, однако это была не тусклая мертвая чернота, свойственная фрегатам, изуродованным по приказу капитана-императора. На ее шипах играли блики солнечного света, паруса казались сотканными из ночи, и ночь – живая мгла – клубилась в ее глазах. Это видели все, но только Сандер слышал ее ~песню~ и понимал, что произошло.

Она обрела целостность. Она стала такой, какой хотела быть.

– Ты не понимаешь, Хаген, – так же тихо ответил Сандер. – Она красивая. Она такая красивая, что сердце замирает.

Пересмешник недоверчиво покачал головой. Фрегаты сблизилась – «Полуночный призрак» отошел в сторону, пропуская «Утреннюю звезду» вперед, и она выдвинула малые крючья. «Невеста» сделала то же самое, и два корабля с глухим стуком соединились бортами так, что люди и магусы могли перебраться туда, где хозяином был уже не Фейра, а Амари.

Молодой навигатор стоял, прислонившись к передней мачте, и устало улыбался. Его тотчас же окружили и засыпали поздравлениями, так что Сандеру пришлось подождать своей очереди. Оказавшись рядом с другом, он не стал ничего говорить – просто не смог открыть рот – и лишь обнял того, с кем они провели так много времени и пережили так много приключений. Впрочем, тот вопрос, что пойманной птицей бился в его разуме, и так успели задать бесчисленное множество раз.

– Как ты это сделал?!

– Все очень просто, – сказал Амари своим негромким хриплым голосом, и все сразу затихли, прислушиваясь. – Марис предложила подыскать ей новое имя, потому что старое, во-первых, ей дал не тот, кто должен был дать... и, во-вторых, оно было связано с тем, что ей хотелось бы забыть. Так что теперь она «Черная звезда». Ничего другого мне в голову не пришло, но ей, как видите, понравилось.

Ей и в самом деле понравилось. Она ~пела~, переполненная силой и жгучим желанием тотчас же отправиться в далекие края. Она была молода и не понимала, что жизнь куда сложнее, чем кажется, что даже на двоих у них с навигатором не так уж много сил; ей казалось, что весь мир перед ними как на ладони. Сандеру смутно припомнилась молодость – его собственная и фрегата, с которым он был связан до «Невесты ветра». С тех пор прошло гораздо больше лет, чем кто-то из его друзей мог бы предположить.

«Как же я тебе завидую, дружище...»

Матросы расступились, пропуская Фейру. Два магуса, два навигатора замерли на небольшом расстоянии друг от друга, а потом одновременно шагнули вперед. Фейра, не сказав ни слова, обнял своего бывшего юнгу, и как-то сразу сделалось заметно, что за последние несколько месяцев тот, кого они звали Кузнечиком, вырос и стал почти такого же роста, как и капитан «Невесты ветра». Теперь в нем что-то неуловимое безошибочно выдавало небесное происхождение – что-то в осанке, в движениях, в интонации. Что-то в нем говорило, что у «Черной звезды» впереди и впрямь немало интересного.

Фейра положил Амари руки на плечи и склонил голову набок, разглядывая своего воспитанника, который чуть покраснел и зажмурился.

– Даже не рассчитывай, что я прямо сейчас отпущу тебя в самостоятельное плавание, – тихо сказал Фейра, но его все услышали. – Тебе достались хорошие учителя – пользуйся, пока можно.

– Я и не думал о другом... – сказал Амари и покраснел сильнее.

Фейра улыбнулся:

– Я завидую Марис. Загадку с именами должен был разрешить я, а не кто-то другой. Но, видимо, я слишком часто их менял и позабыл, насколько они важны.

– Это приятно слышать, – сказала Марис Гансель, приближаясь к ним. Никто, включая Сандера, и не заметил, когда она оказалась на борту «Черной звезды». – Хотя на самом деле моей заслуги в этом нет – просто так сложилось... Ну что ж, капитан Фейра, вы получили все, что хотели. Я полагаю, наши пути скоро разойдутся?

– «Невеста ветра» уходит завтра, – сказал феникс. – А что касается «Черной звезды»... – Он повернулся к Амари и приподнял бровь в ожидании ответа.

– Выбор... – пробормотала Марис, усмехнувшись. – Всегда приходится выбирать...

– Тоже завтра, и туда же, – ответил Амари, промедлив лишь мгновение. Очарованная кивнула, словно и не ждала ничего другого.

Фейра улыбнулся и продолжил:

– Тогда мы на время разделим команду. До Росмера как-нибудь доберемся, а там уже наберем людей...

Он говорил что-то еще, но Сандер уже не слышал. Когда прозвучали слова «разделим команду» – он вздрогнул, как от пощечины, и будто проснулся.

Радостные улыбки были не на всех лицах. Джа-Джинни стоял среди матросов, словно огромный черный утес, и смотрел на Фейру не мигая.

– И кто же перейдет на «Черную звезду»? – спросил он негромко.

– Кто захочет, тот и перейдет, – спокойно ответил капитан «Невесты ветра», словно не замечая в вопросе подвоха. – Думаю, ее высочество уж точно пожелает быть ближе к брату.

– Я говорил не о принцессе, – сказал крылан.

– Кто захочет, тот и перейдет, – повторил Фейра. – И останется... если захочет.

* * *

Когда стемнело, Таласса начала праздновать победу над шаркатом и почти вся команда «Невесты ветра» разбрелась по окрестным кораблям, чтобы впервые за несколько недель как следует отдохнуть. О страхе перед морской болезнью никто уже и не вспоминал.

Сандер был в числе тех немногих, кто остался на борту, однако вовсе не из-за нежелания предаться веселью вместе с остальными – просто Фейра приказал ему никуда не уходить, чтобы позже они вместе отправились с визитом к Немо Ганселю.

Король, однако, не торопился их звать. Сандер любовался ночным Блуждающим городом, машинально поглаживая спрятанный за пазухой сирринг. Музыка на борту «Лентяйки» звучала все громче и громче: она звала, манила, что-то обещала. Если очарованные собрали хотя бы часть шатров, то на просторной палубе пятимачтовой громадины хватит места и для танцев. Он давно не танцевал и не играл для чужаков. Он рвался туда, но не хотел нарушать приказ капитана.

– Эй, человеки! – крикнули сверху. – Не хотите чуток развлечься?

Сандер не обратил бы внимания на это предложение, если бы в тот же момент кто-то не начал играть на сирринге – точнее, попытался играть. Невидимый очарованный явно не умел пользоваться инструментом и даже не понимал, как извлекать звуки из этой странной штуковины.

Он вскочил и в мгновение ока взлетел на палубу «Лентяйки».

Там, в полном соответствии с картиной, которую нарисовало его воображение, пили, пели и танцевали. Молодая очарованная, у которой из густой темно-русой шевелюры выглядывали острые края плавников, предложила кружку батареи, и он без промедления выпил. Голова сделалась пустой и легкой, все тяжелые мысли камнем ушли на дно, и он пустился в пляс. Потом кто-то снова начал терзать сирринг, и Сандер, остановившись, сунул руку за пазуху.

– Ну держитесь! – провозгласил он. – Сейчас я вам задам!

Он приложил сирринг к губам и извлек несколько нот. Где-то в глубине души шевельнулся страх – а вдруг ~песня~ «Серебряной розы» вырвется на волю? На этот раз от нее не было бы никакого вреда, но все-таки ему не хотелось вновь услышать безумный мотив, да еще и в собственном исполнении. Но страх оказался напрасным: мелодия осталась там же, где ей следовало быть. Вместо нее пришла джейга.

Сандер взял бешеный темп. Мелькнула мысль: так нельзя, он выдохнется, он не сможет... Но музыка уже неслась вперед, вынуждая не останавливаться даже на секунду, и в какой-то момент он понял, что происходящее – сон. Этого не могло быть на самом деле. Он никогда бы не осмелился танцевать с очарованными морем, пить с ними, играть для них. Он знал, чем это может закончиться.

– Сандер...~

Джейга вела его за собой. Он играл и приплясывал, а очарованная с гребнями в волосах поцеловала его куда-то в ухо и многозначительно подмигнула, и он подмигнул в ответ. Он стал огромным, как фрегат, и отрастил себе плавники, а музыка была гигантским морским змеем, который, извернувшись, укусил себя за хвост. На танцующих двуногих существ внимательно смотрели другие сущности, куда более древние и могущественные, чем фрегаты, и этим сущностям нравилось то, что они видели.

Еще он вдруг узнал прежнее имя «Лентяйки» и ее точный возраст.

Откуда? Какая разница...

– Сандер, ты меня слышишь?~

Музыка смолкла. Вокруг потемнело. Он утратил собственное тело, превратился в точку посреди пустоты – и перед ним один за другим стали распускаться черные цветы с мерцающими краями. У одного из ближайших цветков листья были поражены какой-то болезнью, похожей на плесень, но от красоты всех остальных захватывало дух.

– Сандер, три гарпуна тебе в корму! Очнись!~

Кто-то взял его за шиворот и встряхнул.

Нет.

Он упал?

Нет-нет.

Он просто застыл как истукан, с сиррингом у губ, а потом бросился в трюм «Лентяйки», потому что там ждали Фейра и Немо и там вот-вот должно было произойти что-то важное.

– ...Когда ты появился здесь в первый раз, я подумал: «Грядут неприятности», – сказал Немо Гансель, по-прежнему скрытый от своих гостей завесой тьмы, с которой не могли справиться три робких фонаря под потолком. – Но мне и в голову не пришло, что эти неприятности обрушатся так быстро... и не на талассийцев, а на тебя самого, Фейра. Как ты себя чувствуешь?

– Я в полном порядке, – заверил очарованного феникс.

– Но твой фрегат поврежден. Ты же...

– Когда-то я пережил прямое попадание молнии в мачту, – перебил феникс. – Три сломанные реи и один порванный парус меня совершенно не беспокоят.

Он, как и раньше, не особенно старался быть учтивым в разговоре с королем Талассы. На этот раз Сандер уже не удивлялся, зато удивилась Ризель, которую Фейра по какой-то причине взял с собой вместо Хагена. От внимания Немо это не ускользнуло.

– Я понимаю, вам все здесь кажется странным и пугающим, особенно тот, кто стоит во главе этого собрания жутких диковин. Король Блуждающего города, по сути, весьма несчастная... тварь, – сказал он, осторожно протягивая к Белой Цапле тонкое щупальце, но не пытаясь ее коснуться. – Я очарован, моя госпожа, очарован сильнее всех моих подданных, вместе взятых. Простые радости мира никак меня не вдохновляют, а ведь они-то чаще всего и удерживают подобных мне от ухода в глубину. Я знаю цену лести, я давно отбросил учтивость и вежливость, хотя и не забыл, что они собой представляют. А вот грубость – грубость я ценю. Капитан Фейра воткнул мне в бок немало булавок, и за каждую я готов сказать ему отдельное спасибо.

– Я не умею быть грубой, простите, – медленно проговорила принцесса, не отрывая взгляда от бледного отростка с присосками, который завис перед ее лицом. – В моем семействе принято наносить удары украдкой, и если уж булавками, то отравленными.

Немо тихонько рассмеялся:

– От вас это и не требуется, моя госпожа. Просто... расскажите мне историю, которой я раньше не слышал.

– Историю... – повторила Ризель и посмотрела на Фейру. Тот кивнул. Видимо, он поведал принцессе о сделке с королем Талассы, и в каком-то смысле справедливо, что расплачиваться за услуги корабеля пришлось не только самому Фейре, но и сестре Амари. Сандер задумался, зачем сегодня вечером капитан взял с собой его, но быстро отвлекся, потому что Ризель начала свой рассказ.

* * *

Говорят, до начала времен некое дитя спало посреди Пустоты. Иногда оно хмурилось во сне, иногда улыбалось или протягивало руки к тем, кого еще не существовало. Из его снов рождались звезды, и их становилось все больше. Пустота была бескрайней, и заполнить ее целиком не сумел бы даже Божественный ребенок, однако возле его огромной колыбели теперь стало тесно от звезд. Они роились вокруг, словно потревоженные пчелы, стремясь вернуться в улей – сонный разум своего творца, – оказавшийся вдруг недоступным. Ребенок беспокойно ворочался, порою даже хныкал, – от этого звезды сталкивались друг с другом, взрывались и умирали, как умирают сновидения с восходом солнца. Мертвые звезды превращались в пыль и пепел, и вскоре их оказалось так много, что все пространство вокруг спящего словно погрузилось в туман, в котором то и дело вспыхивали новые огоньки. Мертвые звезды не утратили памяти о том, какими они были раньше, и иногда из праха возникали их тени – тусклые, мрачные, способные лишь отражать чужой свет. Еще реже случалось так, что какая-нибудь тень становилась домом для самых слабых отголосков божественных снов – тех хрупких призраков, что сгорали безвозвратно в ярком сиянии живых звезд.

Однажды Ребенок горько заплакал. Он тер руками закрытые глаза, из-под его плотно сомкнутых век текли ручьи соленых слез. Он все плакал и плакал, не в силах остановиться, и тогда сияющие осколки его снов принялись собираться в узоры. Случилось ли это от того, что сами звезды захотели успокоить Ребенка, или же ими управлял тот, для кого бескрайняя Пустота была лишь частью другого, еще более бескрайнего ничто – или нечто, – нам не дано узнать. Одно за другим являлись посреди тьмы созвездия, которых сейчас уже нет, а также те, которые мы зовем Чашей, Крылатым Змеем, Босоногой Беглянкой, Странником-с-Посохом, Кошкой... Ребенок хоть и не видел их, постепенно успокаивался, и слезы теперь лишь изредка срывались с его ресниц, улетаая прочь. А потом – так уж вышло – он чуть-чуть приоткрыл правый глаз, и вместе с последней слезой в полет сквозь пустоту отправилась частица того самого кошмара, из-за которого Божественное дитя и плакало.

Она была невелика – во много раз меньше самой маленькой звезды, – и светила черным зловещим светом. Она притягивала к себе пыль и пепел мертвых звезд, постепенно становясь все больше, и в конце концов к ней устремились и те живые звезды, что оказались рядом. Рисунок созвездий нарушался, тени-призраки срывались с привычных мест и летели во тьму – к поджидавшей там громадной Черной звезде. Это происходило медленно, однако Черная звезда не торопилась, желая оставаться невидимой для существ за пределами Пустоты до тех пор, пока не будет слишком поздно. Из ожидания Черной звезды родилось Время, поскольку каждый сон, оказавшийся слишком далеко от своего создателя, приближал то, что должно было стать концом Пустоты и началом чего-то другого.

Ребенок продолжал спать. Слезы, которые он пролил, стали мерцающей лентой в небе, и если тени-призраки, спутники живых звезд, хоть краешком касались этой ленты в своих бесконечных странствиях, их иссушенные тела покрывались горько-соленой влагой. Там, где божественных слез оказалось особенно много, появлялись озера, реки и моря, а иногда тени-призраки проходили ленту насквозь и покрывались водой полностью. Так родился океан, в котором бушевал Великий Шторм, творя и уничтожая. Живое и неживое подвластно Великому Шторму, потому что лишь он один знает, что видел тот Ребенок, чьи сны светят нам, чьи слезы породили нас.

И так будет до тех пор, пока не придет время Черной звезды.

Король Талассы заворочался где-то вдалеке.

– Это история из одной старой книги, – проговорил он странным, чуть сдавленным голосом. – Я ее знаю... точнее, я читал ее, когда был совсем молодым. Это хорошая история, ваше высочество: она напомнила мне о тех временах, что уже давно прошли... Я ее приму в качестве платы, хоть она мне и знакома. Но третья история, Фейра, должна быть необычной. Иначе я заставлю тебя рассказать о том, что ты прячешь даже от самого себя. Я вытяну из глубин твоей памяти сиреневый вечер в городе под названием Тейравен... письмо, которое не нашло адресата... и маленькую девочку, которая знала тебя под другим именем и считала не тем, кем ты был на самом деле.

В зеленоватом полумраке лицо Фейры сделалось лицом мертвеца, а в его глазах опять вспыхнуло первопламя. Он стиснул зубы и ничего не ответил королю.

Сандер внезапно понял, что ему надо делать.

– Ваше величество, – сказал он, стараясь все-таки говорить почтительно, а не грубо, – позвольте мне внести свою долю платы? Надеюсь, вы сочтете ее приемлемой.

– А-а... – раздалось из темноты. Сандер чуть не сломал сирринг, когда у него от волнения свело пальцы, однако сумел выдержать взгляд очарованного. – Музыкант, который выманил шарката из укрытия. Может, ты и для меня сыграешь?

– Я именно это и собираюсь сделать, – сказал Сандер.

– И что же ты будешь играть?

– То, что вы никогда не слышали.

– Не слышал? – переспросил Немо. – Я? Да будет тебе известно, брат мой, что я каждый день слушаю музыку волн и ветра, музыку сталкивающихся грозových облаков. Звезды тоже поют мне свои песни, и временами я нахожу их приятными. Но лишь временами. Разве можешь ты на своей свистелке сыграть то, что меня удивит? – Он вдруг замолчал, а потом продолжил с напускной небрежностью: – Впрочем, ладно. Играй.

Сандер посмотрел на Фейру и увидел в глазах капитана то, чего не видел никогда: мольбу. Магус определенно все просчитал, нашел для него сирринг, заставил погрузиться с головой в ~песню~ безумного фрегата, взял с собой на встречу с королем Талассы, но что-то непредвиденное вступило в игру, и феникс утратил волю. Своим молчанием он сейчас давал Сандеру

возможность самостоятельно все решить, и судя по интересу, который Немо Гансель проявил к *сиреневому вечеру в Тейравене*, той истории бы хватило, чтобы с лихвой заплатить за все.

Но глаза, эти глаза...

«Может, ты и для меня сыграешь?»

«Ты знаешь, чего хотят очарованные?»

«...сыграешь для меня...»

«Любовь, ненависть и любопытство».

«...сыграешь...»

«Любопытство».

«...для меня».

Сандер приложил к губам сирринг и начал играть ~песню~ фрегата, на время ставшего «Лентяйкой», – ту самую мелодию, которую Немо Гансель никогда не слышал, хотя она звучала в его голове без остановки вот уже шесть с лишним веков.

А в собственной голове Сандера проснулась другая ~песня~.

– ...Вижу свет!

Ночной шторм оказался недолгим. Фрегат с зелеными парусами привык к буйству стихий, и команду, настроившуюся на сражение с волнами, отчасти разочаровало, что на этот раз бескрайний океан так и не осмелился по-настоящему бросить ей вызов. До рассвета оставалось еще несколько часов, и, строго говоря, эти часы можно было потратить только на сон, как вдруг дозорный углядел справа по борту слабый огонек.

Это был какой-то другой фрегат. Капитан зеленопарусного корабля некоторое время вглядывался в темноту и думал, стоит ли приблизиться к незнакомцу, чтобы выяснить, как тот перенес ветер, дождь и волны, не нужна ли ему помощь. Правила игры требовали, чтобы такие фрегаты, как его красавица с необычными цветными парусами, держались подальше от случайных морских странников, если для беседы с ними не было особых причин. Но иногда чутье подсказывало, что следует поступить по-другому.

Зеленопарусный фрегат изменил курс и вскоре приблизился к кораблю, чей кормовой фонарь и углядел дозорный. Они не знали, но этот фрегат носил забавное имя: «Нахалка».

Одного взгляда хватило, чтобы понять: что-то не так. После шторма все снасти были в беспорядке, правый передний парус болтался туда-сюда, не привязанный. На борту, также с правой стороны, в темноте виднелась рана – из нее вытекала слабо светящаяся жидкость.

На палубе не было ни души.

От «Нахалки» веяло такой жутью, что даже матерая команда зеленопарусного фрегата слегка оторопела. Никто не сказал вслух, что мечтал бы очутиться сейчас как можно дальше от корабля, выглядевшего покинутым, но капитан и сам все понял. Он и сам хотел бы убраться поскорее, однако что-то мешало. Он разглядывал «Нахалку» глазами своего рыбкорабля и взвешивал шансы – рискнуть? Поберечься?

В конце концов он вызвал шлюпку и отправился на чужой фрегат в сопровождении двоих помощников, которым доверял как себе, но, когда они закинули кошки и забрались на борт, он приказал им остаться на палубе, а сам спустился в трюм. О том, что там было, он никому не рассказал, а моряки и не спрашивали – они ощутили леденящий холод вскоре после того, как их капитан скрылся из вида. Прошло еще немного времени – и он вернулся – бледный, дрожащий – и вывел следом за собой незнакомца. Тот был высокого роста, но казался маленьким, потому что согнулся чуть ли не вдвое, прижал руки к груди и втянул голову в плечи. Его одежда была изорвана в клочья и покрыта пятнами, чье происхождение никто не стал выяснять.

Выжившего перевезли в шлюпке на борт фрегата с зелеными парусами, после чего «Нахалка» развернулась, хотя ею явно никто не управлял, кормовой фонарь погас, и она навсегда исчезла во тьме.

Капитан приказал очистить один из чуланов от хлама и поселил в этой маленькой «каюте» выжившего, объяснив всем, что тот слишком много видел и должен какое-то время побыть один. Те, кому довелось помогать капитану в этом деле, говорили потом, что выживший прижимал к груди какую-то странную штуковину – несколько трубочек разной длины, соединенных между собой. «Да это же сирринг! – сказал один моряк. – Что-то вроде дудки». И действительно, где-то через неделю они слышали, как из запертой каюты доносятся тихие несмелые звуки, которые вскоре начали складываться в некое подобие мелодии – протяжной, очень грустной...

Того, что у спасенного с «Нахалки» между пальцами рук перепонки, никто не заметил.

Да и не было никаких перепонки, когда он спустя месяц наконец-то вышел из заточения, чтобы стать таким же матросом, как все.

Когда мелодия стихла, наступила тишина. Сандер замер, глядя в темноту. Воспоминания нахлынули с необычайной силой, будто прошло не шесть лет, а шесть дней. Он даже вспомнил, как звали навигатора «Нахалки» – Эгер, Эгер Зайне. Матросы за глаза называли его Занудой, но беззлобно, шутя. Он и впрямь был нудноват и все же заботился о своей команде как о собственной семье. Почему «Нахалка» сошла с ума и сделала то, что сделала, Сандер не знал. Да и не хотел знать, по правде говоря.

И вспоминать тоже не хотел...

Что-то шумно вздохнуло впереди, а потом во тьме зажегся мягкий зеленоватый свет. Сандер моргнул несколько раз – его глаза, привыкшие к мраку, начали слезиться – и увидел просторное брюхо «Лентяйки» во всей красе. Стены, покрытые ноздреватыми наростами, мутная вода, мусор на ее поверхности. Он с некоторым усилием поднял взгляд и посмотрел на Немо.

Король Талассы изменился, и каким-то образом Сандер понял, что здесь не обошлось без его мелодии. Немо Гансель теперь не был бесформенным клубком щупальцев – у него имелся вполне человеческий торс, который словно вылепили из коричневой глины, – он выглядел слишком массивным, слишком... грубым. Король сложил длинные руки на груди; на короткой шее сидела крупная уродливая голова с выдающимися надбровными дугами, расплюснутым носом и мощной челюстью. Спутанная грива походила на водоросли, которые выносит на берег после шторма. В глазах размером с блюда плескалась тьма.

«Король Блуждающего города, по сути, весьма несчастная... тварь».

Нет, теперь он точно не был тварью, хотя и человеком не стал.

– Спасибо. – Голос вновь изменился, сделавшись низким и гулким, под стать грудной клетке, похожей на бочонок. – Я ожидал меньшего. Мы не просто в расчете – теперь я ваш должник. Твой... – он перевел немигающий взгляд с Фейры на Сандера, – в большей степени, чем его или ее.

Сандер вдруг вспомнил свою первую встречу с Марис Гансель и сказал:

– Я бы хотел сделать так, чтобы вы с ней снова были вместе.

Немо расхохотался. Он смеялся, запрокинув голову, и эхо многократно усилило его смех – наверное, слышно было даже на палубе. Сандер боязливо съежился, посмотрел на капитана и тут же об этом пожалел: феникс вдруг показался ему уставшим и каким-то потерянным. Ризель, стоявшая по правую руку от капитана, выглядела куда увереннее и спокойнее.

– Когда проживешь хотя бы половину того срока, что отмерен мне, музыкант, – проговорил человек-кракен, – то любовь, а вместе с ней и ненависть станут для тебя пустыми словами. С годами они покрываются плесенью и пылью, и с этим уже ничего нельзя поделать.

«С годами они покрываются плесенью и пылью...»

– Даже в пустых словах есть смысл, – возразил Сандер, – особенно если одинаковые слова говорят люди, которые уже давно не видели друг друга. Это ведь неспроста, верно? Совпадений не бывает. У всего, что с нами происходит, есть какая-то цель.

Король Талассы задумчиво уставился на матроса «Невесты ветра», и внезапно его лицо изменилось – черты лица смягчились, в наполненных тьмой глазах обозначились белки, отчего взгляд стал более... человеческим. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, – и тут раздался глухой стон.

Сандер, успевший незаметно для самого себя сделать несколько шагов вперед, оглянулся и увидел, что феникс медленно опускается на колени, схватившись руками за голову, словно его вдруг одолела жуткая мигрень.

– Что происходит? – спросил Немо.

– Я не знаю... – выдавил Фейра сквозь стиснутые зубы. – Я не понимаю...

Миг спустя его тело начало светиться, и Сандер, доверившись чутью, бросился в зеленатоватую воду, краем глаза заметив, как огромное щупальце схватило Ризель и унесло прочь. Что-то загудело; от внезапно нахлынувшего страха он чуть не захлебнулся и вынырнул, хватая ртом воздух.

Брюхо «Лентяйки» заполнил дым, в котором исчезли Немо и Ризель, но зато отлично был виден окруженный пламенем человек, замерший в коленопреклоненной позе. Гул продолжился, и Сандер с ужасом понял, что впервые в жизни слышит звук, которого моряки – и люди, и магусы, и очарованные – боятся больше всего на свете.

В Талассе проснулся чумной колокол.

Двустворчатые двери распахнулись, кто-то заорал:

– Чума! В городе корабельная чума!

В ту же секунду Сандер почувствовал страшную боль, словно какой-то зубастый монстр вгрызлся в основание его черепа. В глазах потемнело, он услышал чей-то стон и понял, что стонет сам. Немо с жутким ревом вырвался из воды, и его щупальца раскинулись по всему брюху «Лентяйки». Одно из них рванулось к Фейре, успевшему погаснуть, и схватило его за шею.

– Ты! – загремел король. – Что ты натворил!

Он встряхнул магуса будто тряпичную куклу, а потом швырнул на мелководе и бросился к выходу с неожиданной прытью. С трудом преодолевая ослепляющую боль в затылке, Сандер подобрался к капитану и схватил его за плечи.

– Очнись! – Он уже хотел дать фениксу оплеуху, но тот моргнул и открыл глаза. Они были... белыми. Слепыми. Сандер обомлел и застыл.

– Выбираемся отсюда, – велела мокрая, словно утопленница, Ризель, невесть как оказавшаяся рядом. – Помоги мне поднять его, быстрее!

И Сандер помог. Они выбрались из брюха и, никого не встретив на пути, поднялись на палубу, волоча за собой феникса, который едва переставлял ноги. Сандер и сам двигался с трудом: боль то и дело вспыхивала в разных частях его тела, заставляя сжимать зубы и стонать. Что-то происходило с «Невестой ветра» – только этим объяснялось происходящее с ним и капитаном, – и он даже в мыслях не осмеливался предположить, что именно.

Чумных колоколов теперь было два, и они не умолкали. Сквозь их гул иногда прорывались крики и звуки, свидетельствовавшие о том, что фрегаты, окружающие «Лентяйку», «Невесту ветра» и «Черную звезду», расцепляются, торопясь убраться подальше от рыбокобра, ставшего источником смертельно опасной заразы. Сандер бросил капитана на попечение Ризель и, пробравшись сквозь толпу перепуганных талассийцев к правому борту «Лентяйки», посмотрел вниз.

Она тоже отцеплялась. Ее крючья складывались один за другим, выдирая крючья «Невесты ветра», чья палуба источала мертвенно-бледный свет и на глазах покрывалась черными пятнами. Они росли, сливались друг с другом...

– Там же наши! – заорал он и, забыв про боль во всем теле и туман в голове, бросился за борт.

Упав в воду, он погрузился в ~музыку~, прекрасную нездешнюю ~музыку~, в которой было столько печали, что его сердце едва не расколосось пополам. Тело сделалось тяжелым как камень: он ушел под воду с головой и даже не испугался, что утонет.

Спустя мгновение чья-то сильная рука схватила его за шиворот.

– Если хочешь жить – плыви~.

И Сандер поплыл навстречу смерти, сияющей белым огнем впереди.

Когда все началось, Эсме сидела на палубе и кормила Сокровище остатками рыбы, размышляя о многих вещах сразу. Какая удача, что зверек оказался всеядным; он бы не выжил, оказавшись без присмотра, когда «Невеста ветра» была в Облачном городе, и сейчас, посреди моря, без припасов. Конечно, орехи и ягоды он поедал куда охотнее, чем рыбу, но все-таки можно было не беспокоиться, что он умрет от голода у нее на руках. Ларим, словно прочитав ее мысли, заворковал и прыгнул ей на плечо.

А потом впился в ухо острыми зубками.

Она вскрикнула – скорее от неожиданности, чем от боли, которая пришла чуть позже, – и вскочила. Палуба «Невесты ветра» как-то странно заскрипела у нее под ногами, и там, где она только что сидела, появилось... быстро растущее черное пятно. Проходивший мимо матрос споткнулся на ровном месте и упал лицом вниз. Эсме растерянно огляделась по сторонам.

Случилась страшная беда.

Она чувствовала это так же отчетливо, как боль в ухе, как кровь, стекающую по шее. Ларим запустил лапу ей в волосы, но больше не кусался; он был испуган, как и сама Эсме. Он ощущал то, чего не мог понять.

– Какого кракена... – пробормотал споткнувшийся матрос, поднимаясь, и вдруг заорал, глядя на свою правую руку.

Эсме подбежала к нему и увидела, что вся ладонь моряка ободрана до живого мяса; кусок кожи прилип к палубе вместе с лохмотьями от штанов. Она схватила его за запястье, намереваясь исцелить, как вдруг предчувствие беды накатило с такой невероятной силой, что свело судорогой горло. Хрипя и задыхаясь, она отступила на шаг и чуть не упала, потому что часть палубы стала мягкой и податливой как тесто. Ларим заверещал и дернул ее за волосы. Эсме каким-то чудом сумела удержать равновесие. Она знала, что это *размягчение* тела фрегата свидетельствует о чем-то очень плохом, но...

В трюме кто-то закричал. На передней мачте появилось черное пятно и начало расти; чуть выше возникло еще одно, и они слились друг с другом быстрее, чем она сумела осознать происходящее. Над бортом «Лентяйки» показалась чья-то голова; миг спустя она исчезла – и раздался крик:

– Чума! Корабельная чума!

Мир вокруг Эсме завертелся с головокружительной скоростью. Она услышала, как сыпаются колокола – те самые, которые они заметили, едва войдя в Талассу, – она увидела, как суматоха праздника на палубе «Лентяйки» сменяется встревоженной беготней, почти что паникой. На борту «Невесты ветра», кроме нее, оставалось еще человек семь – кто-то перебрался на «Черную звезду», кто-то ушел на «Лентяйку» или другие корабли, не в силах просто сидеть и ждать, пока вернется капитан. Она вдруг поняла, что все они обречены, и безвольно рухнула на палубу, уже не обращая внимания на ларима, который то тянул ее за волосы, то

кусал за ухо и плечо. Какая-то часть ее сознания бунтовала – что же, это конец? Так завершится ее путешествие, их история? Ничего глупее и придумать нельзя.

«Они несут с собой собственную гибель», – проговорил в ее памяти голос Ризель, повторяя слова капитана-императора. Выходит, она была права, и Фаби не бредила, а действительно слышала то, что сказал Амадейн. Выходит, «Невесту» каким-то образом заразили в Облачной гавани.

Хорошо, что Кристобаля здесь нет...

Эсме вынудила себя подняться. Тело едва слушалось, руки и ноги стали деревянными. Если она прыгнет за борт, то сумеет доплыть до «Лентяйки», хотя та и начала отдаляться, развернув огромные паруса. Только вот... чего она этим добьется? Никто не бросит ей веревку, никто не поможет выбраться из воды, потому что она принесет на чужой фрегат заразу, от которой сейчас погибает «Невеста ветра». Нет, ей не спастись.

Глотая слезы, Эсме отступила от фальшборта. Где-то в затылке появилась невероятно сильная боль – жгучая, словно к ее коже приложили уголь из костра. Слабость, сковывающая ее по рукам и ногам, нарастала. В голове проносились обрывки разговоров, рассказов Эрлана и Кристобаля о корабельной чуме – болезни, которая уничтожает фрегаты без остатка, не позволяя им переродиться в кархадонов. Она открыла свой разум «Невесте» – и воздух превратился в густую черную смолу.

Она зажмурилась.

[Вот так, – сказал Велин с сочувственной улыбкой, – рано или поздно все заканчивается. Ты думала, можно просто сбежать из своей жизни и пуститься в морские странствия вместе с разношерстной компанией бродяг? Нет, конечно, все совсем по-другому. У каждого человека есть свое предназначение в жизни, а кому-то просто суждено кануть в глубину и превратиться в крабий корм. Только и всего.]

«Ты... почему ты мне такое говоришь?»

[А что же еще я должен тебе сказать? Каждый получает то, что заслужил. Чего ты добилась, чем ты заработала право на иную судьбу? Жизни спасала? Нет уж, этим тебе гордиться не с руки, спасать – священный долг целителя. Ты ничего не сделала сверх того, что была обязана сделать.]

«Неправда! Я спасла Джа-Джинни! Я вернула его из мертвых!»

[Да что ты говоришь. Может, именно это и было твоей самой большой ошибкой? Может, ты вмешалась в планы Эльги или самого Великого Шторма? Может, одной маленькой птичке стоило бы затаиться в своем гнезде, а не лететь навстречу буре?]

«Я не понимаю...»

[И не должна понимать.]

– Эсме, очнись! – Кто-то схватил ее за плечи, встряхнул. Она не нашла в себе сил, чтобы пошевелить хоть пальцем, чтобы открыть глаза. Ларим скорчился у нее на плече – она чувствовала щекой его шерсть, – и, похоже, его охватило то же странное оцепенение.

– Да очнись же ты наконец!

– Эсме...

Другой голос. Прикосновение, от которого по коже побежали мурашки; где-то во тьме, в которую погрузился ее разум, сверкнула молния. Она вынырнула из тьмы, словно вытащила себя за волосы из болота; казалось, на это ушла целая вечность.

Она открыла глаза.

Над ней склонились Кристобаль и Сандер; у феникса было что-то не так с глазами, но она еще не пришла в себя настолько, чтобы понять, что именно. Рядом был кто-то еще. Она села, придерживая рукой сползающего ларима, огляделась по сторонам. С того момента, как сознание оставило ее, явно прошло некоторое время, потому что пятна затянули всю поверх-

ность палубы, мачты и сложенные паруса – теперь лжеплоть «Невесты» выглядела так, словно ее покрыла серебристо-черная плесень. Фальшборт, в который Эсме уперлась рукой, вставая, был твердым, но вот палуба прогибалась под ногами.

За спиной Сандера маячили трое матросов – Кай, Ролан и Гвин; поодаль Бэр склонился над чьим-то телом. Она не хотела знать – чьим. Больше никого... Значит, кроме нее, здесь еще шестеро выживших и Шторм знает сколько трупов.

– Надо спуститься в брюхо, и побыстрее, – сказал Кристобаль. Она снова посмотрела на него и вздрогнула, наконец увидев совершенно белые слепые глаза. – Если у меня получится кое-что сделать, мы спасем ее. Если же нет – там есть лодки... вы сможете выбраться, а потом – через какое-то время – Немо вас подберет. Времени нет. Идем.

Сандер пошатнулся и чуть не упал, ей пришлось подставить ему плечо. Стремительно слабеющий матрос казался бледным словно простыня, его щеки покрывали синеватые пятна. Эсме поняла, что и сама выглядит не лучшим образом. Все происходило очень быстро – она скользила по реальности словно жук-водомерка.

– Быстрее.~

Кристобаль на секунду замер у люка, ведущего в трюм, обратил к ней ослепшие глаза. Как же он видел?

– Зрение навигатора.~

«Невеста» из последних сил старалась помочь капитану, который явно знал, что делает, хотя Эсме не раз слышала от него – от корабельной чумы нет лекарства.

Она не помнила, как спустилась в брюхо, придерживая ларима одной рукой и Сандера – второй. Остальные спустились туда же и, стоя по пояс в воде, растерянно уставились друг на друга. Фейра добрался до противоположной стены и принялся шарить по ней руками в поисках чего-то. Стена мерцала, по ней пробегали волны, словно по шкуре встревоженного зверя. Эсме снова ощутила боль в затылке, и Сандер, навалившийся на ее плечо, стал неимоверно тяжелым.

Фейра пробормотал что-то себе под нос и сунул обе руки в полость, открывшуюся в стене. Вместо надежды Эсме почувствовала, как надвигается новая волна паники.

– Не бойся, – сказал он чуть громче, бросив на нее короткий взгляд. – Сейчас все будет хорошо.

В следующую секунду раздался громкий хлопок – и феникса отшвырнуло назад. Он упал на спину, раскинув руки, и полностью ушел под воду. Зеленоватое мерцание брюха на несколько секунд погасло, но это не помешало Эсме сунуть ларима Сандеру, который каким-то чудом удержался на ногах, и кинуться следом за Кристобалем. Она нашла его, когда свет загорелся опять – только уже не зеленый, а красный. Магус был без сознания. Его лицо посерело, кожа на ощупь казалась холодной и твердой как камень. Эсме скользнула вглубь...

Лиловые лепестки сердце-сути один за другим сворачивались, чернели, рассыпались в прах.

...И тотчас же вынырнула обратно. С болезненной ясностью она поняла, что бессильна остановить увядание, даже если бросит на это все свои силы. Она не могла его исцелить.

Потому что в исцелении нуждалась «Невеста ветра».

– Бэр! – крикнула она. Гроган единственный сохранил прежнюю силу – возможно, на его измененную натуру происходящее действовало совсем по-другому именно из-за того, что он не был ни человеком, ни магусом. – Бэр, возьми капитана, я его не удержу! Иначе он утонет!

Гроган послушно принял у нее тяжелое тело. Она сжала кулаки, проглотила слезы. Последние минуты, отведенные «Невесте ветра» и Кристобалу Фейре, истекли.

– Слушайте меня внимательно, – сказала она. – Вы знаете, где взять лодку и что с ней сделать. У вас еще есть на это время. Я хочу попробовать кое-что, чего раньше никто не делал, но вы не обязаны рисковать жизнями, уже и так многие погибли. Уходите. Уходите, не ждите меня.

Она повернулась и побрела в сторону стены, где зияло отверстие, в котором Кристобаль что-то искал. Добравшись до цели, она обернулась и увидела, что все пятеро моряков не двинулись с места. Сандер прижимал к груди ларима. Бэр держал Кристобала на руках, словно спящего ребенка. Кай и Ролан поддерживали друг друга, чтобы не упасть; Гвин просто стоял и смотрел на нее во все глаза.

«Эльга-Заступница, помоги мне».

Она достала из кармана последний из двух флаконов, украденных Хагеном, вытянула пробку зубами, выпила все до дна и погрузила обе руки в слоистую плоть фрегата. В глубине ей удалось быстро нащупать плотный узел – одно из средоточий разума, о которых когда-то давным-давно рассказывал щеголеватый незнакомец с разноцветными глазами. В ладони вонзились сотни тончайших игл – это было не больно, скорее щекотно. Она закрыла глаза.

«Ни одна живая тварь не заслуживает боли и страданий».

В конце концов, раз сердце-сутью обладает каждое живое и разумное создание, с чего бы фрегату оказаться исключением из общего правила?..

Она была черной.

Сначала Эсме показалось, что кругом темнота, непроглядная мгла – океан Вечной ночи из древних легенд, величественный и безграничный. Ей пришлось собрать все силы, чтобы не поддаться страху и не сжаться в точку, – ведь сейчас никто не вытащил бы ее отсюда, случись непредвиденное. Велин мертв, Кристобаль на грани жизни и смерти. Она одна. Она совсем одна.

Нет...

Во мраке прямо перед ней что-то шевельнулось, и, приглядевшись, Эсме увидела, как проступают контуры огромного цветка – в чем-то похожего на те, что ей уже не раз доводилось видеть, и одновременно совсем другого. Он был самую малость темнее темного, края его лепестков еле заметно мерцали, как мерцают звезды в ночи. Он был... прекрасен.

Эсме осторожно потянулась к нему и увидела в самой сердцевине черного цветка другой – бледно-лиловый. Второй цветок в точности повторял первый по форме, но был маленьким и хилым. От одного только вида ее сердце сжалось, и, хотя время здесь текло иначе, она поняла, что стоит поторопиться.

То, что сердце-суть «Невесты ветра» оказалось достаточно похожим на привычные Эсме – не считая цвета, конечно, – немного успокаивало, и она принялась за дело, словно в нем не было ничего необычного. Она внимательно изучала лепестки один за другим и зашивала каждую прореху, которую удавалось найти. Их было очень много – лишь издали цветок казался целым, красивым, но в некоторых местах дыры располагались так близко, что он потерял бы немало лепестков, если бы не Эсме. Она трудилась усердно, ощущая в себе источник почти безграничной силы, разбуженной «слезами Эльги», и еще – где-то в глубине ее души все сильнее разгорался огонек надежды.

У нее получалось.

Еще немного – и она...

– ...Эй!

Легкий бриз ерошит волосы. Полуденное солнце не жалеет тепла, но камни мостовой пока что хранят прохладу, по ним приятно ступать босыми ногами. У нее в руках корзинка, она идет к тетушке Фрине за яблоками для пирога. За самыми вкусными яблоками в Тейравене. Ей всего шесть, но в этом возрасте уже пора помогать маме, как Паоло помогает отцу.

– Эй, малышка, ты не подскажешь, где тут дом Бартоло и Леоны Занте?

Голос кажется знакомым. Это странно, ведь она его раньше никогда не слышала.

– Да, я знаю. Они...

Она поворачивается.

– Они мои...

Поворачивается.

– ...родители.

И видит его.

...Лиловый цветок медленно раскрывается. У него в сердцевине сундук из черного дерева, по бокам – полустертые узоры: берег, башня, птицы над морем, чье-то красивое лицо посреди облаков. Из замка выглядывает новенький блестящий ключ. Эсме ошеломленно смотрит на него, и под ее взглядом он сам собой начинает поворачиваться. В замке что-то щелкает.

Дождливым зимним вечером, когда от скуки некуда себя деть, Эсме садится на подоконник и мечтает о далеких странах. Паоло пытается читать книгу, которую ему дал отец, но она слишком серьезная и сложная, так что он зевает украдкой, думая, что никто его не видит и не слышит. Леона Занте вяжет, сидя у очага, а Бартоло заперся в своей комнате с бумагами и высчитывает, по какой цене лучше продать товар на ярмарке, которая начнется через неделю. Только Эсме смотрит в окно, и только она замечает, что кто-то подходит к их дому.

Через несколько секунд раздается стук в дверь, и она, сорвавшись с подоконника, бежит встречать гостя – моряка по имени Брандан Гарби, старого приятеля ее отца, веселого бродягу с удивительными разноцветными глазами.

Зеленым левым и синим правым.

Ключ поворачивается в последний раз и исчезает.

Крышка поднимается – медленно, со скрипом.

– И что теперь будет?

– Ничего хорошего, Бартоло. Нужно срочно уезжать из Тейравена, пока Эйдел не получил второе письмо. Я пытался... я пытался и его перехватить, но у меня ничего не вышло. У меня быстросходный фрегат, ты знаешь, но мне удалось добиться лишь дня форы. Завтра вечером письмо будет у Эйдела. Надо уходить.

– Я понимаю, но...

– Никаких «но». Когда Эйдел все узнает, он придет, и ты... да ты хоть представляешь, что случится? Они его заберут, увезут в Облачный город и станут делать с ним такое, о чем ты и помыслить не можешь. Ты о таком будущем для своего сына мечтал?

– Замолчи, Бранд! Я не дурак, я все понимаю. Но и ты пойми – как же мы вчетвером сумеем затеряться? У меня нет денег – из-за этой глупой расписки я все потерял... такое впечатление, что Эйдел и так уже все знал, когда подтвердил ее... что с нами будет, Бранд? Мы окажемся в чужом городе без гроша в кармане, а ведь у меня еще есть дочь.

– Я вам помогу.

– Ты? У тебя же ветер в карманах свистит, Бранд...

– Не так громко, как тебе кажется. Кроме того, я могу увезти вас на Окраину, куда имперцам вовек не добраться. Знаешь, как красиво в Кааме? Еще есть Скодри, с которым мы выпивали две недели назад и клялись друг другу в верной дружбе до конца своих дней.

– Ты знаком со Скодри? Ты бывал в Кааме? Ты не терял времени зря, дружище.

– Некогда рассказывать, Бартоло. Так что?

Длинная пауза.

– Скажу Леоне, чтобы собрала все необходимое. Или пусть Эсме скажет – она все равно подслушивала под дверью, а мы с тобой пока что...

...Она хотела бы закрыть глаза и уши, но рядом с сердце-сутью у нее нет тела, поэтому она вся – сплошной глаз и сплошное ухо. Не укрыться. Не спрятаться. Спрятанное в сундуке не знает жалости.

Никто не видит ее слез, никто не слышит, как она кричит.

Никто не в силах разделить боль, от которой она...

...Задыхается. Она задыхается. Правую стопу пожирает жадный зверь, обгладывает кость, облизывается, урча от удовольствия. Почему-то у нее в голове вертятся странные образы – чердак, где она любила уединяться. Какие-то люди. Крики. Пламя, рвущееся со всех сторон, – таких пожаров не бывает: дом не может запылать сразу, словно его облили маслом. Всюду дым, все трещит, а потом с потолка падает балка прямо ей на ноги.

И сразу же – тьма, тишина, спокойствие.

Кто-то несет ее на руках, укрывает ее своим телом от огня.

Чьи-то руки сжимают ее так крепко, что нечем дышать.

Тьма, тишина.

– Тише, тише, малышка. Все будет хорошо, – говорит человек, заменивший ей отца и мать, ставший ее лучшим другом на целых десять лет. – Потерпи еще немного, еще совсем чуть-чуть...

Тьма.

И голоса во тьме.

– Я... не могу ее бросить, Велин.

– Знаю.

– Что же мне делать?

– Тебе? Убираться отсюда, и поскорее.

– А...

– А я давно хотел попросить об одной услуге. Ты обещал, что отпустишь меня на сушу, когда придет время, – так вот, оно пришло. Я устал, Кристобаль. Я... мне не так уж много лет, но с целителями все иначе. Я выбился из сил. Мне нужен дом, чтобы прожить оставшиеся годы, мне нужна... семья.

– Жена и дети?

– Да. Знаешь... я всегда мечтал о дочери.

Вновь приходит тьма, приглушая голоса, но все же последние слова звучат в ней долго, словно угасающее эхо:

– Не рассказывай ей о том, что случилось, Велин. Она меня не простит.

~Она меня не простит~

~~~~~Она меня не простит~~~~~

~~~~~Она меня ~~~~~

~~~~~ не простит.

Шум моря

Когда Амари закончил рассказ, за окном всюду шел дождь. В «Логове» было очень тихо. Лайра встал и подошел к окну почти в самом начале истории, а Камэ, наоборот, села и спрятала лицо в ладонях. Теперь король Окраины стоял спиной к своим странным и неожиданным гостям, и, хотя его осанка была, как всегда, горделивой, все они с безошибочной ясностью ощущали: он в отчаянии.

– Через четверть часа после того, как начали бить колокола и мы увидели, что чуму обнаружили на «Невесте ветра», – разразился сильный шторм, – сказал Хаген, заметив, что Амари потирает шею, болезненно морщась. – «Черную звезду» вместе с «Полуночным призраком» Марис Гансель унесло далеко к югу... Потом мы вернулись туда, где оставили Талассу, но ничего не нашли. Город разделился на части, и каждая отправилась в самостоятельное путешествие по Морю Обездоленных. Марис сказала, так всегда происходит после сильного шторма или какой-нибудь неприятности, и потом они встречаются... через месяц-другой, а иногда и через год. Мы решили их не искать, а вернуться сюда. Нам больше некуда идти.

– Странное решение, – проговорил Лайра, не оборачиваясь. – А если «Невеста ветра» выжила и ей нужна была помощь?

– Все знают, что от корабельной чумы нет лекарства, – уверенно сказал Амари, но его лицо при этом резко побледнело.

– Есть немало общеизвестных истин, в лживости которых мне довелось убедиться на своем веку, – парировал Лайра, по-прежнему глядя в окно, на струи дождя. – Фрегаты не ныряют. Клан Фейра уничтожен. Женщин-навигаторов не бывает. Младшего сына капитана-императора сожрали пардусы. Я бы не удивился... впрочем, все это пустые слова. – Он повернулся и окинул взглядом троицу гостей. – Вы хотели мне что-то еще рассказать?

Амари и Хаген переглянулись. Ризель, которая до сих пор сидела очень спокойно и разглядывала собственные руки, сложенные на коленях, вдруг подняла голову и посмотрела Лайре прямо в глаза.

– Рассказать – нет, не хотим. – Ее голос звучал устало, но твердо. – Наше путешествие оказалось достаточно трудным, но о нем можно поведать в другое время... и в другой обстановке. А вот спросить мне бы хотелось.

– Спрашивайте, ваше высочество, – сказал Лайра, когда пауза затянулась.

Ризель задала именно тот вопрос, которого он ждал:

– Что вы собираетесь предпринять?

Король ответил не сразу. В его памяти пронеслись весенние события в Каме: он вспомнил о карте, которую удалось превратить в оружие, позволившее задержать могущественного союзника в своей гавани, избавив тем самым другой порт Окраины, Ямаоку, от смертельной опасности. Он знал, куда могла направиться «Невеста ветра», если ей каким-то образом удалось избежать проклятия корабельной чумы.

Сидевшие перед ним Ризель, Амари и Хаген тоже это знали.

– Я собираюсь вернуться к делам, которые вынужден был прервать, когда мне доложили о вашем прибытии, – сказал Лайра Арлини ровным спокойным голосом. – Мое королевство, может, и невелико, но это не значит, что я вправе предаваться безделью. А вы... вы можете рассчитывать на любую посильную помощь. Доки и склады в вашем распоряжении. Корабельные мастера – вольные птахи, с ними договаривайтесь сами, но я попрошу Мора, чтобы он познакомил вас с нужными людьми. Раз вам некуда больше идти, оставайтесь – мы всегда рады приютить тех, кто в этом нуждается.

Хаген, чье лицо по-прежнему хранило поразительно бесстрастное выражение, закрыл глаза. Амари нахмурился, но Ризель многозначительно кашлянула, и молодой магус не пророчил ни звука; впрочем, это не помешало ему одарить Лайру колючим взглядом. «Все-таки ты еще совсем мальчишка...» – подумал король Окраины и почувствовал, что ему хочется отеческим жестом потрепать юного навигатора по взъерошенным волосам, похлопать по плечу. Он едва сдержался.

Камэ так и сидела, спрятав лицо в ладонях, не видя и не слыша ничего вокруг.

Ризель встала, поблагодарила повелителя Каамы и всей Окраины за радушие, и гости ушли.

Через два часа, когда Лайра как раз закончил рассматривать запутанный спор между двумя городскими торговцами, обвинявшими друг друга в мошенничестве, и погрузился в изучение нового прошения от городских старейшин, – на его балконе раздался странный шум, а потом что-то с оглушительным грохотом упало на мостовую и разбилось.

– С тебя новый цветочный горшок, Джа-Джинни, – сказал Лайра, не поднимая носа от бумаг. Ответом ему был новый грохот. – Два горшка.

Со стороны балкона послышались приглушенные ругательства.

– Что ты говоришь? – поинтересовался Лайра. – Неужели три?

– Я говорю, что ты мерзавец, раз не хочешь помочь другу, – сказал крылан, боком протискиваясь через слишком узкую для него дверь.

– Другу? – переспросил Лайра, наконец-то устремляя взгляд на Джа-Джинни. – Не тому ли *другу*, который едва не запустил в меня молнией?

Крылан выпрямился и скрестил руки на груди.

– Ты же знаешь, что он бы этого не сделал.

– Я видел его глаза. – Лайра отбросил перо, даже не заметив, что прямо посередине прошения возникла огромная клякса. – Он запросто мог превратить меня в горстку пепла. Впрочем, о чем мы говорим? Судя по рассказу Амари, ты и сам повел себя... не по-дружески.

Джа-Джинни отвел взгляд.

– Я готов признать свою ошибку, – сказал он ровным голосом. – Я хотел вернуться и хотя бы посмотреть, что происходит на «Невесте ветра», но мне помешал шторм. И я... – Он чуть помедлил, а потом произнес сквозь зубы, насильно выталкивая каждое слово: – Я очень испугался.

Король вздохнул.

– У них не было ни единого шанса, – тихо проговорил он, не замечая, что противоречит собственным словам, сказанным не так давно. – От корабельной чумы нет лекарства.

– Марис Гансель говорит, что один-единственный шанс все же был, – возразил крылан, слегка воодушевленный смягчившимся тоном Лайры. – Эсме.

Лицо Лайры побелело, он вскочил и прошипел:

– Убирайся прочь! Скажи спасибо, что я не приказал расстрелять ваш грязный фрегат еще на подходе к Кааме. Скажи спасибо, что я позволил дочери и сыну самого мерзкого магуса из всех, что когда-то жили в этом мире, сойти на берег. Если еще хоть раз...

Джа-Джинни примирительно поднял руки, отступил, а потом повернулся и, вновь протискиваясь сквозь дверь огромные крылья, спрыгнул с балкона и улетел. Лайра махнул левой рукой, сметая со стола бумаги, книги, чернильницу с пером и прочее. Сердце бешено колотилось у него в груди, а в памяти почему-то маячила карта, в северной части которой был обозначен небольшой остров под названием Земля тысячи огней. Он закрыл глаза на несколько секунд, пытаясь успокоиться, а потом открыл и обнаружил, что снова не один.

Только на этот раз посетитель явился не через дверь и даже не через балкон.

– Ты пришла... – проговорил он, глядя на красивую рыжеволосую женщину, которая сидела в его кресле и с интересом разглядывала учиненный погром. На ней было темно-зеленое платье, украшенное слегка потрепанными кружевами, и он знал, что она боса, хотя и не мог видеть ее ног. Она посмотрела на него, чуть приподняв бровь, и сказала:

– Пришла? Да я и не уходила никуда, мой король.

Он тяжело вздохнул.

– «Утренняя»... То есть «Черная звезда», а теперь ты – слишком много событий для одного дня, который еще далек от завершения. Мара, я...

– Занят, вижу.

– Я устал. – Лайра вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони. – Чего ты хочешь?

Его гостья встала и обошла стол. Она была маленькой и хрупкой, вблизи от нее пахло чем-то странным – камнями, разогретыми солнцем; городом и морем. Ее глаза все время меняли цвет, лицо и одежда становились другими, но перемены были плавными и почти незаметными, потому что каждую секунду он видел ее заново, забывая, как она выглядела мгновение назад.

Главное, что она была рядом.

– Я хочу того же, чего хотел крылатый, – прошептала она, глядя на него снизу вверх. – Того же, чего хотят его друзья. И того же, чего хочешь ты.

Он хотел возразить, но вместо этого поморщился и отвел взгляд. Карта снова всплыла перед его внутренним взором, только на этот раз на ней появились живые рисунки – множество маленьких кораблей, которые деловито продвигались из Облачного города на север, к Вороньим островам. Вот у них на пути сгустились тучи, начался сильный шторм, словно сам Великий Шторм вознамерился помешать капитану-императору, но не было сомнений, что сильное слово Цапли одолеет любые препятствия... Что-то назревало. Чуть севернее, у Росмера – столицы клана Корвисс, – тоже собирались корабли.

Неужели где-то в тех водах затерялся еще один, с зелеными парусами?

– Он не погиб. Я это знаю наверняка.

– Ты не можешь ничего знать, – тихо проговорил Лайра. – Мы не получали известий с севера уже давно. Даже если забыть о корабельной чуме, даже если предположить, что команда из неполного десятка человек смогла преодолеть Море Обездоленных, – кто поверит им в Росмере, кто к ним прислушается? Что их ждет на Земле тысячи огней, кроме тысячи смертей?

Мара склонила голову набок.

– Кристоаль Фейра жив, – сказала она с легкой обидой. – А тебе бы стоило доверять друзьям, Лайра Арлини. Особенно тем, которые знают больше твоего, потому что... потому что такова их природа.

Лайра поднял руку и коснулся ее щеки кончиками пальцев.

Все исчезло.

Он был во тьме, посреди которой горела одинокая звезда, казавшаяся маленькой и беззащитной; он был в пустоте и почему-то совершенно точно знал, что пока еще не существует ни Великого Шторма, ни бескрайнего океана и Десяти тысяч островов, ни людей, ни магусов... Только эта звезда, чей робкий свет успокаивал и внушал надежду. Только ее сны и тени, одна из которых и стояла сейчас в шаге от уставшего, измученного тоской и тревогой калеки.

Почему же она снова к нему пришла?..

– Я точно знаю, – прошептала Мара ему на ухо, чуть приподнявшись на носках, – что ты не сумеешь есть и спать, если не вмешаешься и не станешь одним из героев этой истории. Ты навсегда потеряешь себя, и это могло бы стать справедливой карой за злопамятность, трусость и предательство. Но решение еще не принято. Я не стану больше тебя уговаривать.

– Уйдешь? – спросил он тоже шепотом, осторожно глядя ее волосы.

– Уйду. – Рука Мары легла ему на грудь. – Но позже...

Часть вторая

Дорога печали

Она вспоминает.

Она вспоминает о том дне, когда впервые почувствовала ~его~, ощутила каждой клеточкой своего еще достаточно маленького тела. О том, что было раньше, она не помнит – знает, что ей запретили это помнить. ~Он~ и сам мало что помнит. ~Он~ и сам был маленьким, слабым, хрупким – его почти сломали. ~Он~ бы утонул, точно утонул – та сила, что и поныне прячется на дне ~его~ души, оказалась бесполезной посреди бескрайнего Океана и угасла, как свеча под проливным дождем.

Иногда она спрашивает себя: что случится, когда ~он~ умрет?..

Она знает, что люди не вечны. И те и другие – у них куда больше общего, чем они готовы признать, а немногие различия, что еще сохранились, постепенно стираются. Магусы, пришельцы с небес, не умеют пользоваться вечностью – они от нее рано или поздно устают. В отличие от таких, как она.

Она может умереть, разумеется. Ее могут разорвать на части кархадоны или кракены, ее может одолеть чума, ее может сокрушить по-настоящему мощный шторм. Но если ни того, ни другого, ни третьего не случится – она будет жить очень-очень долго, потому что ее тело устроено совсем иначе: оно способно обновляться бесконечно, лишь бы хватило еды. И все же...

Что случится, когда ~он~ умрет?

Неужели она все забудет? Все эти дни, недели, месяцы и годы, которые они провели вместе? Она дрожит всем своим огромным телом при мысли, что расставание неизбежно; постигая конечность их личной вселенной, она заглядывает за край, в пустоту, и никто не в силах утешить ее скорбь.

А вдруг она тоже перестанет существовать – вместе с ~ним~? Их связь необычна – слишком крепка, передает слишком много чувств и слов. ~Его~ слов, ведь она-то немая: ее мысли слишком сложны и тяжелы для ~него~, и ~он~ воспринимает лишь образы и эмоции. С годами поднаторел, не ошибается, не путается в оттенках и полутонах, сразу отличая легкую досаду от светлой печали, возбуждение – от нетерпения, а страх перед Великим Штормом – от яростного желания бросить ему же вызов. И все-таки она хотела бы... поговорить с ~ним~, как это делают люди и магусы. Рассказать о многом – например, о том образе идеального корабля, безупречного корабля, корабля-предка, что запрятан в одном из ее средоточий разума и служит моделью всякий раз, когда приходится перестраивать себя, пусть даже не получается во всем и всегда этой модели следовать. Однако слова ей недоступны, а образами такое не передать – она пыталась, но он ничего не понял. Ее злит, когда ~он~ не понимает. Еще ее злит <запретное> – то, что можно разглядеть лишь краем глаза, притворившись, будто смотришь совсем в другую сторону. Она боится <запретного>, потому что оно способно сотворить множество жутких вещей и даже – об этом ей страшно думать – разрушить ~связь~ до срока. ~Он~ заставляет ее мириться с <запретным>, не понимая, что играет с огнем.

Впрочем, ~он~ любит играть с огнем.

* * *

Старейшина клана Корвисс привез из дальних и очень долгих странствий рецепт замысловатого напитка с труднопроизносимым названием. Каждое утро он вставал засветло, сам

возился на кухне, смешивая в строгих пропорциях полдюжины ингредиентов и колдуя над хитроумной крафтверовской плитой, сам переливал ароматное, но очень горькое и обжигающе горячее зелье в большую чашку, после чего сам его выпивал, устроившись на балконе библиотеки, откуда с высоты третьего этажа еще и любовался восходом над Росмерской гаванью на протяжении примерно получаса. В это время никто не мог его беспокоить, и даже явись в столицу Вороньего клана капитан-император собственной персоной, его бы вежливо, но настойчиво попросили подождать.

Поэтому молодой Айлантри Корвисс, которого в насмешку называли Птенчиком-в-очках, почтительно застыл у дверей библиотеки, хотя от нетерпения ему хотелось прыгать и бегать. Миновало лишь пять минут после того, как старейшина уединился на балконе; какая жалость, что новости из порта не пришли самую малость быстрее. Конечно, ничего страшного за полчаса не произойдет, но, во-первых, Айлантри не любил объяснять очевидные вещи Иттерену Дайхо, нетерпеливому и туповатому главе Росмерской таможни, во-вторых, он никак не мог отделаться от странного ощущения, что случившееся может оказаться либо совершенным пустяком, либо крайне важным событием, но никак не чем-то третьим.

Нужно потерпеть еще минут двадцать...

– Айлантри, будь любезен, подойди.

Птенчик-в-очках привык выполнять приказы старейшины не задумываясь. Молодой магус ринулся вперед, хотя его внутренний голос в это же самое время беззвучно пискнул: «Время, время! И минуты не прождал! В чем дело?!»

Верховный Ворон стоял на балконе словно изваяние – рука застыла, держа тяжелую чашку на уровне рта, глаза устремлены на что-то в порту.

– Говори.

– Только что прибыл посыльный от господина Дайхо, – начал Айлантри. – Его цепные... гм... его подручные задержали фрегат, чей навигатор требует встречи со старейшиной и заявляет, будто он... – Тут Птенчик-в-очках осекся, поскольку здравый смысл подсказывал, что заявление незнакомого навигатора – либо наглая шутка, либо бред безумца, и, оказись на месте Дайхо менее настырный человек, никто не стал бы беспокоить Верховного Ворона по столь дурацкому поводу. Не успел он перевести дух, как старейшина произнес ровным и спокойным голосом:

– В Росмер наконец-то прибыл его сиятельство Пламенный Князь. После стольких лет... Прикажи Ройлу и Ние подготовить комнаты – пусть они примут во внимание, что будет еще и гостя, – а потом отправляйся к Дайхо. Надеюсь, он еще не успел разозлить князя. Нам с его сиятельством и без того предстоит весьма нелегкий разговор.

Сказав это, Рейнен Корвисс отпил из своей чашки и поморщился, большой шрам на правой щеке превратил мимолетную гримасу в выражение невыносимой боли. Айлантри кивнул и позволил себе на миг задержаться перед уходом, чтобы проследить за направлением взгляда старейшины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.